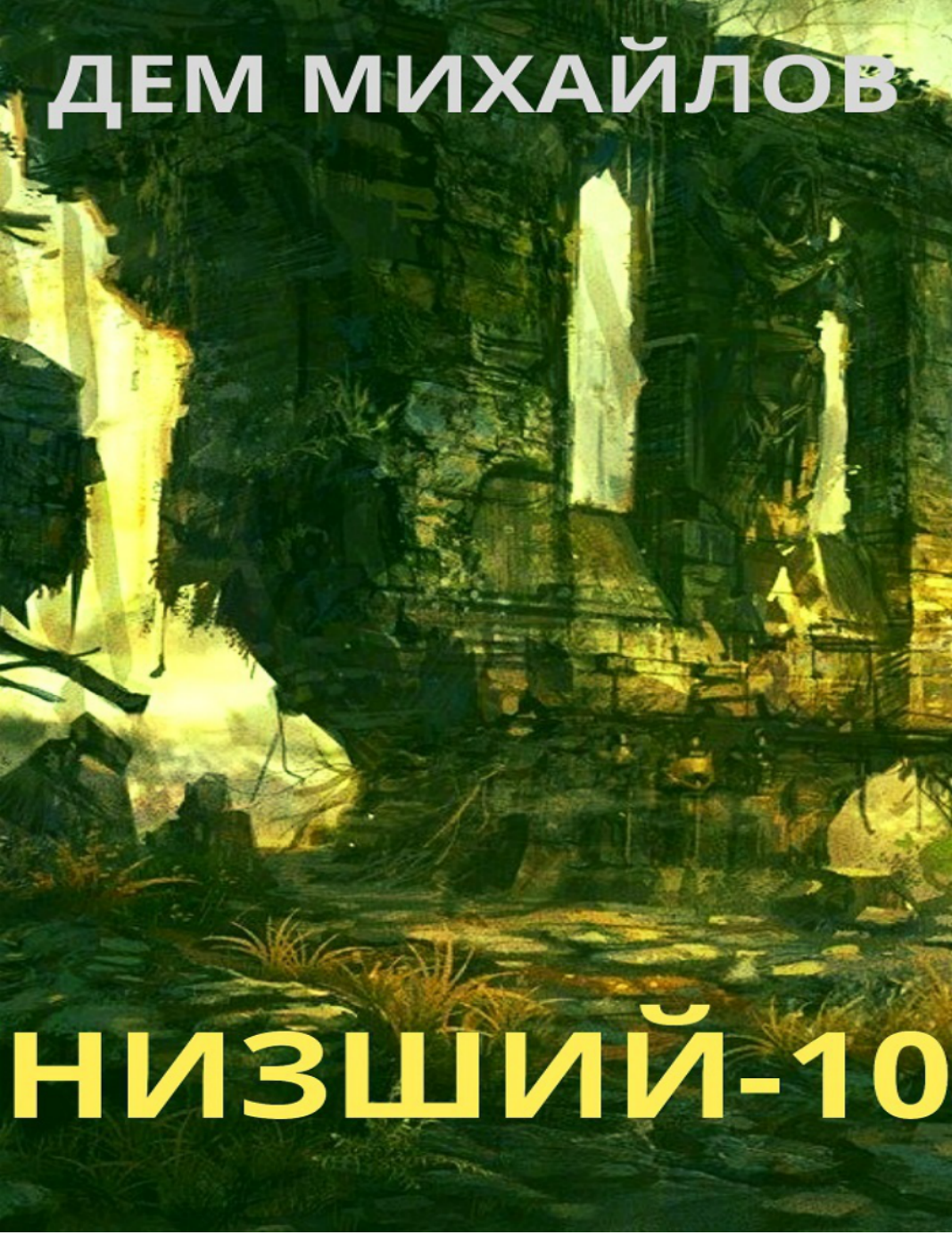
ДЕМ МИХАЙЛОВ



НИЗШИЙ-10

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Когда надо – я могу быть быстрым. Когда очень надо, а работы дохрена – я могу превратить любую ленивую жопу в пышущий жаром рвения гребаный метеор. В этот раз я постарался применить все свои способности, чтобы добиться максимальной оперативности, но при этом не упустить ничего важного…

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая

Дем Михайлов
Низший 10

Глава первая

Когда надо – я могу быть быстрым.

Когда очень надо, а работы дохрена – я могу превратить любую ленивую жопу в пышущий жаром рвения гребаный метеор.

В этот раз я постарался применить все свои способности, чтобы добиться максимальной оперативности, но при этом не упустить ничего важного.

Едва вернув нас на базу, заменив пару запчастей, чуть обиходив движок и урвав для сна несколько часов, Рокс со своим помощником и десятком Хвана рванул к Зомбилэнду, увозя с собой небольшой груз из запчастей, боеприпасов и запасных батарей. Им предстояла длинная дорога, а перед прибытием в Уголек, они заглянут еще в одно место. Следом я отдал еще с десяток приказов, каждый из который вызвал громкие стоны у личного состава. Застонали все – как ветераны, так и мясо. Но мне было плевать, и через полчасика я добавил еще пару приказов, заставив всю базу всколыхнуться.

Спустя час после убытия Рокса, на крышу центрального здания упал дрон, выпустивший из позолоченного чрева сразу двух симпатичных девушек и одного урода. Зеленоглазка, Диля и Червеус. Героиня, эльфийка и уродливый призм в статусе героя. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять – Зеленоглазка и Червеус умирают от радости и счастья. Эльфийская же ухоженная красотка рада, но при этом еще и очень смущена.

Пожав лапу червя, я поинтересовался у Дили:

– Охрана?

– Меня охраняют герои пятого ранга с нестертой памятью. – робко улыбнулась в ответ эльфийка.

– Вы? – я повернулся к знакомым рожам.

– Мы! – с широченной усмешкой подтвердил Червеус. – Свершилось, сука! Я герой высшего ранга!

– И я! – подпрыгнула зеленоглазая. – Земли Завета достигнуты! Святые сиськи! Я достигла высшего ранга!

– Спасибо! – мне в плечо вцепилась лапа червя.

– Я тебя в хранители эльфийских тушек не назначал. – качнул я головой.

– Зато дела твои привели к этому. Непредсказуемая рваная цепочка событий со счастливым финалом. И добрая Высшая Дилтарилуэлла Западная выбрала именно нас в свои телохранители. И мы не позволим упасть с ее голову даже одному пепельному волоску… К-хм… Вызывал?

– И вас я не звал. – вернул я усмешку. – Мне была нужна

богатая, щедрая, быстрая и не задающая много вопросов эльфийка, что искренне озабочена судьбой этого мира. Остальные могут прямо щас валить нахер.

– Оди! – обиженно округлила губки Зеленоглазка. – Я к тебе все душой и телом!

– Телом? – переспросила эльфийка. – Давайте-ка в дрон. А я побеседую с доблестным героем Оди, спасшим мою жизнь.

– Хы… – оскалился Червеус Магмус и, схватив за плечо на этот раз округлившую глаза, а не губы подругу, поволок ее за собой к позолоченной летающей машине.

– Поговорим на сугубо деловые темы? – улыбнулась Диля.

– Поговорим. – кивнул я, с высоты крыши наблюдая как по одну сторону здания хрипели от натуги новички, проходящие созданную Каппой полосу препятствий, а с другой стороны тяжко шагал экз, отрабатывая передвижение вместе с пехотой с одновременным подавлением противника шквальным огнем. Еще чуть дальше, на крыше второго здания, находящегося на соседнем островке, перекатывались и подпрыгивали дерущиеся тигры. Сидящие и стоящие рядом бойцы внимательно наблюдали. Еще трое усердно ползали, волоча с собой рюкзаки и оружие.

– Поговорим. – повторил я, поворачиваясь к двери, ведущей вниз.

– На сугубо деловые темы. – уточнила эльфийка.

* * *

Всхлипнув, от перекорежившего ее тело оргазма, она обмякла и свалилась с меня, рухнув на расстеленное на полу в дальней комнате серое одеяло.

– Ох…

Успокаивая дыхание, я чуть изменил положение и вытянулся, позволяя не знающему передышек телу разлечься поудобней. Иногда баловать надо даже рабов – чтобы потом работали усердней. Но нельзя баловать слишком сильно – иначе послушный инструмент превратится в ленивую одышливую жопу.

– Компот с самогоном – охеренно вкусная вещь! – пробормотала дергающаяся в сладких судорогах девушка. – Зачем было придумывать что-то еще? Эти чертовы коктейли Высших, где лиловая ягодка висит над лазурной, что означает мирную волну в мире и намерениях, а янтарное озерцо среди сахарных берегов… В жопу коктейли! Самогон и компот – вот правда жизни!

– И жареное мясо плуксов. – усмехнулся я.

– И просто кусок жареного мяса. Ну может, сверху пара сочных помидоров… но коктейли – в жопу! Больше ни капли этой разноцветный бурды!

– Ты идешь верной дорогой.

– Ты… ты представляешь, чего наворотил? Боюсь, что на тебя вот-вот откроют охоту. – задумчиво произнесла пришедшая в себя эльфийка и потянулась за граненым стаканом с остатками компота. – Тебе надо либо занять оборону, либо спрятаться понадежней. Хотя я не сведуща в этих делах. Я всего лишь красивая Высшая с правом голоса. Я сезонный шут, что уже проголосовал за то, чтобы назначить героя Эрыквана, он же Оди, кандидатом в Высшие, минуя все ранги и условности. Повод – неоднократное сотворение невероятных подвигов, неустанный труд на благо мира, спасение жизни Высшей и еще десяток пунктов, что я просто придумала, но которые нельзя проверить или опровергнуть. Это я умею – мутить прозрачную воду.

– Ого… и нахрена?

– Ну ты же рвался в Земли Завета.

– Ну да.

– Но теперь не рвешься. – понимающе кивнула Диля, расплющивая о меня совершенные по форме сиськи. – Я уже поняла. Все равно это будет не лишним – тебя побоятся трогать мелкие сошки, а крупные фигуры будут присматриваться, но не станут торопиться с действиями. Когда один из Высших заявляет кого-то из героев в кандидаты… это серьезно. И это рассматривается на внеочередном собрании, где каждый отдает свой голос или воздерживается. Затем Мать оценивает количество голосов за и против, проверяет свои внутренние данные касательно кандидата и принимает окончательное решение. Учитывая, что за тебя уже пообещали отдать свои голоса семнадцать Высших… это очень неплохо.

– Семнадцать эльфов проголосовали за меня?

– Включая меня – восемнадцать.

– Ладно ты. Я понимаю. Но те, другие семнадцать?

– Не я одна забочусь о судьбе мира, Оди. Высшие… это сраное болото. Сборище моложаво выглядящих древних стариков. Никто нихрена не делает. Все всех устраивает. Но при этом все ненавидят и опасаются друг друга, заключают тайные договоры и альянсы, формируют какие-то сраные партии… а дело не движется. А мир продолжает умирать! Неудивительно, что такие, как я – одиночки, ненавидящие сложившийся порядок, но ничего не могущие сделать… ведь мы трусливы и слабы, чего уж там… я трусиха! Я очень боюсь всего! И я не лидер. Но если бы среди Высших появился кто-то вроде тебя… поверь – за тобой пошли бы

очень многие!

– Я – Высший? – меня аж перекривило от с трудом сдерживаемого хохота, бутылка с остатками самогона едва не выпала из пальцев. – Я гоблин из жопы мира!

– Вот именно! Жесткий, вонючий, решительный, плюющий на авторитеты. Это то, что надо. Политика, Оди, политика! Не каждую стену можно пробить кулаками. Но эту стену можно разбить одним приказом обладающего истинной властью лидера.

– Не, – покачал я головой. – Диля… ты не понимаешь. Ты еще не сообразила, кто я. Давай начистоту – если очередной выверт судьбы сделает меня Высшим с правом голоса, если я вдруг наберу вес и заполучу в свои окровавленные лапы рычаги власти… я начну с массовых расстрелов. Я утоплю сраные Земли Завета в крови. Причем расстреливать я буду пачками всех Высших подряд. И по очень простой причине – все Высшие как минимум бездействовали в то время, как мир катился по наклонной. Никто нихрена не делал! И это уже вина! Раз ты назначен кем-то, кто имеет влияние – используй его! Рви жопу, истекай кровавым потом, но делай! Сдохни, но сделай! Понимаешь? Вот единственное правило каждого, кто дотягивается до рычагов власти – сдохни, но сделай! Не сделал? Тоже сдохни! Под расстрел!

– Это… это слишком радикально…

– Радикально? Ну нет. Бездействием вы гробите мир.

– Я не бездействую!

– Ну пусть ты… и еще несколько таких же одиночек, что не могут поделать ничего – даже убить старых пауков. Вас вообще почти невозможно убить…

– Рубить голову…

– Ну да. А их Высших хреновые бойцы.

– В белых тогах и с бокалами красного вина мы заседаем… и заседаем… и заседаем… Ты прав. Но массовые расстрелы в Землях Завета…

– И это было бы только началом. – качнул я головой.

– А потом набрал бы новых деятельных Выс…

– В жопу! Никакой сраной демократии! Никакого общего голосования! Нет! Этот мир спасет лишь четкая вертикаль власти! Очень узкая вертикаль! Без десятков никчемных заседающих, что живут в дорогущих домах, наслаждаясь всеми прелестями жизни и не спеша предпринимать хоть что-то! Я сказал – надо пахать до кровавого пота! Напрягать жопу так, чтобы она трещала, а кишки от натуги вылезали на километр и тащились в пыли сзади!

– Фу…

– Не хочешь пахать так усердно? Вали на хутор! Занимайся

чем-нибудь попроще! Пчелок там окучивай, картошку запекай, капусту нахрюкивай. Но не лезь в высоты власти – потому что там надо пахать! Гора! Вершина!

– А? – удивленно глянула на меня красотка, забирая бутылку и допивая самогон. – Уф! Жжет! Погоди… что еще за вершина? Какая гора?

– Власть – это нахождение на вершине.

– Ну это понятно.

– На самой высокой вершине.

– И это само собой. И что?

– А то, что на самой высокой горной вершине даже самый выносливый гоблин не сможет держаться долго! Вершина требует жертв! Огромных жертв! Там почти нет кислорода для дыхания, там жесткие минусовые температуры, там вечный свирепый ветер, что одним порывом снимает шкуру с хари! Ты можешь подняться на вершину, поставить флаг, сделать пару фото и… бегом вниз! Бегом к спасению! Вот что такое настоящая вершина! И еще не факт, что ты сможешь выжить, пока спускаешься. Горная вершина и вершина власти… они схожи, Диля. Поднялся, поставил флаг – и уходи! Так же и власть! Поднялся? Сделай что-то по-настоящему полезное, нужное – и уходи! Не волнуйся – на твое место придет следующий…

– Вот это речь… тебе бы с ней выступить на одном из собраний Высших.

– А эти твои Высшие. Разве место одышливой толпе стариков на вершине? Вершина мала. Там нет места для толпы. А они умудрились забраться туда аж сотней рыл! Чем они там держатся? Яйцами зацепились? Дерьмо! Править должен один! Принимать решения должен один! Только один!

– Так было, – тихо произнесла Диля. – Давным-давно. Первый Высший правил в одиночку. Принимал все решения сам. И так было до тех пор, пока он не ушел.

– В Башню?

– Может, туда. Может, умер. Не знаю. Но он ушел. При нем мир жил и благоденствовал. Без него мир начал умирать… может ты и прав, Оди. Править должен только один. Высшим может быть только один. И, стоя на вершине, держась за поставленный им гордо реющий флаг, он должен принимать решение за решением. А как поймет, что решений больше нет… надо уходить.

– Расстрелы! – повторил я. – Хотя проще запустить в их ряды орка с топором. Чтобы не тратить патроны. Ведь даже это – расточительство! Всех эльфов на мясо! И их прихлебателей, что прожирают и без того скудные мировые ресурсы. А затем, когда Земли Завета будут подчищены – начать чистку уже глобальную,

мировую. Никаких тюремных сроков – сразу под нож! Никаких стираний памяти – даже со стертой памятью дерьмо остается дерьмом.

– Слишком радикально… во всем нужна гармония. Во всем нужна мера. Ну… я сделала тебя кандидатом. Рассмотрение через восемь дней. Думаю, у тебя все шансы стать Высшим, Оди. Пока без права голоса. Но, зная твою натуру – ты точно пробьешься выше. И я верю, что, глянув на мир с высоты вершин Земель Завета, ты поймешь, что нельзя принимать слишком уж жесткие решения…. Мир можно менять постепенно, мягко. Новые законопроекты, мягкие и почти незаметные изменения, что приведут к большим позитивным последствиям…

– А у нас осталось на это время? – спросил я, тянясь за еще непочатой бутылкой самогона. – У нас есть время в запасе? Мы скоро сдохнем!

– И все же…

– Так что насчет моих скромных нужд, Высшая? Ты сделаешь дело?

– Я сделаю дело. – улыбнулась эльфийка. – Забавно ты составляешь слова. Сдохни, но сделай. Сделай дело. Мне это нравится. И я сделаю дело. Учитывая ту поддержку, что оказывает тебе Мать – это будет несложно. И все же ты зря так торопишься. Не спеши! Куда несешься?! Остановись! Спрячься или засядь в оборону, Оди. Мы поможем тебе. Протащим тебя в Земли Завета. Сделаем Высшим. И рано или поздно ты сможешь изменить этот мир к лучшему куда более цивилизованными способами.

– Я гоблин из жопы мира. Из цивилизованных методов у меня только окровавленная дубина на плече. И этого хватит. Так что насчет…

– Все прибудет сегодня. Я отдам приказ через… ну… скажем, еще через часик. И этот час ты потратишь на то, чтобы своей дубиной… ну той, что не на плече, а ниже… воспитать из меня настоящего бойца… м?

– Через час. – кивнул я, подтягивая к себе податливое и горячее женское тело. – Через час…

– И в жопу сантименты. Компот, самогон, мясо и трах! Вот истинные ценности этого мира!

* * *

Под конец, перед тем как вырубиться на несколько часов, я сумел заставить осоловевшую от секса, выпивки и слов эльфийку добраться до своего дрона и убраться, унося с собой и героев

высшего ранга. Я потратил пару минут на задумчивое рассматривание приплясывающих от нескрываемой радости Зеленоглазку и Червеуса. Все. Свершилось. Им больше не надо плести интриги, не надо надрывать жопу, не придется рисковать жизнью в опасных заданиях. Их мечты сбылись. Финал достигнут. Более того – они поднялись на ступеньку выше, став избранными новыми телохранителями Высшей. Причем телохранителями настолько доверенными, что им не стерли память. Зеленоглазка если и была огорчена тем, что ее новая госпожа решила провести со мной время, никак этого не выказывала – продолжала светиться от дикого счастья. Уродливый червь от нее не отставал. Они пытались это скрыть и на прощание не забыли помахать руками. Но… было отчетливо видно – я для них уже в прошлом. И будь их воля – они бы предпочли вовсе со мной никогда не встречаться. Кому из жителей рая нужны воспоминания о когда-то оказавшемся полезным грязном гоблине?

Может, и были у них какие-нибудь грандиозные планы касательно меня, однако недавнее происшествие с покушением на жизнь эльфийки, настолько испугавшейся, что в качестве новых телохранов решившей выбрать тех, с кем имел дело Оди и кого пока не убил, в корне изменило их жизнь.

Тех, с кем имел дело Оди и кого пока не убил…

Так Высшая мне прямым текстом и пояснила свой выбор.

Критерий так себе. Но я не стал ничего уточнять. Как не стал и спрашивать про расследование случившегося. А расследование давно уже должно было начаться, и проходить оно должно жестко. Там не просто чешут яйца забравшегося на пальму бабуина. Там сейчас трясут всю пальму. Ну я так предполагаю. А как на самом деле – да хрен его знает. Мне главное – урвать свое. Если Диля сумеет сделать то, что обещала – мы с ней в расчете. Более того – когда она спросила, приду ли я ей на помощь еще раз в случае беды, я кивнул утвердительно, добавив, что никогда не забываю ни зла, ни добра. Ну если только мне не стирают память…

Диля не облажалась.

Через три часа прибыл первый мягко коснувшийся крыши центрального здания контейнер. Еще через полчаса прибыл второй, поменьше, содержавший в себе стандартную начинку – боекомплекты на все случаи сучьей жизни, запасные батареи, пару десятков новых апгрейдов для игстрелов, на которые Высшая просила взглянуть меня попристальней. Там же находилось защитное снаряжение для бойцов – новенькое, черное, с непроницаемыми для взгляда снаружи забралами шлемов со

встроенной связью. Наконец-то! Больше не придется надсадно орать за километр тупому гоблину, чтобы прижал оттопыренную жопу к земле. Достаточно тихого приказа в микрофон у губ – что тоже давным-давно вышло из моды, но все же лучше, чем дымовые сигналы индейцев. Вкусностей в первом контейнере было немало. Но я доверил разгрузку и сортировку Джоранн и Каппе, в первую очередь велев закрыть все нужды разведчиков и звена экза – за исключением нужд сексуальных.

А сам я занялся вторым контейнером.

Едва я прижал большой палец к темному квадрату сенсора, боковая бронированная створка ушла вверх, сматываясь в плотный рулон. Одновременно изнутри выдвинулись тяжелые стальные держатели, с которых неподвижно свисали три боевых скафандра. Три малых экза, если быть точнее.

Я знал эти модели. Я был в этих моделях. Я дрался в этих моделях. И горел в них же… эти воспоминания коснулись меня зыбким эхом и пропали, оставив на губах пороховую горечь и кисло-соленый вкус переполненной химикатами крови.

Два экза – стандартные пехотные. Модель Глефа. Для обычного пехотного экза чуток тяжеловаты, но это компенсируется наличием отменной лобовой брони. С боков и спины они прикрыты похуже. Из стандартного вооружения пулемет, дробовик, наплечный иглометатель. Из дополнительного, подвешенного на тех же держателях, имеется щит, еще один дробовик и огнемет с бронированным заспинным ранцем с адской порошковой смесью. Больше я ничего не помнил об этих экзах, хотя в голове крутилась упорная мысль-воспоминание-бред, что они очень неплохо показали себя в войне за огромные надводные руины какого-то почти полностью затонувшего города. При этом глефы доказали свою живучесть, хотя потери среди них были чудовищные – такой вот военный парадокс. Еще у этих экзов намертво закрепившееся прозвище «принглс». Но не помню почему.

И модель вторая и единственная в контейнере – Шило. Это название заставило меня ухмыльнуться, вспомнив старые деньки, когда я и Йорка мотались по стальным коридорам, крепко сжимая в руках пластиковые дубины с гвоздями и острые шила.

На самом деле экз назывался иначе. Восточная поделка. Крайне удачный гибрид из двух типов азиатских экзов каких-то там ранних поколений. Когда Диля начала перечислять ту технику, к которой имела доступ по праву рождения – а так бывает? – едва она произнесла название, я тут же кивнул. Да. Хочу. Именно его. Шило. Хотя модель называлась по-другому – там длинное слово оканчивалось на «…яма». Но это Шило.

Сержантская модель. Броня чуть послабее, чем у глеф, зато Шило умеет прыгать – и высоко! Для этого он оснащен всем необходимым – включая увеличенный ранец со специальной смесью. Поэтому сержантскую модель не оснастить огнеметом и не навесить ему на спину дополнительный боекомплект. Но я справлюсь и со стандартным боекомплектом и оружием – мои руки заканчиваются пальцами, а не встроенными оружейными стволами. Что выберу – с тем и повоюю. А мой выбор очевиден. Я давно не расстаюсь с игстрелом, дробовиком, автоматом и дальнобоем. Плюс револьвер и пара гранат. Я с легкостью таскал это в одиночку, когда требовалось. Сейчас же, благодаря мощным сервоприводам боевого экзоскелета… Глефы были столь же грузоподъемны и не уступали в вооружении, но у них была только одна правая рука. Вместо второй – дробовик. И я всегда считал это огромным недостатком. Будет время и возможность – мы проведем глубокую модернизацию.

Ощутив горькость под языком, я сглотнул наркотическую слюну и задумчиво провел ладонью по чуть клиновидной груди экзоскелета.

– Лид!

– Да? – я с неохотой оторвался от созерцания Шила.

– Эти апгрейды для игстрелов…

– Да?

– Там увеличенные скобы, особый приклад, плюс дополнительные прицельные модули. И картриджи на сто игл каждый. Я правильно понял? Это для модификации игстрелов под экзоскелеты?

– В точку! – растянул я губы в усмешку. – Прямо в точку. Ну и Рэку обломится большая убойность. Каппа.

– Да?

– Осваивай одну из глеф. Начинай сразу же, как только закончишь с сортировкой. Во вторую глефу пусть лезет Баск.

– Баск? – в голосе азиата прозвучало отчетливое удивление.

– Баск. – кивнул я.

– Принято. Мой меч…

– У тебя есть одна стальная рука. – усмехнулся я. – Осваивайся.

– Есть!

Внутрь выделенного лично себе Шила я влезал с чувством, будто заново отращиваю себе роговой некогда потерянный и родной слой кожи. Этого чувства не объяснить. Не передать ни словами, ни эмоциями. Вход в боевой скафандр был сзади и для новичка являлся крайне неудобным – ранец приподнимался, на спине разъезжались в стороны щитки, открывая узкий проход,

куда не сразу и поймешь, как забираться. Я втиснулся мгновенно, сначала впихнув ноги, а затем нырнув головой, последней втянув жопу. Едва сенсоры опознали внутри живое тело, бортовая система тут же вышла на рабочую мощность, прогнала у меня перед глазами – на забральном экране – с десяток обнадеживающе зеленых оповещений касательно технической части, сообщила, что заряда маловато, а боекомплект отсутствует. Следом мы начали знакомство, закончившееся тем, что отныне, кроме меня, никто не сможет запустить конкретно этого экза. Для любого другого – это просто отлитая из стали и покрашенная в черный цвет уродливая скульптура.

Одно плохо – я не могу отдать экзу дистанционный приказ запускать и проверять системы или «вскрыться» для принятия моей гоблинской тушки. Все наше общение происходило с помощью двух сенсоров снаружи – основной и запасной, на случай повреждения первого. Плюс я врубил голосовое управление, что отчасти решило проблему. Остальное копание в небогатых настройках, рассчитанных на понимания даже полным кретином, происходило с помощью тактильных сенсоров в стальных перчатках. Схема управления вполне рабочая. Но пусть я этого не знаю наверняка, но буквально не до конца стертой подкоркой ощущаю, что раньше я подобной техникой управлял без помощи голоса, касаний и прочих доисторических способов. Чип. Не зря же у нас в тупых головах вшиты чипы. Я надеялся на некий симбиоз… но надежды не оправдались.

Поведя плечами, я сделал первый шаг, тут же второй, на ходу привыкая к характеру экзоскелета – а у него он имелся. Крутнулся, с трудом удержав равновесие, раздраженно выругался, убирая с экрана участливый вопрос: «Хотите пройти начальный инструктаж?» Сделав еще шаг, я перевалился через небольшую балюстраду и рухнул с крыши. Не обращая внимания на истошно заверещавший интерфейс, активировал ножные факелы, дернувшись, удержал равновесие с помощью ручных сопел и достаточно мягко приземлился на брусчатку. Не глядя на взвывших от восторга бойцов, в несколько коротких примерочных прыжков преодолел площадку и отправил себя в полет прямо к черным водам ночного океана. Покрытие моего экза – сталь, кевлар, полимеры. Он полностью герметичен – в теории. А как на практике, я сейчас и…

Еще до попадания в воду бортовая система определила тип среды, что сейчас примет нас в свои объятия и резко захлопнула все лишние заслонки, включая сопла, заодно перейдя на крохотный внутренний запас воздуха. У всех изолированных от наружной среды экзов этот запас различен. Оператор Шила

сможет продержаться под водой до семи – десяти минут. Если оператор обладает тренированный дыхалкой и холодными расчетливыми мозгами – продержится и двадцать минут. При наличии пары не предусмотренных стандартным набором приспособ – и того больше.

Дно тяжело ударило в стальные подошвы. Вспыхнул плечевой фонарь, высветив зеленоватую толщу воды и поднятое мной облако мути. Поерзав, убедился, что не ощущаю внутри присутствия воды. Системы так же ни о чем тревожном не оповещали. Сориентировавшись, я повернулся и по дну тяжело зашагал обратно, по пути заставив бортового помощника вырубить предательский фонарь и впредь не врубать его без моей команды. Заодно проредил список тех тревожных оповещений, что будут мне посылаться. Это отвлекает. А многих заставит запаниковать. Прошагав до основания острова, без особого удивления обнаружил на дне пару затонувших катеров. У одного уцелела застекленная рубка. Включив ненадолго фонарь, заглянул внутрь и увидел пару скелетированных тел на полу. Дыры в их лбах говорили о многом. Потушив свет, я обогнул катер, видя мир в тусклом зеленом мареве первичной системы ночного видения. Всего их три. Но прочие здесь либо неэффективны, либо требуют повышенных энергозатрат, чего я допускать не намерен. За катером я увидел скалистую стену, что окончится краем площадки, с которой я прыгнул. Но вот чего вряд ли найдешь в обычной подводной скальной стене, так это длинного панорамного окна. Я заглянул внутрь и не углядел там ничего интересного – обычное тускло освещенное помещение со стальными стенами, полом, потолком и лавками. Обычный обзорный пункт гребаных гномов.

Можно подождать. А когда появится подземный житель и любитель подводных красот, попытаться наладить контакт, затем построить диалог. И плевать, что гномы людей десятками и сотнями живьем в жертву сраным плуксам приносят. Как там вякала высокородная эльфийка? Всегда, мол, есть цивилизованные способы, и всегда можно построить грамотный диалог?

Ну нет. Хрен вам. Если бы не столь щедрая наводка на столь жирную цель вкупе со столь многообещающим главным системным заданием и невероятно заманчивой наградой за его выполнение… я бы уже стучал атомным хером в ваши обзорные окна, гребаные гномы. Бросив последний взгляд в преддверие подземного мира, я начал взбираться, легко цепляясь за выступы. Через пару минут я оказался над водой и с лязгом приземлился на площадку, вызвав новый дикий вопль бойцов.

– Вернуться к учениям, гоблины! – рявкнул я, и мой усиленный динамиком голос прозвучал на весь остров – Живо!

Радостно оскалившись, бойцы продолжили стоять еще несколько секунд, пожирая меня жадными взглядами. Да. Шило это, конечно, не Ночная Гадюка, но все равно производит серьезное впечатление – горбатая мощная фигура с чуть великоватой головой, матовым щитком на месте глаз и гротескно вытянутой нижней частью «лица» – чем-то напоминает обломанное шило. Высота экза – двести пять сантиметров. Не так уж много, но благодаря широте плеч и броне, боевой скафандр кажется великаном.

– Рано или поздно каждый получит такой. – добавил я, двигаясь прочь. – Если доживет. А живучесть зависит от опыта. В этой жизни всего два пути. Либо вы мясо, либо мясник. Выбирайте сами.

Гоблины проводили меня улюлюкающим воем восторга. Не обратив на них внимания, я продолжил упражнения, решив взобраться на крышу по наружной стене. Без проблем выполнив поставленную задачу, увидел стаскивающих вниз ящики гоблинов и… активированную глефу. Забравшийся в пехотный экзоскелет Каппа отрабатывал боевые техники зажатым в правом манипуляторе мечом, нанося удар за ударом. Тяжелые ноги неуклюже переступали назад-вперед, меч со свистом резал воздух, оператор сохранял угрюмое молчание.

Хорошо…

Не став отвлекать мечника от старого дела на новый лад – но не позавидую тому, кто словит точный удар меча, нанесенный усиленным боевым экзом – я подцепил пару отложенных ящиков и снова спрыгнул, на этот раз потопав к пятачку, где стояли наши колесные трофеи. Там же обосновался Белый Гиппо – называющийся экзом по чистому недоразумению. Его бы следовало назвать малым шагоходом. Сгрузив ящик, я подошел к энерговоду и «вскрылся», постаравшись выбраться наружу за положенные по нормам три секунды. Почти получилось. Подключив Шило к зарядке, я развернулся к успевшим построить бойцам и дал отмашку – вольно. Я пришел сюда ради могущих понадобиться инструментов, тишины и моих боевых пожитков.

Пора заняться модернизацией игстрела. На это дело я потратил несколько часов – большей частью ушедших на возню с экзом, а не на игстрел, что проделал со мной путь от самой жопы мира, изрядно изменившись в пути. Благодаря моим отважным манипуляциям, игстрел стал тяжелее на четыре килограмма с лишним, что при наличии боевого экзоскелета не значило практически ничего. Игольная игрушка перестала быть таковой.

Новая более емкая батарея увеличила количество выстрелов без подзарядки на сотню. Еще одна столь же увесистая батарея удвоила это количество. Обе они спрятались под толстым стальным корпусом, что заменил собой старый армированный пластиковый. Туда же вместился простенький девайс, позволивший сопрячь системы игольника с системой наведения, выведя мне на забрала прицельную метку. Благодаря замене трех блоков, игстрел стал стрелять процентов на двадцать дальше, сохранив при этом достойную убойность. Система подачи боеприпасов обзавелась двойным приемником, что позволяло одновременно заряжать два стозарядных картриджа – с одинаковым или различным типом игл. Я зарядил оба имеющихся – стандартные и зажигательные, а в набедренные боковые разгрузки запихнул еще по паре картриджей с зажигательными иглами. Учитывая тех тварей, что встретились нам… обжигающий огонь лишним не будет. Установив специальный держатель, я получил возможность намертво закрепить игстрел на правом предплечье, причем так, что он не мешал сгибаться и разгибаться руке. Еще одно крепление я установил на пояснице прямо под горбом. Но предплечье предпочтительней – я могу стрелять, не беря игстрел в руку и не касаясь спусковой скобы. Это раз. И два – короткий кабель в стальной оплетке соединил энергосистемы оружия и экза. Теперь, в случае истощения батарей экза, я смогу подрубить его системы к батареям игстрела. А можно и наоборот – запитать игстрел от экза. Все зависит от конкретной ситуации. Чуток подумав, я использовал еще один из навесных модулей – фонарь с различными опциями, которыми также мог управлять дистанционно. Яркость света варьировалась по мощности от детского ночника до ослепляюще армейского прожектора.

Свет и тьма – тоже оружие. Главное – грамотно их использовать.

Закончив с игстрелом, перешел к остальному. Заполнение внутренних термосов, куча мелких настроек, касающихся систем климат-контроля, отключения внутренней аптечки – от своей нагрудной пока отказываться не собирался, а дополнительная лишней не будет. Закрепление ножа, многократная проверка удобности хвата, следом тестирование выдвижного клинка в левом предплечье. Проверка и наполнение всем необходимым набедренных и нагрудных слотов хранения.

Умные системы экза открывали передо мной десятки сообщений. Часть я читал. Часть оставлял на потом. Кропотливо проверял состояние всех внутренних узлов, забрался в архивы, с сожалением убедившись, что все стерто подчистую.

Я… я обживался в экзе. Отныне Шило – мой дом родной. Я буду в нем жрать, спать и срать – благо нужные функции имеются. Я прогоню все возможные режимы, а затем заставлю сделать то же самое других операторов экзов.

Хотя может и заставлять не придется – глядя на мою возню, на мою мрачную сосредоточенность, делом занялось и звено Гиппо, принявшись обихаживать и без того обихоженный шагоход. Пока еще неуклюже притопавший Каппа понаблюдал… и начал задавать вопрос за вопросом, деловито осваиваясь и перенимая все, что возможно перенять касательно настроек, передвижения, вооружения и, что самое главное, касательно постоянного нахождения внутри экза.

Нет дела более легкого, чем убийство тупого оператора, что любит покинуть бронированную мобильную крепость по поводу и без. Как только вылезла из раскрывшейся стальной спины мясная потная жопа придурка – пли! Не обязательно стрелять в голову – хорошо положенная в жопу пуля порой пострашнее будет. Накрыл перед основной атакой нескольких операторов – и, считай, победил. Таковы реалии той войны, о которой моя стертая память не знает почти ничего – не считая наполненных мясной вонью и пороховой гарью обрывков.

Чтобы не стать одним из убитых через жопу…, надо думать. Надо быть умным. Осторожным. Параноидальным. Надо постоянно помнить – ты самая желанная цель для снайпера, не обладающего мощью оружия для пробивания брони экза. Снайпер терпелив. Он дождется, когда в прицел попадет податливая плоть. И вложит пулю если не в жопу, то в поясницу. Перебьет хребет. А добивать уже не надо – что с тебя толку? Ты отвоевал.

И поэтому надо быть терпеливей и умнее любого снайпера.

Можно ли «вскрыться» в этом месте? Или лучше спрятаться вон за тем деревом и только там уже позволить себе глоток свежего воздуха? Можно ли «вскрыться» рядом с беспечно валяющимися вокруг костерка соратниками… или лучше перетерпеть и подремать прямо внутри экзоскелета, предварительно замаскировав его как следует, а лучше забраться в наспех выкопанную траншею…

Пароноидален ли я?

О да.

И с каждым днем это чувство становится все сильнее.

Улегшись на бронированную спину, я повысил степень затененности забрала, убирая лишний свет, но оставил микрофоны работающими на полную мощность. Кабель уходит в глубины мобильного торгмата, что в свою очередь подсоединен к энергосистемам мира. А вот нам напрямую нельзя – только через

торгматы и прочие разрешенные точки. Еще одна странная замороченная степень безопасности? Или отрыжка древнего геройского прошлого? Уже не узнать и в любом случае плевать – благодаря почти беспрестанно выдаваемым от системы бонусам, весь отряд находится на бесплатном медицинском обеспечении, на халяву жрет протеиновые батончики, жадно глотает даровую шизу и нежно поглаживает уже давно никому ненужные подарочные дубины. Это же касается подзарядки – она бесплатна.

А по соседству от меня рядом с торгматом установлен массивный бронированный куб с несколькими ручками. Это очень тяжелая хреновина. Тяжелая и незаменимая – прямо в бою от этого хранилища можно запитать истощенные батареи. Можно и прикрыться бронированной батареей и вести из-за нее прицельный огонь, одновременно получая драгоценные ватты энергии.

Да.

Эльфийка постаралась.

Посмотрим, что получится у Рокса.

А пока я позволю себе вздремнуть несколько часов – в любом случае впереди долгий поход. А насколько долгим и тяжелым он окажется, зависит только и только от Рокса…

Проснулся я через пять часов. Ночь. Шум, гам, звон, звуки выстрелов не затихают – гоблины продолжают тренироваться. Но меня пробудил не этот привычный фон. Меня разбудил передатчик, что усталым голосом Джоранн произнес долгожданные слова:

– Командир, подъем. Засекла их на экране. Шлюха прет к нам полным ходом вдоль побережья. Думаю, Сквалыга уже на подходе – я специально выждала, давая тебе поспать.

– Какая забота. – сипло произнеся я, активируя базовую команду, и боевой экзоскелет отсоединил и втянул подзарядочную пуповину, после чего тут же поднял себя. Тут главный фокус – полностью расслабиться, превратиться на миг в безвольную мясную начинку этой консервной банки. Если напряжешь мышцы, и внутренние датчики засекут это, они тут же остановят выполнение приказа – иначе не желающему сгибать ноги оператору может и мышцы порвать.

С легким гулом поднявшись из лежащего положения, я развернулся и зашагал к навесу, где хранились мои пожитки.

– Приказы, командир?

– Все по плану.

– Выбранные тобой боевые десятки и экзы – на корабль. Туда же всю обозную важную хрень из того, что не упер с собой Рокс.

Остальные – оборона до дальнейших приказов и мониторинг экрана и окружающей местности. Протокол для остающихся – внешняя среда враждебна.

– Верно.

– Выполняю.

– Баск?

– Тренировался с экзом. Отрубился у подзарядки на другой стороне здания. Разбужу его через несколько минут. Командир…

– Да?

– Все же оставляешь меня здесь?

– И без возражений. – проворчал я. – Поставленную задачу помнишь?

– Я комендант базы. И главная подружки эльфийки… если она сюда явится.

– Явится, – усмехнулся я. – Обязательно явится. Твоя задача – выбить для нас еще пару экзов.

– Принято. – вздохнула рыжая. – Лид… пригляди за Хванчиком.

– Его костяная жопа – его забота. – буркнул я. – Хватит строить из себя заботливую мамашу. Начинай оповещать десятников.

– Есть…

Из повисшей над шумящим океаном темноты донесся пронзительный корабельный гудок – прущий к музейному архипелагу Джо Сквалыга торопился заявить о себе и похвалиться своей расторопностью. Рокс со своей задачей справился.

Мой выбор был очевиден – уверен, что хрен система согласится прокатить нас на воздушном транспорте до Зомбилэнда. Она вообще не хочет слушать мои слова и пропускает мимо машинных ушей факты – что само по себе удивительно.

Попробую еще раз…

Одним прыжком взлетев на крышу центрального здания, сжимая в стальных пальцах заменивший собой рюкзак вместительный мешок, весящий под центнер, я остановился рядом с системной полусферой. Мне в грудь тут же уперся желтый лазерный луч.

– Дикая эволюция. – произнес я, зная, что меня прекрасно слышат. – Нападающий на поселения дикие призмы, что прошли многократную эволюцию, приходят из места, известного как Мир Монстров, закрытого приказом Первого Высшего десятки лет тому назад…

Желтый луч мигнул и погас. Перед глазами повисло равнодушное оповещение: «Мир монстров – не существует».

– Охренеть! – рыкнул я. – Хрен с ним, амнезия… но тут тупо неприятие реальности! Система! Я выполнил твое задание! Где моя награда? Черная Гадюка! Я отыскал место, где происходит дикая эволюция. Более того – несколько пленных было отправлено тебе на допрос. Хотя они наверняка сдохли…

Тишина и мрак… Система упорно не желала ничего слышать про несуществующий для нее Мир Монстров.

– Система! Дикая эволюция!

В меня уперся желтый лазерный луч…

– Мир Монстров…

Луч погас…

– С-с-сука! – с выражением произнес я и двинулся прочь. – Ладно. Посмотрим, как ты прореагируешь, когда я тебе звякну из места, что не существует… Но как же я буду, сука, ржать, если тебе оттуда не дозвониться…

– И что тогда мы сделаем, командир? – с любопытством спросил возникший из темноты уродливый призм.

Глянув на Хвана, я хмыкнул, закидывая мешок на плечо:

– На месте разберемся.

– Нам нужна путеводная зверушка.

– Ага.

– Любая.

– Ага.

– И как мы ее заберем у сурверов?

– Быстро и безжалостно.

– Нас в Зомбилэнд и не пустят, лид.

– Пустят, не пустят… меньше сомнений, гнида. Ты забыл? Ты насекомое. Боевой жук. А они сомнений не знают. Или ты гоблин?

– В жопу мясных и кожаных, лид. Я призм с костяной жопой и стальным сердцем.

– Так лучше.

– Таким, как я, экз не положен?

– Завидно?

– Очень.

– Посмотрим, – проворчал я, готовясь к прыжку на подходящее к острову судно с зажженными огнями. – Посмотрим.

Прыжок пронес меня над поблескивающей в свете искусственной луны водой, и я с лязгом приземлился на носу Шлюхи.

– Мать твою! – взревел перепугано шарахнувший от меня Сквалыга. – Что за?!

– Здорово, Джо, – проскрипел я засбоившим динамиком, роняя мешок на палубу. – Продолжаешь насасывать подводным гномам?

– В жопу гномов! Я теперь честный торговец и экскурсовод!

– Швартуйся. – усмехнулся я, давая забралу команду открыться. – И расскажи о новостях, пока идет погрузка.

– О зверушках, птичках и потрахушках?

– В сраку.

– О климате в Угольке?

– Давай.

– Отличная тема! – заулыбался потирающий руку торгаш. – Дерябнем по стаканчику?

– Давай. – кивнул я, делая шаг к металлической лестнице. – Дерябнем…

Глава вторая

Первым на Платформу выпрыгнул Баск. И даже сумел удержаться на ногах, сделав всего пару лишних шагов. Поведя вмонтированным в руку дробовиком, он изрядно напугал разбежавшихся местных гоблинов, что до этого с позевыванием наблюдали за приближением корабля.

Вторым приземлился Каппа – и у него получилось чуть лучше. Я прыгнул выше и дальше, пролетев над крышей из металла и угодив в знакомый световой люк, что привел меня прямо в бар, где я лишь чудом разминулся с богато накрытым праздничным столом. Развернувшись, поднял забрало.

– Ты подвела меня, гадалка! – ткнул я пальцем в стоящую у стола улыбающуюся пифию Кассандру. – Где гребаный мишка и трахнутый в мохнатую жопу зверолюд?!

– Красиво ты в гости зашел… Добро пожаловать, Оди. Рада тебе. Честно. Вина? Компота с самогоном?

– Ну?!

– Мы почти поймали его. – вздохнула Кассандра, делая глоток янтарно-алой жидкости из высокого бокала – Дерьмо! Не поверишь – мои люди клянутся, что загнали лохматожопого ушлепка в тупик. Руины, крошенный бетон и ржавая арматура. Кольцо выровненного ветром мелкого песка вокруг. Зверолюд вошел… и, сука, не вышел. Пропал! Как ты вообще, Оди? Рада тебя видеть. Навернешь макарон со страусятиной? Кстати… шикарный на тебе праздничный костюм… и так подчеркивает ягодицы…

– Владыка Кассандра! – в бар вбежал тощий гоблиненок в серых шортах и в футболке, изобилующей нашитыми разноцветными бабочками. – Дерьмоеды мутные уже причалили! Ой… здрасте, гости дорогие!..

Ухватив его за харю, стиснув пальцы, я подтащил заверещавшего ушлепка поближе и мягко попросил:

– Свали нахер.

– Умгу!

Швырнув его через пару столиков, я снова повернулся к лучезарно улыбающейся пифии, что вроде как схуднула на пару кило, но при этом прибавила к имиджу пару тонн железобетонной самоуверенности.

– Я честно не знаю, куда делся сраный зверолюд с его трахнутым плюшевым мишкой.

– Он ушел сквозь дверь. – произнес я, заставив себя сбавить обороты и отвернуться от двери, за которой начинался длинный

проход, что выходил на центральную улицу Жильную, что в свою очередь упиралась во входной стальной тамбур Зомбилэнда – за которым сидели и ждали меня сурверы со зверушками, открывающими путь.

– Зачем ты здесь?

Ответить я не успел – в бар один за другим начали вваливаться десятники, а мимо потопали бойцы, тащившие часть прихваченных припасов. Основной запас остался на Шлюхе – ее я пока отпускать не собирался. Сквалыга к приказу отнесся с пониманием, мелко покивав и не забыв напомнить, насколько он мне благодарен, что я его не убил.

– Пожрем. – потер лапы Рэк. – Выпьем. Разнесем тут все нахрен.

– Уймитесь, мальчики, – прищурилась пифия. – Покушайте, потрахайтесь в борделе. Все за счет города.

– Свершилось. – поморщился я. – Новая Копула родилась…

– Ты о чем?

– Дай угадаю – ты решила задержаться в Угольке на пару другую месяцев. Набраться сил, пополнить численность бойцов, обзавестись достойным арсеналом. И заодно навести порядок в этом городке…

– Ну… в последнее время Мать шлет мне очень неспокойные видения. – вдруг призналась Кассандра. – Охренеть, насколько тревожные.

– Например?

– Да ты садись, гоблин Оди. Садись. Поешь крабового супа, закуси куриной жопкой, всоси пару устриц. А я тебя буду пугать своими видениями…

– Неплохое меню. – решил я, опускаясь на колено и «вскрываясь». – Ладно… Расскажи мне о своей шизофрении, пифия, что упустила сраного зверолюда Стива…

– Да в жопу. – скривилась леди с бабочками, махом вливая в себя коктейль и давая знак во все глаза пялящемуся на экзов бармену сделать новый. – Мои видения… страшны… настолько страшны, что ни о какой спокойной жизни речи давно не идет.

Глянув на стойку, я оценил явно увеличившийся ассортимент, после чего указал на едва виднеющийся кувшин у руки бармена и спросил:

– Молоко?

– Свежее. Козлиное. В смысле – от коз. Козлы не стряхивали. Налить?

Я прислушался к своим более чем странным ощущениям и кивнул:

– Весь кувшин. Раствори в молоке две таблетки обычной

шизы, добавь дозу оранжевого энергетика и булькни туда же таблетку витаминов. Найдется?

– Конечно. Добавить четвертинку слезы как ментальную перчинку?

– Давай.

– Подам через минуту.

– Мне вот, сука, точно такой же молочный коктейль! – в проем двери засунул усатую харю Тигр.

На пару секунд исчезнув, он матерно и доходчиво дал понять остальным разведчикам, куда и как быстро следует направляться, и где именно находится ожидающий их у платформы Рокс. В этот момент в бар грациозно просочилась почти обнаженная – не считая меха – тигрица. Медленно обойдя вокруг пифии, она клыкасто улыбнулась невозмутимому бармену:

– Я тоже молочка полакаю. Только без соленой шизы. Капни на одну слезинку больше в молоко. Хм…еще вишневого сиропа добавить можно, туда же разбей пару свежих яиц, если есть… и взбей все до галлюциногенной пенки…

– Сделаем, госпожа. Подам через пару минут. Как и заказанный до этого усатым джентльменом молочный коктейль.

Усевшись за стол, я еще раз пристально оглядел Кассандру, что выглядела куда более расслабленной, преуспевающей, но при этом какой-то слегка пришибленной и… испуганной.

– Ты же новая правительница… – задумчиво произнес я. – С чего такой напряг в душе? В Угольке тебя любят. Каждый готов отлизать все видимое и невидимое сумасшедшей леди с бабочками. Синего света тоже пока можно не бояться. К зомбакам и гнилой крови ты привыкла. С чего такой испуг в глазах, пифия? С чего такой напряг в душе? Только не говори, что все из-за посылаемых системой…

– Видений…

– Причудливо нарезанных видеороликов. – поправил ее я. – Железяка тебе не мать, а записи с камер наблюдений – не видения.

– Мать посылает мне видения! – упрямо повторила Кассандра. – И не только мне.

– Интересно. – признал я, протягивая руку и принимая от бармена кувшин с чуть позеленелым от добавок молоком.

– А если я жрать пока не хочу? – встрял сидящий рядом со мной Рэк. Находящийся за моим плечом Каппа позволил себе едва слышный тяжелый вздох, умудрившись этим бессловесным посланием передать мне многое.

– Манит трах прекрасный и далекий? – поинтересовался я, встречаясь глазами с улыбающейся знакомой мордашкой

продавщицы сигарет. Я упорно искал еще одно женское лицо, но пока не находил. Учитывая, что здесь нет Баска, оставившего экза и с моего молчаливого разрешения ушедшего, Йорку здесь можно не искать.

– Манит. – признался орк.

– Валите. – кивнул я. – Оба. Трахайтесь, гоблины. Но никакой наркоты и бухла.

– А если четвертинку?

– Не больше этого на рыло. – согласился я и добавил: – Остальных гоблинов, желающих теплого уютного траха – в тот же бордель. На охране оставить звено хиляков.

– Есть!

Бойцы утопали, а пифия, уже раздосадованная тем, что ее постоянно прерывали, недовольно пробурчала:

– Звено хиляков?

– Худшие из сквада. – ответил я. – Те, кто пока не дотягивает даже до звания «мясо».

– Бегают херово, стреляют мимо, одышливы, трусоваты, туповаты…

– Ну да.

– Так зачем привез их? Рокс говорил, что у вас теперь база, и вы ведете набор чуть ли не армии.

– Верно.

– Так оставил бы самых никчемных и зеленых на базе.

– Оставить говно в обороне? – сделав пару глотков молока, я удивленно глянул на пифию. – Спятила? Нет уж.

– Ну… может я привыкла к тому, что Уголек защищен Матерью…

– Ты размякла. – кивнул я.

– О видениях…

– Погоди чуток с видениями своими фальшивыми. – проворчал я и ткнул пальцем в тарелку перед пифией: – Это что за хренотень?

Опустив глаза, она сморгнула с щеки фантомную бабочку и некоторое время удивленно разглядывала сложенную в какую-то причудливую коробочку без крышки кусочки различного мяса. Полоски жареной свинины с подрумяненным жирком лежали на более темных кусочках говядины, с внешней стороны их подпирали куриные ножки, в одном месте красовался крохотный треугольный проем, образованный большим куриным крылом. Руки Кассандры, удивительно умело управляясь с крохотным острым ножом, сейчас были заняты срезанием с очередного куска свинины слоя похрустывающей корочки, явно намереваясь использовать ее либо в качестве мясной сочащейся лужайки, либо

в качестве крыши. У ее локтя стояло блюдо с беспорядочно набросанным мясным ассорти – куриная шейка, хребет кролика, а сама Кассандра нет-нет да бросала взгляд на грустно смотрящую на нее целиком запеченную баранью голову.

– Хренотень? – переспросила пифия, поднимая на меня ставший вдруг чуть отстраненным и темным взгляд. – Это мой обед, гоблин. В чем проблема?

– Да нет проблем. – дернул я плечом.

– Ну и закрыли тему!

– Ага. А можно мне кусочек твоего домика? – я потянул к тарелке пифии и Кассандра мгновенно отодвинула ее от меня, прикрыла локтем и зло оскалилась:

– Тебе мало жратвы на столе? Я прикажу – принесут еще!

– Да не, – улыбнулся я, – все норм. Жратвы навалом.

Она явно не осознавала, что сейчас ее губы искривлены в злом уродливом оскале, обнажившем белые зубы. Тихо зашипев, севшая рядом со мной Тигрелла инстинктивно чуть отодвинулась от пифии, передернула плечами и зло заурчала.

Какая интересная беседа двух кошек…

– Так что за видения, Кассандра? – прервал я повисшее молчание. – Ну? Давай. Колись.

– Умеешь ты вывести из себя… – ответила Кассандра, сглотнув и с трудом вернув на губы приветливую улыбку.

По ее разгладившемуся лицу тревожно метались десятки исключительно красных бабочек. От левого виска, через все лицо, к правому уголку рта, медленно пролетела крохотна черная, исчезнув во рту Кассандры. Сделав глубокий вдох, пифия улыбнулась чуть шире:

– И надо было тебе тянуться к моей скудной трапезе…

– Мы чересчур много говорим о твоей жратве. – тряхнул я головой. – Что с видениями? Или я пошел – впереди куча дел.

– Погоди ты! – окрысилась пифия, что вернула себе обычное поведение. – И нехер на меня злиться, гоблин! Ты сам на подарок! Вручи такое говно, как ты, любой бабе и скажи ей – живи с этим! – она, сука, сама себя в мясорубке прокрутит! И с радостью начнет прокручиваться с ног, с улыбкой глядя на влажный процесс ухода из твоей жизни. Понял, ушлепок?!

– Понял. – кивнул я. – Я говно, а не подарок. А почему такая аналогия с уходом бабы? Почему именно мясорубка? Почему именно в мясо… в сочный фарш? Почему ей – этой моей несуществующей бабе – просто нельзя было уйти, громко хлопнув дверью? Или не выпрыгнуть в окно… почему именно мясорубка и фарш? И почему не головой в мясорубку, чтобы сразу, а ногами? М?

– Хватит цепляться к шутке!

– Ну да. Рассказывай.

– Видения… – тяжело вздохнув, пифия в несколько глотков ополовинила очередной бокал, задержала взгляд на тарелке перед собой. – Они меняют меня, Оди. Может поэтому я стала такая злая… нервная… даже жестокая. Вчера я разбила лицо юной девчонке, что слишком резко открыла штору в моей спальне, впуская свет в барак… я била и била, сминая нос, рассекая брови, разбивая губы… и не могла остановиться. Дерьмо! А что я могла поделать, если до этого как минимум половину ночи провела в жутких, сука, кошмарах! Подушка в слезах! Простыне в моче – да! Я, взрослая здоровая баба напрудила в постель от страха! От ужаса!

– Хм…

– Не спросишь, что теперь с той несчастной избитой мной девчонкой?

– Не спрошу. Что же такое страшное тебе показали, пифия? Узрела сидящее перед мерцающим экраном стадо оболваненных гоблинов, жующих попкорн и радостно смотрящих очередной бесконечный сериал? Узрела себя среди улыбчивых ушлепков, разглядывающих последнего в мире гепарда, забившегося в самый темный угол стеклянной клетки зоопарка? И поняла, что ты вдруг стала одной из них? Так кто бы не обоссался? Я бы первый зарыдал… ведь таким, как они, даже память стирать не надо – она все равно пуста. Там нет ничего, что стоило бы стирать…

– Ты стал разговорчивей… злее… болтливей даже. Из тебя прямо прет что-то этакое… злое, насмешливое, неуважительное ко всему и всем сразу.

– Это сегодня. – признался я, растянув губы в мокрой от усиленного химией молока усмешке. – Я… я едва заставляю себя сидеть на месте, пифия.

– Что-то случилось?

– Что-то случилось. – кивнул я.

– Вроде… прорыва в твоем вечном пути?

– Вечном?

– А ты когда-нибудь остановишься? У тебя вообще были хотя бы одни сутки, когда ты просто нихрена не делал?

– Зачем?

– Так прорыв есть?

– Может быть.

– До нас дошли безумные слухи о том, что ты заживо сжег целую религиозную секту каких-то амм… хрен его знает, как там дальше.

– Что с видениями?

– И обзавелся новыми бойцами… а еще экзоскелетами…

– Ты вдруг начала избегать темы…

– Страшно. – тяжело сглотнула пифия. – И ведь в этих видениях на самом деле нет ничего такого!

– Давай к сути.

– К сути? Чаще всего я вижу морозильник. Око Матери расположено где-то в верхнем углу огромного морозильника с третьесортным человеческим мясом.

– Уточни.

– Тела. Живые спящие тела.

– А почему третьесортным?

– Да это я еще лестно о них. – поморщилась Кассандра.

– Ампутанты?

– Нет. Без руки или без ноги встречаются, но в целом при них полный комплект. Но они… жирные, отекшие… мужики и бабы неопределенного возраста, с огромными животами, непомерными жопами и целлюлитными ляжками, свисают с потолка, рядами лежат на чуть ли не бесконечных полках. Среди них и явные иссушенные наркоманы попадаются. Короче – я вижу замороженный обнаженный сброд.

– И? Что в этом страшного? Увидела среди них себя?

– Да хватит! Нет! Не увидела! Я вижу то, что видит Мать. И увиденное напугало меня – вода!

– Вода? – я подался вперед, отставил опустевший кувшин и подтащил к себе блюдо с жареной курицей.

– В морозильнике не должно быть воды, Оди. Но она там есть – покрывает собой пол. Сначала, в первом видении, воды было немного. Может, по щиколотку. В следующем воды стало уже по колено. В третьем… самом страшном, наверное, вода поднялась до нижних полок и… накрыла собой лежащие там нагие тела.

– Головы? – жуя, деловито уточнил я.

– Именно. И головы. Они… я хоть и говорю, что это морозилка, но на самом деле они ведь живые. Это не промороженные субпродукты. Они спят. Спали… поднявшаяся вода накрыла их головы, лица. И они вяло задергались… понимаешь?

– Даже в таком состоянии нужен воздух для дыхания?

– Да. Наверное, они делают один вдох раз в минут десять. Может, и того реже. Но следующий вдох загнал в их легкие мутную воду. А ведь если они так медленно живут… то и умирают столь же медленно. Одна женщина… разбухшая от жиров еще при жизни, с огромными расползшимися по груди и бокам сиськами, с огромным пузом… она медленно и упорно

дергалась под водой раз за разом… пыталась дышать…

– Хм…

– Страшней всего то, что в следующий раз я снова вижу этот морозильник. Вижу, как затихли захлебнувшиеся нижние ряды – а их там сотни. Сотни людей, Оди! А вода все выше! С каждым днем! Ее приток замедлился, но еще пара дней – и покрытая ледяным крошевом вода накроет следующий ярус полок. И мне снова придется наблюдать как медленно захлебываются люди, как они на инстинктах пытаются сморгнуть липнущий к векам лед, как дрожат их губы под водой… Каждую, сука, ночь я вижу это….

– И это все? – бесстрастно поинтересовался я, выплюнув на тарелку обглоданную кость.

– Нет. Еще я вижу стену. Обычную стальную стену. В стене намертво заваренный люк. Но кое-где остались щели – и из этих щелей медленно сочится вода. А сама стена… она дрожит, вибрирует. Такое ощущение, что с той стороны на нее давит чудовищная сила. Рано или поздно произойдет что-то страшное…

– Что еще?

– Зомби во тьме. Темные стальные коридоры, перепуганные крики, рычание уже матерых зомбаков, что разгуливают по этим коридорам с абсолютным спокойствием истинных хозяев. Каждый раз это видение посылается мне Матерью не просто так – происходит акт рождения.

– Уточни-ка…

– Это что-то вроде исторгшей тебя жопы мира, гоблин, – попыталась улыбнуться пифия. – Я так думаю.

– Окраина? Подземный город? Вроде Дренажтауна?

– Наверное… очень похоже.

– И там бродят зомбаки?

– Да. Которых там быть вроде как и не должно.

– Там всегда были только плуксы. – задумчиво кивнул я. – А плуксы могут быть куда страшнее зомбаков. И эти чешуйчатые твари сожрут любого зомбака с потрохами.

– Может и так. Но я там плуксов не видела. Зато каждый раз смотрю как сталь рождает плоть – в стене открывается люк, из него чуть ли не выплевывают дрожащее тело с номером на груди и со шрамами на плечах и бедрах. Тело трясется некоторое время… его колотит дикая дрожь… ничего не напоминает?

– Я был рожден в этом мире именно так.

– Я тоже так подумала…

– Так рождаются добровольно низшие. – добавил я. – Хм… и?

– А дальше приходят зомби. Двое, трое, иногда целая толпа. Они садятся на корточки над еще не пришедшим в себя гоблином

и начинают его неспешно жрать, отрывая за раз по сочному кусочку и тщательно прожевывая. Если гоблин везучий – он умирает от болевого шока и кровопотери, не приходя в себя. Если гоблин совсем уж невезучий… он верещит, слабо дергается, а в это время кто-то жует его губы и нос, а третий уже тянется к его вкусным выпученным глазам.

– Ясно…

– Такие вот, сука, у меня видения, гоблин! Каждый день! Я боюсь ложиться спать… и ведь вроде я ко всему привычная. Меня ведь таким не пронять. Но оказалось – еще как пронять.

– Во сне мы слабее. – произнес Тигр, впервые нарушив молчание с тех пор, как приналег на пиршественные угощения. – Во сне мы – не мы. Я вижу себя во сне человеком, а не зверолюдом. Во снах я боюсь лезущих в окна огромных крыс. А в реальности я этих крыс радостно жру, и мне вкусно – а им страшно.

– Я бухаю каждый день. – продолжила Кассандра. – И каждый день я молю Мать, чтобы она либо пояснила эти видения, либо направила меня в нужное место. Я молю о наставлении. Но Мать молчит. А я глотаю таблетки, запиваю самогоном с клюквой. И боюсь прихода того момента, когда я уже не смогу не спать… я расклеилась, Оди. Я уже собиралась рвануть куда угодно отсюда… и тут пришли вести, что знаменитый сраный герой Оди возвращается в город.

– Я здесь не поэтому.

– Да я понимаю. Но…

– Но?

– Возьмешь меня с собой?

– Куда?

– Да куда, нахрен, угодно!

– Тебя и твой сквад?

– Нет. Их оставлю здесь. – покачала головой Кассандра. – Без обид, Оди, … но я не хочу посылать своих бойцов на смерть. Я покину сквад. Примкну к тебе. Рядовым, если придется. Если считаешь нужным – назначь меня лидером десятка. Я умею выполнять приказы.

– И что тебе это даст?

– Если оставить все как есть, если я продолжу жить здесь и во время каждого сна – будь он днем или ночью – видеть эти видения… я сойду с ума, Оди. Я уже чувствую в себе нелады. Я уже давно не слышу своих бабочек… Так что скажешь, гоблин? Возьмешь безумную пророчицу к себе?

– Рядовым, – кивнул я, поднимаясь. – Пока что. Но стоит ли менять сытую жизнь с кошмарами на быструю смерть?

– Лучше сдохнуть, чем спятить.

– Твой выбор. – пожал я плечами. – Пошли прогуляемся, владычица Уголька, пока ты еще не стала рядовым мясом.

– Куда?

– Обсервер. – улыбнулся я, прихватывая с собой бутерброд, накрытый подушкой из крохотных переплетенных рыбешек. – Хочу поглядеть на Зомбилэнд изнутри. Освежить его план.

– Мать не пустит тебя внутрь. Может даже не пустить в Обсервер.

– Вот и проверим, – буркнул я, покидая бар. – Вот и проверим…

– Так зачем ты здесь? Рокс жрет страусятину и загадочно отмалчивается. Попыталась его напоить, но он меня в этом деле ушатал. Что за тайны?

– Узнаешь по ходу дела. Шагай быстрей, пифия. И хватит бухать.

– Это совет?

– Это приказ.

– Хм…

– Приказ услышан и принят? Или начнешь вести себя как избалованная сука, привыкшая командовать, но не подчиняться? Решай сейчас.

– Приказ услышан и принят, командир, – грустно улыбнулась Кассандра. – Статус правительницы города? Да. Это было весело и приятно. Пока не начались видения. В жопу статус. Я рядовая гоблинша из отряда отморозка Оди. И этим все сказано.

– Ладно. – принял я этот ответ, сделав вид, что не заметил искры недовольства, мелькающие в ее воспаленных чуток глазах. – С наркотой ты тоже в завязке. Пока я не скажу.

– Лазеек не оставляешь, гоблин…

– Это же касается приема энергетиков и любых других химикатов и медикаментов, помогающих добавить бодрости и отсрочить сон.

– Охренеть…

– Я не откажусь от еще одного бойца. Но мне нахрен не нужна боящаяся спать визгливая наркоманка с трясущимися руками.

– Ладно… И не так уж трясутся у меня руки.

– Увидим на стрельбах. Ты говорила – видения приходят не только тебе.

– А я думала ты мимо ушей пропустил.

– Ну?

– Бродосы ушли вчера обратно по Тропе. Я ужинала с ними. Спрашивала, чем помочь, поделилась консервами и прочим. Ты в

курсе, что бродосов стали снабжать чуток хуже обычного?

– Нет.

– А это так. Их поставки стали реже. По первому требованию уже не прилетают дроны с грузом боеприпасов и медикаментов. Ассортимент в торговых автоматах не обновлялся уже почти неделю – хотя все слоты выкуплены.

– Это новость.

– Ага. Хреновая такая новость. Они кормятся охотой. Но убив вепря, ты получишь только мясо, шкуру и кучу возни. И не сумеешь выбить из дикой свиной жопы пачку бинтов, упаковку аспирина или хотя бы чистые трусы. Я подарила бродосам пару ящиков разной мелочевки – такой, которую не замечаешь ровно до тех пор, пока она срочно не потребуется. И такая хрень не только с этим табором дорожных вергов. У всех так! Это мне тоже бродосы рассказали.

– Разладилось снабжение вечных охранников Чистой Тропы? Дерьмо.

– Дерьмо. – согласилась поморщившаяся от лучей солнца Кассандра, доставая из поясной сумки с бабочками солнцезащитные очки. – Еще тропники поведали мне, что три дня назад вышибла себе мозги путешествующая пифия Венноза. Я много о ней слышала – древняя мудрая старуха, что почти всю жизнь провела в путешествиях. Отличалась своей добротой, умом, спокойствием. Ага… она сначала пристрелила юного любовничка, а затем приставила ствол дробовика под подбородок и с радостной улыбкой нажала на курок, снеся себе к хренам башку залпом картечи. Все случилось на одном из пятачков безопасности у Тропы, и бродосы узнали одними из первых. Знаешь, что примечательно?

– Удиви.

– Судя по месту происшествия – это километрах в шестидесяти от Уголька. Пифия Венноза двигалась сюда.

– К тебе?

– Наверняка.

– Слет медленно сходящих с ума пифий? Что бы ей дала встреча с тобой?

– Не знаю. Но я бы предложила ей неплохой рецепт из саке, энергетиков и изумрудных слез – неплохо так вырубает часов на шесть, блокируя видения. Но на следующий день безумно хреново…

– Странно. – я задумчиво глянул на идущую рядом пифию. При свете дня стало видно, что похудела она гораздо сильнее, чем на пару килограмм. Одежда болталась на ней как на вешалке. Шагая, Кассандра вытаскивала из поясной сумки пакетик за

пакетиком, вскоре нагребя целые пригоршни шизы, энергетиков, бутылочек с бухлом от Бункерснаба и колбочку с эльфийскими слезами.

Протянув руки, я забрал все это добро, на ходу рассортировал, раздав десятникам все ненужное. Себе оставил только слезы, убрав их в набедренный карман. Горько вздохнув, пифия с трудом заставила себя отвернуться и переспросила:

– Что странного?

– Какого хрена одна боящаяся спать пифия будет стремиться к другой? Ты ничем не можешь ей помочь. Даже убойный рецепт не будет работать вечно. Второе – зачем вообще себя убивать?

– Чтобы не сойти с ума! Ты не представляешь, каково это! Гоблин! Это тебе не просто на сраном экране смотреть сраные жуткие ролики! Когда видения приходят во сне… ты будто сам там! Понимаешь? Каждый раз я ощущаю, что стою перед этой готовой лопнуть стальной стеной с подтекающим люком! Я жду удара! Я сижу на одной из полок рядом с этими жирными третьесортными хренососами и смотрю как поднимается вода к моим ногам! Жду, когда начну захлебываться! И знаешь, что? Когда вода поднимется до камеры наблюдения – я буду видеть все так, будто уже нахожусь под водой! Это кошмар, мать его!

– Так бы сразу и сказала, – кивнул я с еще большей задумчивостью. – Видения кажутся реальностью, а не простыми видеороликами на экране.

– Да! Невозможно дистанциироваться. Невозможно смотреть отстраненно… я там! Камера укрупняет изображение – и я долбанные десять минут пялюсь на то, как медленно умирает жирная тетка с венозными сиськами!

– Говоря о венозности… эта другая пифия…

– Ну?

– Почему она не отказалась от статуса пифии?

– Это невозможно. – покачала головой Кассандра. – Умения даются Матерью навсегда. Я уже пыталась, если честно…

– Ладно. Тогда второй вариант. Почему она попросту не сдалась системе после убийства любовника?

– Не поняла…

– Что тут, сука, непонятного? Совершила преступление – сдайся системе. Тебе обрубят конечности, сотрут память, превратят в призма. Да, жизнь потом будет несладкой – хрен его знает, куда тебя забросит и в кого превратит. А могут и на рыбью наживку пустить. Но при этом – все лучше, чем вышибать себе мозги картечью. Ты мой намек схавала, пифия?

Короткий кивок показал, что Кассандра меня услышала. Не просто услышала – она поняла, о чем говорило ее резко

посветлевшее лицо и последующие слова:

– Су-у-у-у-ука… в конце гребаного тоннеля все же есть свет… пусть мрачный – но свет. Есть выход!

– Ага. – кивнул я. – Если поймешь, что вот-вот мозги не выдержат – сдавайся. Можешь даже никого не убивать – явись с повинной, заяви о любом из своих прошлых темных грешков. И система превратит тебя в ничего не помнящего призма.

– А с чего ты взял, что у меня есть темные грешки?

– Они есть у всех. А это что за дерьмо?

Я глядел на бетонное покрытие Жильной улицы – повсюду разноцветные и порой жутко корявые рисунки бабочек. Такие же сомнительные украшения появились на стенах барака.

– Жители любят меня. – пожала плечами пифия.

– Уже ходят с лампочками в жопах под прозрачными дождевиками?

– Не поняла?

– Здорово, Эйжоп, – кивнул я вынырнувшему из переулка старому знакомцу. – Как заработки?

– Карл я! Карл! Привет, герой! Дай обнять!

– Отвали.

– Рад! Рад тебе! И наслышан! – ничуть не смутился устроитель здешних боев. – Если вдруг решишь выйти на арену – я организую все в лучшем виде!

– Арену?

– Госпожа Кассандра, – Эйжоп ловко поклонился пифии, – устроила нам настоящую арену с трибунами!

– А что на это сказала система?

– Госпожа Кассандра все уладила!

– Я пояснила Матери, что это тренировочные бои по обоюдному согласию всех участников. Помогают повысить боевые умения, моральный дух и прочее.

– Ага. И благотворно влияют на потенцию.

– Что-то в этом роде.

– Увидимся, герой! – крикнул оставшийся позади Эйжоп.

Я махнул ему рукой, но он этого уже не увидел – замерев на месте, он изумленно наблюдал за тем, как по улице шагает боевой экз, скрывающий в себе Каппу, что почему-то решил на этот раз проигнорировать бордель. За ним тащилась небольшая стальная тележка, на которой сидел опустившийся на колено мой экзоскелет. Я не стал натягивать на себя вторую стальную кожу – для начала выясню, как отнесется система к моему приближению к Зомбилэнду в «нормальном» виде. Повернув голову, я кивнул стоящему в дверях лавки Жабе. Тот молча кивнул в ответ, показал оттопыренный большой палец. А я уже глядел только вперед – на

мрачную стену Зомбилэнда, что с каждым моим шагом к ней становилась все ближе и неприступней.

К самим стальным дверям тамбура – приоткрытым ровно настолько, чтобы внутрь могли войти несколько толпящихся у порога смерти сквадов – я подходить не стал. Мельком изучив переминающихся гоблинов, облаченных удивительно неплохо, я перевел вопрошающий взгляд на улыбающуюся пифию.

– Я ужесточила условия прохода. – пояснила она. – Во-первых, без собеседования со мной или одним из моих капитанов внутрь Зомбилэнда новичкам не попасть. Мы найдем способ остановить самых наглых и ретивых. Во-вторых, они теперь обязаны не только услышать наши советы, но и принять их к сведению. Никакого смешного оружия, никаких сучьих геройских плащей, никаких придурошных тактик. Все строго по правилам, что были выведены нами из собственного боевого опыта. В-третьих, больше нет ситуаций, когда в одном и том же заход в Зомбилэнд присутствуют только новички – я решила, что из пяти входящих отрядов только два могут быть «зелеными». В-четвертых, всем будущим претендентам сразу поясняется – взаимопомощь против зомби приветствуется категорически. Безразличие к смерти соседнего сквада – наказуемо. Подобных правил у нас теперь больше десятка. И знаешь, к чему это привело за последнюю неделю?

– Снижение смертности?

– В точку! Смертность претов упала на сорок процентов! Да, гоблины все же дохнут… но не в таком диком количестве. Плюс я ввела постоянную вахту надсмотрщиков.

– Это как?

– Отныне в Обсервере постоянно сидит несколько наблюдающих с биноклями.

– И следят они не за зомби?

– За всеми подряд. Но в первую очередь – за претами и героями. Если засекут тех, кто не захотел протянуть руку помощи погибающим – мы их накажем. Если увидят тех, кто рискнул собственной шкурой и помог – мы их щедро и публично наградим.

– Скучно. – поморщился я.

– Скучно. – неожиданно призналась Кассандра. – Прямо, сука, скучно. А вот мои капитаны – бывшие бойцы, получившие свои сквады – прямо кайфуют от этой работенки по раздаче кнутов и пряников.

– И чем награждаете? Тушенкой?

– В сраку тушняк! Самым отличившимся вручаем дробовики или кирасы. Пусть знают – взаимопомощь щедро награждается.

– Скучно. – повторил я и закинул в рот половинку эльфийской слезы. – Что с подъемником?

Стоя у стены, рядом с вмонтированным в нее вертикальным рельсом, я запрокинул голову и взглянул на платформу подъемника, что продолжала оставаться на самом верху.

– Странно. – пифия удивленно склонила голову на плечо.

– Не реагирует?

– Системный запрос уходит, появляется сообщение что он принят… но подъемник не реагирует.

– Ага. – хмыкнул я. – Погоди-ка.

Развернувшись, я дал отмашку своим, и мы небольшой группой отгреблись ближе к медблокам. Отойдя достаточно далеко, я кивнул пифии. Та вернулась к стене, и спустя пару секунд платформа подъемника заскользила вниз. Рассмеявшись, я сделал несколько крупных шагов к Зомбилэнду… подъемник тут же замер, а затем начал подниматься. Мой смех стал громче.

– Ну смешно же! – рявкнул я, глядя на один из системных грибов, насаженных на многометровые колонны. – Сука, смешно!

Мне никто не ответил. А я решил проверить кое-что еще. Шагнул к ближайшему торгмату… и его витрина боязливо погасла. Глянул на Каппу. Тот повторил мой прием – и тоже обломился. Тогда мечник рванул к медблоку и замер перед дверью, над которой горел зеленый огонек, оповещающий, что помещение свободно для приема пациентов. Несмотря на ободряющий зеленый дверь не открылась. Постояв еще чуток, Каппа развернулся, отошел поближе ко мне и «вскрылся». Выбравшись, снова подошел к медблоку. Ничего не изменилось.

– Нет смысла, Каппа, – прервал я его задумчивость. – Система показывает, что нам здесь не место.

– Вам здесь не рады. – почти повторила мои слова пифия, вернувшаяся от стены Зомбилэнда. – Такие вот дела. Но костюмы у вас зачетные, парни. Вы собрали немало зрителей.

«Немало» – мягко сказано. К этому моменту сюда подвалило почти все население Уголька. Глянув на них, я подошел к своему Шилу и забрался в него. Подобные «костюмы» на самом деле вызывают зависть. И как-то не хочется словить пулю из ржавой винтовки завистника. Или кого-то, кто решил прославиться, убив слишком уж знаменитого героя Оди.

Снова моя паранойя дала о себе знать…

Подняв забрало, я, уже не обращая внимания на собравшихся, коротко глянул на тусклый стальной гриб и растянул губы в усмешке:

– Ладно. Ладно… это первая плохая новость на сегодня.

– Может, снова через дно, лид? – предложил Каппа, махнув

рукой в сторону Платформы и пришвартованной к ней Шлюхе.

– Гномы вряд ли теперь оставят те ходы без присмотра. – покачал я головой. – Где-то да наткнемся на баррикаду с кучей вооруженных гномов. Да и зачем? Тут основное – задаться главным вопросом, Каппа.

Не подведя меня, раскосый со свойственным ему внешним равнодушием поинтересовался:

– Каким?

С интересом склонила голову и пифия, что пока не рассталась со статусом правительницы Уголька.

– Главный вопрос? Он прост и звучит так: сразу ли прострелит система стальную жопу лезущего куда не надо гоблина или сначала хотя бы разок предупредит?

– Предупредит. – после краткого раздумья решил Каппа.

– Хорошо. – похвалил я его. – Ну так и проверим.

– Сначала предупредит. А потом прострелит гоблину жопу. – добавил мечник.

– Если речь о попытке проскочить в Зомбилэнд – тебе реально жопу прострелят. – вступила в дело пифия. – Не стоит так рисковать, Оди.

– Ага. – я безмятежно кивнул. – Ну конечно, потом система прострелила бы мне все, что только можно – продолжай я находиться на ее территории. Но… с каких это пор система хоть что-то решает в Зомбилэнде? Разве там все не в ответственности добросердечных сурверов?

– Оп-па… – пифия широко распахнула глаза. – А вот об этом я не подумала…

– Махни платочком своим уродам. Пусть кто-нибудь один поднимется в Обсервер. Без обсуждений и вопросов с чьей-либо стороны. Простой сделайте.

– Не проблема.

Несколько слов, взмах рукой с ползающими по пальцам разноцветными бабочками и с засевшим на запястье черным мотыльком, … и через минуту платформа подъемника сначала благополучно достигла бетонки, а затем столь же мягко начала подниматься. Стоя на месте, я спокойно провожал ее ленивым взглядом.

– Я правильно понял? – уточнил Каппа. – Воздухом?

– Не дергайся. – велел я с все той же ленивой улыбкой. – Наблюдай и учись.

– Есть.

– Я все еще не… тут высота стены такая, что…

Сорвавшись с места, я рванул на максимальной скорости к стене Зомбилэнда, преодолев стометровку за рекордные секунды.

В миг, когда я оторвался от бетона и на прыжковых ускорителях взмыл в воздух, платформа запоздало остановилась. Я с лязгом приземлился на нее, едва не опрокинув. Платформа двинулась вниз, но я уже оттолкнулся и взмыл в новый прыжок. И только тогда, когда я, уже скорректировав траекторию, пролетал над гребнем стены, у меня высветилось грозное:

«ВНИМАНИЕ! ГЕРОЙ ЭРЫКВАН! ОСТАНОВИТЬСЯ! ПРИКАЗ!»

Я, откинув забрало, издевательски улыбнулся ближайшему стальному грибу, откуда ко мне тянулся веер лазерных лучшей и широко развел руками:

– Уже поздняк, жестянка! Закрылок в жопе не имею!

Секунда… другая… и я скрылся за гребнем, начав падение внутрь Зомбилэнда. Грозная надпись потухла, ни одного выстрела в мою сторону не последовало – хотя могла, могла меня система зацепить очередью бронебойных игл. Вот только за что? Я не получал до этого никаких приказов не приближаться, а то, что я ослушался и не остановился – так поди попробуй остановись, когда ты в воздухе. Уж кто-кто, а холодный машинный ум должен знать летные качества двуного куска стали.

Упал я на дерево. Несчастный старый бук с хрустом встретил меня середкой кроны. Ломая сучковатые ветви, я полетел вниз, по пути сцапав за шею тощую голую зомбячку с гнилым недоразумением вместо грудей. Стащив ее за собой, швырнул вниз и приземлился на потемнелую спину, ломая хребет. Следующим движением срубил ей башку выдвижным лезвием и шагнул к повернувшемуся ко мне десятку матерых зомбаков. Они так удивились моему появлению, что прекратили дожирать несчастную группу бедолаг – и Кассандра еще что-то мне чесала про упавшую смертность?

Стряхивая с лезвия гнилую кровь, я двинулся к врагам. И успел еще признаться до того, как захлопнул забрало экза:

– Все же я по вам скучал, хренососы!

Минуты через четыре, когда я порубил на куски семерых, прострелил затылки еще двум ударившимся в бега тварям и проводил взглядом последнего счастливца, успевшего нырнуть в кусты, один из выживших претов робко проблеял, продолжая обнимать мою закованную в сталь ногу:

– А с какого ранга такие дадут? Уже со второго?

– Пшел нахер. – буркнул я, стряхивая ушлепка со ступни.

Больше тупых вопросов не последовало. Выжившие, поскуливая, плача и таща за собой тяжелораненых, двинулись к выходу, надеясь отсидеться у тамбура. А я пошел по центральной

аллее, шагая знакомым путем. На меня нападали еще трижды. Дважды – не успевшие осознать непривычный для них уровень опасности зомбаки. Один раз – перепугавшаяся конопатая девчонка, что всадила мне заряд мелковатой дроби в грудь. Я не стал ее убивать. Указал в какой стороне замерли в испуге ее соратники и добросердечно отпустил ущербную пинком в копчик. С такой союзницей и враги не нужны.

Миновав большую часть аллеи, я врубил динамики на полную и заорал на всю сраную лечебницу:

– Эй! Оди вернулся, старперы! Бруха! Доус! И ты – синеламповый! Кевин! К тебе тоже разговор есть! Шагай к бункеру Доуса, если уже отоспался и слышишь меня.

Мой голос, лязгающий и гремящий, благодаря нарочито хрипящим динамикам, разносился далеко в стороны, гулким эхом отражаясь от старых деревьев и бетонных стен. Медленно крутясь, я продолжал шагать и кричать, обращая на себя всеобщее внимание. Пусть и другие сурверы знают – я вернулся. Они со мной знакомы – где я там веселье, проблемы, кровь и разбрызганная мозговая жидкость.

– Чего орешь? – мрачно поинтересовалась у меня механическая сова с человеческим лицом, что уселась на нижнюю толстую ветку.

– Дерьмо твоя карма, Бруха, – вздохнул я. – Опять жопой в клей…

– Сука! – заорала подпрыгнувшая сова, взмахнув крыльями и… свободно взлетев в воздух.

Рассмеявшись, я чуть подправил направление и двинулся к бункеру Джона Доуса, проламываясь через мелкий кустарник и обходя препятствия посерьезней.

– Не умрешь ты своей смертью, Оди, – зло проклекотала сова, опускаясь мне на голову. – Сука! Жаль, роботы срать не могут – я бы тебе харю железную украсила! С чем пожаловал?

– Надо кое-что забрать.

– Например?

– Например – вот эту сову. – подняв руку, я сцапал механическую птицу и стащил со шлема, опустив до уровня забрала. – Ты все же тупая… ничему не учишься… решила, что если я пошутил насчет клея – то мне теперь твоя сова не нужна? Дура ты, ведьма.

– Оди! Отпусти! Отпусти!

– Нет, старуха, – жестко ответил я. – Твоя сова – теперь моя.

– Оди! Это часть моей души!

– Да в жопу. Хватит причитать и начинай паковаться.

– Оди! – тут до Брухи дошел смысл моих слов и, резко сбавив

тон, она осторожно переспросила: – Паковаться?

– Ага. Пакуй панталоны, бабка. Ты переезжаешь. Если, конечно, еще хочешь увидеть море и вдохнуть запах свободы.

– Ты серьезно?

– Я – да.

– Но как? Над моей жопой висит бомба! А сраный поводок…

– Это мои проблемы. – отрезал я. – Поднимайся! У тебя три минуты.

– Но…

– Решай, старуха!

– Три минуты! Чтоб ты сдох!

Еще раз свернув, я нагнулся над знакомым пеньком и рявкнул:

– Как еще один прекрасный день в раю, сурвер?

– Оди! Все же ты! Живой!

– На свободу хочешь?!

– Да!

– Через пять минут будь наверху, если хочешь свалить отсюда вместе со своей сосалкой резиновой.

– С Дульсинеей!

– Да насрать. Пять минут! С собой вытащи пару стальных ящиков для доставки!

– Ох… – в голосе прибавилось нерешительности.

– Ссыкло! – презрительно прошипела сова в моей руке.

Глянув на нее, я секунду подумал и принял решения, швырнув ее в небо.

– Заткнись, Бруха! – взорвался в ярости пенек. – Через пять минут! Буду! Сдохну – значит, сдохну! Хотя хрен его знает, как ты решишь проблему с бомбой в поясе!

– Это легко. – усмехнулся я и крикнул: – Бруха! Веди к своему бункеру! Живо!

– Следуй за мной! – велела упавшая с неба сова. – Давай! Пока моя решимость не угасла!

– Стойте! – завопил пень. – Сначала меня! Как мужика и труса! Еще минута – и я передумаю!

– Выбирайся! – зло рявкнул я. – Только без своих театральных молний!

– Да будто я их вызываю! Беги! Я уже в лифте!

– И не забудь ту пушку. Гибрид Мурроса.

– Запомнил?

– Такого я не забываю. Старик! Вколи себе самое сильное обезболивающее, что есть!

– Зачем?

– Давай! Бруха – ты тоже!

– Ох… ох…

Перейдя на бег, я промчался между деревьями, наткнулся на садовую беседку, сломав один из опорных столбов, пробежал перед потрясенными моим появлением героями в стальных кирасах, выскочил на знакомую детскую площадку, из которой как раз выдвигался окутанный дымом и молниями стальной хрен. На все у меня ушло не больше трех минут. Не то чтобы я прямо спешил, но… старперы и правда на грани того, чтобы отказаться от свободы. Даже к неволе привыкаешь. В старости – особенно. В цилиндре открылась дверка, из нее, кашляя от дыма, выскочила знакомая фигура. Зеленые глаза полны страха и странного веселья.

– Я еще две слезы разжевал! – оповестил меня Доус.

– Как глупо. – огорченно вздохнула за его спиной резиновая кукла.

– Как ты меня освободишь? Если разомкнуть цепь в стальном поясе… тросик тоже обрывать нельзя! Система примитивная, но надежная…

– Не понадобится. – зло ощерился я, хватая старика поперек пояса и подтаскивая к детской горке. Запихнув его между мною же в свое время окрашенных прутьев, его же тросом я воспользовался, чтобы зафиксировать старика намертво в подвешенном состоянии. Верхняя часть туловища – над горкой. Нижняя, со свободно болтающимися ногами – внизу.

– Не дергайся. – предупредил я.

– Но как?!

– Плоть мягка и податлива. – пояснил я, стальными руками хватаясь за его широкий пояс. – Тебе повезло, что ты худой, старик. А то бы я тебе жопу оторвал.

– Погоди! Ты хочешь?! А?! ПОГОДИ! А-А-А-А-А-А-А!

Дергать я не стал – а то реально оторву нахрен ему старую жопу. Я потянул мелкими раскачивающимися рывками. Так стягивают с себя тесноватые джинсы – понемногу с каждого бока. Только здесь я не материю стаскивал, а стальной обод с зеленым огоньком.

– ДЕ-Р-Ь-М-О-О-О-О-О!

Выкрикнув это, старик отрубился, уронив голову на один из металлических прутьев. Он и так долго продержался – уважаю. Отключился, когда боль в сдавленных чреслах стала уже невыносима. Убедившись, что самая тяжелая часть позади, я сильно дернул и стащил стальной обод. Уронил его на бетон и принялся отматывать Доуса. Закончив, забросил его на плечо, подхватил один из стальных ящиков и повернулся к сидящей рядышком сове:

– Веди!

– Нахер я это увидела?! Как теперь развидеть, сука?! Как решиться?!

– Обезболивающее. И наркота. Веди! И заодно поясни-ка мне, ведьма, где тут живет сурвер с оленем. И где еще один – тот, что с русалкой…

– Они на свободу не захотят. Их я знаю.

– А я их никуда и не зову – растянул я губы в широкой злой усмешке…

– Вот дерьмо! – в какой уж раз повторила длинноволосая седая старуха в слишком большом для нее черном дождевике поверх серого комбинезона. – Свобода…

– Пока еще нет. – поправил я ее, задумчиво стоя рядом с горой зомбячьих трупов, которые я же и навалил у основания внешней стены Зомбилэнда. Место я выбрал очень удобное – тут все заросло старыми деревьями, мы находится в сумрачной спокойной зоне. – Доус, ты жив там?

– Ног не чувствую. – признался лежащий неподалеку от Брухи Доус. – Но я счастлив… я, сука, счастлив…

Он мог это и не говорить – по его щекам стекали слезы. Плакала и Бруха. Резиновая кукла молчала. Онемевшая сова лежала рядом с хозяйкой – со спутанными крыльями и лапами. Золоторогий олень со стреноженными ногами смирно лежал на боку рядом с дохлыми зомбакам. Русалка вяло билась тут же – эта хвостатая хреновина с туловищем позолоченного манекена и рыбьей жопой никуда не денется, даже если система возьмет над ней контроль.

– Каков план? – Доусон сморгнул слезы и улыбнулся.

– Ждем еще одного.

– Это кого?

– А вот его. – я развернулся и оказался напротив беззвучно вышедшего из-за перекошенной постройки высокого рыцаря. – Ну здравствуй, Кевин. Скажи, ты сегодня был хорошим мальчиком?

Предводитель зомби медленно кивнул, не сводя с меня пронизанных синими капиллярами страшных глаз.

– Ты мне, сука, руку оторвал. – напомнил я ему.

Еще один медленный кивок.

– Матушка… – тихо-тихо произнесла Бруха. – Он же нас сейчас…

– Ну что, Кевин… хочешь на свободу из этой сраной мясорубки?

Секунда… другая… и новый медленный кивок.

– Хорошо. – улыбнулся я. – Хорошо… Есть одно важное

условие – теперь ты временно под моим командованием. Все мои приказы выполнять беспрекословно. Как выберемся – я тебя отпущу, если не захочешь остаться. Что скажешь?

Кивок.

– Тогда приступаем. – буркнул я. – Зови сюда всех, Кевин. Каждого зомбака! Пусть тащат топоры, веревки, тросы и все, чем можно разжечь огонь сразу во многих местах. Не знаю, чему там тебя научил папа Элвис… а я научу тебя, как устраивать отвлекающие массовые огненные диверсии и массовые побеги голодных зомби. Готов учиться?

На этот раз кивок последовал без задержки.

– Хорошо. Приступай. – удовлетворенно произнес я, смело поворачиваясь к Кевину спиной. – Так… а теперь мне бы надо отыскать где-нибудь живого и сговорчивого гонца… чтобы знали, где нас встречать…

Затянутый пеленой серого дыма, исходящего из десятков мест сразу, сверху Зомбилэнд казался чем-то… таинственным и даже мистическим. Но я бросил на него лишь один взгляд и продолжил перебирать руками, быстро спуская вниз трос с привязанными сурверами и добычей. Мимо меня один за другим, по соседним веревкам, что достигали только до середины стены, быстро спускались беглые зомби, направляемые разумом Кевина, что спустился одним из первых и уже успел спрятаться.

Время…

Время…

Вой сирены подстегнул меня, заставил перевалиться через стену и рухнуть вниз. Пролетев немалое расстояние, я схватился за трос и заскользил по нему, чувствуя, как дрожит от напряжения многожильная стальная струна. Последнюю часть пути снова пролетел и рухнул рядом с уже тронувшимся прочь багги. Глянув на сгрудившихся на платформе бойцов, я махнул рукой Роксу – увози. А сам, развернувшись, посмотрел на оставшихся Рэка и Каппу и приглашающе указал рукой – жрать подано.

Когда через несколько минут сюда примчались поднятые системой герои из Уголька, они увидели обычную для этих краев картину – герои умело отбиваются от злобных и голодных зомбаков. Швырнув нескольких тварей, я переместил их за изгиб стены, и мы попали в поле зрения ближайшего к поселению столбу со стальным грибом. Теперь нас видела и система.

Бой с вышедшими из-под контроля Кевина зомби закончился быстро. Стряхнув с выдвижного клинка кровь, я повел стволом модифицированного игстрела и прострелил башку грызущего

мою ногу гнилого ушлепка. И неспешно зашагал к городу.

– Лид! А еще потрахаться можно? А то я прямо не досыта. – заторопился за мной Рэк, закидывая за спину дробовик.

– Через час всем быть на Шлюхе. – ответил я.

– Мне хватит! Каппа! Идем? Перехватим чуток счастья!

– Счастья? – повторил Каппа и скорбно покачал головой внутри стального шлема экза. – Ты ищешь моллюсков на сухом поле.

– Чего? Я че-то тебя не понял, раскосый… Опять умничаешь?

– Крохотен огонек в большом фонаре…

– Пошел нахер!

– Через час. – повторил я, устало ворочая шеей.

– На базу, командир?

– На базу.

– А оттуда… да?

– Да. – кивнул я. – Да…

Зашипел передатчик:

– Командир?

– Слушаю тебя, Рокс.

– Ждем в условленном месте. Верно?

– Да.

– Гости пялятся на океан и плачут. Просят самогона. Дать?

– Дать.

– А тот… тот забрал жареную курицу и медленно ее жрет… по крохотному кусочку смакует с хрустом… аж дрожь берет.

– Не мешайте.

– Принято. Ждем вас. И прихватите с собой еще пару жареных куриц…

Глава третья

От побережья Шлюхе пришлось отойти подальше.

Причина? Она проста – никто из наших пассажиров не захотел покидать палубы.

Бывшие сурверы вытянулись во весь рост на нескольких одеялах. Их вражда была забыта – по крайней мере, сейчас. Они даже не разговаривали. Просто лежали с подоткнутыми под голову подушками, пили кофе, щедро заправленный сахаром, молоком, наркотой и бурбоном. И не отрывали глаз от проплывающего мимо далекого берега, от пенистых серых волн, от редких островков, обжитых тюленями и чайками. Старики не дышали воздухом – они им затягивались глубоко-глубоко, будто пытаясь всосать в себя весь морской соленый запах. А затянувшись, долго не выпускали из себя воздух свободы.

Кевин… этот обосновался на корме. Он не снял с себя кучи железа, но оно его, насколько я понял, нисколько не отягощало. Десятки килограмм брони он таскал с потрясающей легкостью. Прижавшись спиной к железной стене, он замер. Жили только его руки, челюсти и глаза. Глаза медленно переползали с островов на берег, затем на волны, потом повторяли этот маршрут. А руки и челюсти были заняты жареными курицами. Рокс не ошибся, когда попросил прихватить еще несколько зажаренных на сковороде птиц. Кевин знал в них толк. И сожрал все пять из тех, что повара в лучшем баре Платформы сумели приготовить за отведенный им час.

Процесс поглощения курятины был одним и тем же. Сначала аккуратно снимался каждый лоскуток жареной кожи – снимался мастерски, бережно. Затем от курицы отделялась ее жирная мясистая жопа – этот торчащий огузок – что отправлялся к отложенной коже. Потом тушка расчленялась. И начиналось поглощение – всегда с грудки. Так Кевин двигался от самой сухой куриной части к самым ее сочным кускам. В финале наступала очередь отложенной жопы и кожи. Сначала съедалась жопа – очень медленно… потому в его рту исчезала жареная похрустывающая кожа, пропитанная жиром и специями. После этого наступала пауза в несколько минут… и стальной зомбак брался за следующую курицу. Жрать их он, похоже, был готов бесконечно.

Может, в правильном пожирании жареной курицы есть какая-то особая философия? Или так его научил папа Элвис? Хрен его знает. Жрет и жрет.

Рядом с ним стоял его стальной ящик – и он знал, что с ним

делать в случае чего. Металл толстый, надежный, должен неплохо экранировать. Такие же стояли рядом с сурверами.

Они уже успели побывать внутри этих ящиков – для этого я их и велел прихватить из Зомбилэнда, для этого матерые зомбаки и перли их по прислоненным к стене бревнам и отходящим от них примитивным штурмовым лестницам. Едва погрузившись на багги, еще не добравшись до Тропы, стонущих от боли сурверов и молчаливого рыцаря-зомби запаковали в ящики, прикрыли сверху кучей оружия и всякого барахла, окружили живыми бойцами и таким вот сэндвичем прогнали под всеми сенсорами до условленного места.

На подходах к базе им снова придется повторить этот фокус.

Не знаю, что сделает система, если обнаружит на музейной базе дуэт старперов-сурверов. Может, и оставит их там доживать свой век. Я лично так и собирался поступить. И им там самое место – они же, считай, музейные экспонаты. Пусть себе хранятся в пыли заброшенных музейных залов – может, и порядок там наведут, когда смятые тазовые кости снова позволят им двигаться.

А вот Кевин… тут, сука, все очень сложно и непонятно.

Он был нужен мне, чтобы быстро смыться из Зомбилэнда.

Что дальше?

А хрен его знает. У него два варианта – либо уйти и попытать счастья в этом мире в одиночку… либо остаться и последовать за мной. До тех пор, пока он жрет куриц, а не гоблинов – у него есть шанс. Жить на базе я его точно не оставлю. Слишком уж непредсказуемый этот Кевин. И слишком живучий. А еще он чем-то похож на меня…

Вернувшись на мостик, я уселся на продавленный диван рядом с припавшим к полу экзом. Скрутив крышку с бутылки, в два приема выпил почти литр компота. Поморщился – кисловато. Но вкусно. Глянув на незнакомого мне молодого совсем парнишку, льнущего к старому капитану Сквалыге, что пытался играть в шахматы с Роксом, на этот раз решившим загнать багги на корабль, а не переть долгим опасными тропами, я велел юнцу:

– Отнеси по бутылке компота старикам и штуки три таких тому, кто сидит на корме и жрет куриц.

– Тому, кто сидит на корме? – парнишка испуганно округлил глаза и губы, заломил запястья, прижал их к груди. – Он стра-а-ашный…

– Захлопни пасть, щенок! – торопливо встрял Сквалыга, ткнув парнишку кулаком в плечо. – И с героем Оди таким голосом больше не разговаривай! Вообще ничего не говори – просто делай! Понял?

– А… ага…

– Так давай на камбуз за компотом, раз понял!

Когда разносчик, не глядя на меня, побежал выполнять задание, я устало прикрыл глаза и безразлично поинтересовался:

– Новенький?

– Кто-то должен греть постель…

– Не тем ты постель греешь, моряк, – крякнул Рокс и двинул вперед ладью. – Шах тебе.

– Ох ты ж… ща вывернемся из этой ситуевины…

– Оди… сыграть не хочешь партийку?

– Не. – ответил я, не открывая глаз. – Как там Кассандра?

– Спит в каюте. Та девчонка с расписной рукой там же. Йорка вроде бы?

– Ага.

– Эта Йорка сначала все пыталась о чем-то с Баском поговорить. Пощечину ему залепила. М-да… а Баск ее выслушал, развернулся и ушел. Она разревелась и к Кассандре… А ты что скажешь, Оди?

– А мне насрать, Рокс, – уже проваливаясь в сон, ответил я. – Мне насрать.

– Любовь земная тебе чужда?

– Когда мир гниет и умирает на наших глазах… какая, нахер, любовь? Это как в горящем здании устроить дискотеку.

– Ну… та официанточка на пирсе к тебе так и льнула, провожая. Да и ты вроде бы с ней был не против последние полчаса провести перед отходом… Молод ты еще, Оди. Молод. Может, просто не созрел? Ведь говорили вроде бы когда-то – любовь спасет мир.

– Бред! – фыркнул Сквалыга и хлебнул из граненого стакана водки. – Аж бред! Ладно юность упругая может такое говорить… ты-то куда, старпер?

– Так я в философском смысле…

– В философском? Да бред! Любви не существует.

– Да как же! Без любви и семьи не построишь!

– Семьи? Какая к черту семья? Тут бабы не рожают! А семья – это дети. Если же только двое – он да она… то, где тут семья?

– Да причем тут дети? Я к тому, что любовь – это в первую очередь уважение! Если ты бабу свою не уважаешь – тебе с ней долго не прожить. А если она тебя ни во что не ставит? Тоже все к хренам покатится!

– Криво ты как-то поясняешь. Вот я тебя уважаю. И что? У нас, типа, семья?

– Ты дерьмо с повидлом не путай, голубок с якорями!..

Дальше я эту ленивую пустую беседу уже не слушал,

позволив себе провалиться в неспокойный сон…

* * *

Под водой я устроился с удобством, запарковав жопу на торчащей из дна наклонной стальной балке. Метрах в пяти надо мной колыхалась водная поверхность, нет-нет да проплывали на удивление крупные беглые рыбины, плескались с визгом женщины, дети и старики, взбивая смуглыми пятками теплую воду. Некогда это место было вершиной среднего по величине холма. И уже, наверное, как тысячу лет, этот холм был изрезан рукотворными террасами, на которых выращивалась всякая овощная хрень. А может, здесь растили рис. Или высаживали чайные кусты.

Сейчас, во время, когда мир медленно тонет, когда подступающий озлобленный океан жадно глотает сушу километр за километром, пытаясь догнать и уничтожить проворно отступающих муравьишек-людишек, от холма осталось немного.

Над водой возвышалось метров двадцать вершины. Может, чуть больше. Может, чуть меньше. Это мне похрен, а тем невольным почти робинзонам, что пытаются тут выжить, это очень даже важно – они готовы целовать каждый оставшийся грамм плодородной почвы. Подобных относительно недавно возникших островков, поднимающихся над затопленной и некогда богатой холмистой долиной ровно семнадцать. Это настоящие острова. А есть и понтонные, состоящие из ржавых цистерн и огромного количества сетчатых мешков, набитых тысячами наполненных воздухом пластиковых бутылок. Конструкция у них примерно одна и та же – плавучая основа стянута сетками и тонкими тросами, сверху постлано немалое количество слоев пластиковых же полотнищ и тонкой жести. По периметру надставлены примерно метровой высоты борта. Получившийся бассейн заполнен еще могущей плодоносить почвой и густо усажен растениями. Климат здесь тропический, урожай собирается круглый год. Штормов в этой окруженной хребтами и горами долине не бывает. Частично эти острова закрыты навесами – не все растения любят прямой солнечный свет. На этих навесах и на привязанных к основному мелких плавучих островках и лодках живет население подобного плавучего «рая». Вода здесь солоноватая, растениям не подходит, но спасают опреснители, а солнечные батареи дарят энергию стареньким моторам, что таскают эти убожища по всей долине – ведь нельзя же сожрать все выращенное. Часть урожая надо

выменять на что-то полезное. Именно выменять – деньги здесь давно не в ходу. Натуральный обмен рулит, а курс арахиса к баклажанам зависит исключительно от голосовых данных и силы убеждения торгующихся.

Изредка с материка прибывают старые катера, что в обмен на свежие продукты всегда готовы предложить кое-какие лекарства и одежду, запчасти к опреснителям и двигателям. Они же скупают рыбу – эти геномодифицированные твари водятся в огромных плавучих сетчатых загонах, что медленно двигаются по здешним водам, позволяя водорослям, насекомым и прочей съедобной хрени самой заплывать в пасти быстро жиреющих всеядных обитателей.

На островах настоящих – та же ситуация, хотя здесь считается, что жить на настоящей суше уже невыгодно. Пусть рост уровня воды замедлился, и теперь океан наступает лишь по паре сантиметров в год, все равно рано или поздно холм утонет. Где будут жить внуки? Поэтому жители земляных куч старательно собирают всякий годный хлам, чтобы однажды соорудить понтонный остров, мешками перетаскать на него родную землицу и пуститься в вечный круговой заплыв. А почему нет? Живут же соседи так!

И правда – живут. Причем по меркам здешних обитателей они живут неплохо. Они готовы так жить вечно. Готовы рожать в этих условиях детей. Готовы здесь умирать и уходить рыбе на корм – предварительно посетив их ритуальную мясорубку, конечно. Разве не вышибает трогательную слезу созерцание того, как помершую бабулю живенько так перемалывает в фарш здоровенная мясокрошилка, чтобы красным дождем пролить останки в бурлящую от перевозбужденных рыбин воду садка? Это ведь так мило… настоящий круговорот жизни…

Да. Они готовы жить так вечно.

И боятся только двух вещей – того, что вода поднимется еще выше, сокращая их территории и открывая дорогу штормам, что пока не могут сюда пробраться из-за стоящей на их пути невысокой гряды. И того, что в их дела будут мешаться ублюдочные внешники – под каковыми они воспринимают всех чужаков до единого, не делая различий между скорбно вопящими о великом потопе христианскими пасторами, посланцами от организаций по правам детей, требующих сейчас же отдать отпрысков в школу, и страховыми агентами, обещающими немедленные щедрые выплаты… Но это еще мелочь. А вот когда сюда приходят государственные или корпорационные силы… тогда жди настоящей беды.

Именно это и случилось – в затопленную долину явились

силы реально монструозной, мать ее, корпорации. Новый благотворительный проект, спонсируемый этими дельцами и, вот уж редкость, действительно направленный на благо человечества. Не на благо здешних жителей, но на благо человечества. И кто здесь не человек, а гнида недостойная сего светлого звания?

Не то чтобы корпорации понадобилась вся долина. Нет. Для начала они нацелились на несколько бывших холмов, что еще торчали над водой. И тот, у чьего ушедшего под воду склона я притаился, был первым на очереди. Несколько крохотных дронов усердно собирали для меня информацию и проецировали ее на внутреннюю сторону забрала Ночной Гадюки. Я видел и слышал все, что происходило вокруг. И ничуть не удивился, когда веселое купание прямо надо мной внезапно прекратилось. Еще бы им не прекратить плескаться, когда над островком, утыканном сваями с поставленными на ним жилыми и техническими навесами, зависла здоровенная гондола огромного корпорационного дирижабля, что бросила зловещую тень не только на островок, но и на прибрежные воды.

Я сидел тихо, давая возможность колыхающейся надо мной маскировочной умной сети делать свое дело. Корпоративные безопасники не идеальны, но службу свое знают неплохо. Не стану предоставлять им лишние шансы.

На отделившейся от пассажирской гондолы платформе стояло трое. Все мужчины. Все средних лет. Все в дико выглядящих в этой местности дорогих деловых костюмах. Одинаковые галстуки. Одинаково уверенное выражение лиц. Такие, как они, всегда появляются незадолго до прибытия первых бульдозеров, что сокрушат и разровняют здешний уклад жизни. Такие, как они, нужны лишь для одной функции – дать понять всему миру, что пославшая их корпорация действует цивилизованно. Ведь мы не дикари. Мы не захватчики. Мы забираем на законных основаниях…

Посланцев ада встретила изначально враждебная группа старцев. За их спинами маячило несколько мужчин с допотопными ружьями, но всерьез их никто не принимал – не успеют и стволами дернуть в сторону юристов, как их тут же положат автоматические турели с дирижабля. Надо будет – все население островка вымрет за пару минут от пулевого обжорства. Но зачем лишние проблемы? В наше время бумажка с печатями убивает куда лучше, чем пуля.

– Доброго славного дня, о жители острова двенадцать. – улыбнулся один из посланцев. – Вам уже отправляли оповещение о нашем прибытии и наших целях. Вы готовы покинуть остров? Нам пора начинать строительство…

– Мы не уйдем! – коротко произнес канонично седобородый дедок в затасканных шортах и с трепещущим на груди седым пухом. – Это наш дом! Вы – уходите!

– Мы здесь не для споров. Не для торгов. Но мы всегда готовы объяснить. Несколько островков этой долины, а именно, двенадцатый, шестнадцатый и семнадцатый, были выбраны мудрым правительством вашей славной страны в качестве опор будущей транспортной магистрали, что положит конец разрозненности страны, поможет объединить семьи, наладит грузовой и пассажирский потоки. Более того! Планом предусмотрено устройство особых зеленых зон вдоль этой магистрали! Те же самые огороды – только расположенные этажом выше. Больше земли, больше солнца, меньше сырости, больше здоровья и веселья.

– Уходите!

– План утвержден на самом верху. Все подписи поставлены. К завтрашнему утру сюда прибудет тяжелая техника, и этот остров, что содержит в себе превосходную прочную скальную сердцевину, начнет преображаться. Отныне это опора! Вы не сможете здесь остаться…

– Мы не уйдем! Вам придется убить нас всех!

– Ну что вы такое говорите! – в дело вступил второй юрист, доставая из блестящего кожаного портфеля пачку бумаг. – Все предусмотрено. Если к завтрашнему утру вы все еще будете здесь, сюда явятся правоохранительные силы вашей славной страны и… предпримут все необходимые меры для безопасной эвакуации гражданских с места строительства федерального значения… Понимаете? Так или иначе – вы уйдете. Но зачем доводить до крайностей?

В глазах старика заплескалась беспомощность. Он прекрасно знал, на что способны здешние «правоохранительные силы славной страны». И понимал, что лучше на самом деле уйти самим. Уйти молча. Уйти навсегда.

Повернувшись к сородичам, он замер, не в силах сказать ни единого слова. А те продолжали смотреть на него с суровой выжидательностью – большая часть здешних не знала общего языка и не поняла ни единого слова. Горстка дикарей еще не знала, что они уже проиграли. Старику предстояла сложная задача. Для начала убедить стариков. Затем надавить на женщин. Это еще полбеды. А вот как заставить подчиниться агрессивную молодежь?

Но чего старый вождь не знал, так это того, что ему не придется убеждать сородичей проявить покорность. И ему не придется покидать родной клочок суши. Но скоро он узнает…

примерно через… бросив взгляд на мерцающие часы, я протяжно зевнул. Пока все идет по точно рассчитанному плану.

Пассажирский дрон с яркой подковообразной символикой атолла провалился сквозь облака, коротко обменялся данными с дирижаблем, предупреждая его о своей принадлежности и одновременно дублируя информацию на спутники. Упав почти до воды, транспорт открыл боковые створки, выпуская из пассажирского отсека трех… точно таких же юристов в дорогих деловых костюмах, при портфелях, галстуках и серьезных лицах. По выдвинувшемуся трапу они сошли на один из дощатых причалов и, неспешно шагая, добрались до места противоборства. Там они сходу взяли дело за рога.

– Вы ничего здесь не будете строить. – безапелляционно заявил один из новоприбывших, доставая из портфеля пачку бумаг и почти швыряя ее своему враждебному близнецу. – Никто не вправе лишать этих несчастных родины! Это попрание их гражданских прав! Оскорбление религиозных чувств! Лишение привычного образа жизни!

Пока один распинался на общем языке, зная, что каждое его слово и жест записываются и сразу же транслируется на новостные каналы, другой, на приличном местном языке, торопливо пояснял аборигенам, что они на их стороне, что их услуги не надо оплачивать, что им вообще ничего не надо делать – можете расходиться и возобновлять свои дикарские дела. Аборигены пока не верили, но с каждой секундой доверия прибавлялось.

– Вы… Да вы что!

Эти слова произнесли не юристы. И не дикари. Их буквально выкрикнула спущенная на руках охранника в экзоскелете девушка, что сердито одернула слишком задравшуюся короткую юбку и замерла в вызывающей позе:

– Вы с ума сошли?! Задумайтесь! Эта транспортная магистраль станет дешевым путем, доступным для каждого социального слоя! Тут несколько ярусов! Вакуумные линии, обычные рельсовые, автомобильные и даже пешеходные! Эта магистраль объединит десяток нищенствующих архипелагов, поможет обеспечить доступной медицинской помощью, резко удешевит стоимость любой доставки! Это не просто магистраль – это дорога жизни! И строится она не ради наживы – это гуманитарный проект мирового уровня! Разве можно быть против?

– Просмотрите бумаги. – сухо улыбнулся посланец Атолла. – Посмотрите на подписи. Если не хотите терять время на анахроничные носители информации – просмотрите электронные

оригиналы, что уже посланы на ваш главный сервер.

– Да плевать! Поясните мне одно – против чего протестуете?! Ведь дорога нужна для всеобщего блага! Да, пара сотен местных жителей потеряет привычные места обитания. И что?! Они могут переселиться выше! Более того – мы можем предоставить им точно такие же плавучие острова! Пусть и дальше плавают по долине!

– Просмотрите бумаги. – повторил юрист и, отвернувшись, зашагал обратно к дрону, уводя с собой спутников. Не оборачиваясь, он крикнул: – Не вздумайте тронуть здесь и куска грязи! Засудим!

– Тот, кто послал вас – враг человечества! – зло прокричала девушка. – Мы пытаемся спасти этот народ! Пусть они не понимают этого – но это так!

Неожиданно остановившись, юрист глянул через плечо и грустно улыбнулся:

– Да. Мы знаем. Это редкий честный проект. Но осуществлен он не будет.

– Да почему?!

– Потому что слишком поздно. Ваш проект… он уже не спасет. А то огромное количество стали, полимеров и прочих ставших столь редкими строительных материалов лучше потратить на нечто куда более важное. Куда более… спасительное…

– На что?! Что может быть важнее воссоединительной транспортной артерии? Дети смогут попасть в школы! Взрослые получат шанс найти достойную работу! Старикам откроется дорога в больницы!

– Поздно. – повторил юрист, все еще помнящий, что прямо сейчас записывается камерами мрачное выражение его лица. – Слишком поздно. И не стоит беспокоиться об этих славных мирных жителях… о них позаботится Атолл! Мы позаботимся о каждом, кто желает жить, а не умереть!

На этой излишне театральной ноте состоялось отбытие.

Ушедший прочь дрон унес с собой посланцев Атолла, оставив на островке его хозяев и незваных гостей – исходящую злобой красотку и крайне задумчиво переглядывающихся юристов.

– Надо что-то делать! – не выдержала молчания девушка.

– А вы видели вот эту и эту подписи, госпожа?

– Да плевать!

– Нет… – улыбнулся юрист постарше, давая отмашку всевидящим глазам корпорационного дирижабля. – На эти подписи никому не плевать в этом мире, госпожа. Мой вам совет – смиритесь.

– Столько сил… столько трат…

– Смиритесь. – повторил юрист, держась за поручень начавшей подниматься платформы. – Мы проиграли.

– Дерьмо… – тоскливо произнесла девушка, повернувшись к далекой гряде, что отгораживала эту мирную долину от наступающего океана. – Дерьмо…

Вытянувшись на подводной балке, я внимательно изучал ее лицо сквозь мерцающую толщу воды. А она красива. Горда, честна и думает о других. Не жилец…

Из гостей я покинул островок последним, уйдя в мутную глубину, когда проигравший эту битву корпорационный дирижабль вновь поднялся в облака и исчез.

* * *

Кроме часовых и бессменной Джоранн у экрана, нашего прибытия никто и не заметил. Чему я был рад. Если после короткого отсутствия тебя встречает радостная и чуть ли не плачущая толпа гоблинов – значит, им тупо нечем заняться. Такое должно быть наказуемо. И я бы наказал. Но не пришлось – ярко освещенная даровыми музейными лампами база была предельно занята. Кто-то до кровавого пота отрабатывал одни и те же приемы, кто-то отстреливал магазин за магазином, кто-то отжимался, кто-то жрал, а кто-то спал, торопясь восполнить запасы энергии. Удовлетворения я не показал, молча приняв доклад от двух недавно назначенных десятников – зверолюда с окрасом барсука и обычного гоблин с харей, украшенной десятками круглых ожогов. Велев им отдыхать, я назначил старшим Рэка, приказав продолжать в том же духе. Каппу и Баска, оставив их в экзах, отправил на первый островок, где их уже заждался новый сброд. Время сортировать мясо.

А я сам…

Чуть постояв на крыше, слепо глядя в шумно дышащую тьму над океаном, я двинулся к самому главному и интересному для меня сейчас месту в этом мире.

Оно находилось в том же коридоре, что и пункт наблюдения. Он уж пункт управления.

А напротив него, в глухой комнатушке-кладовке без окон и с единственной узкой дверью, по моему приказу устроили временный склад для доставленного нами дерьма. Важного дерьма. Путеводного, мать его, дерьма.

В коридоре вдоль стен стоял боевой десяток Рэка в полном облачении и при оружии. Десяток Каппы – хотя там численность

подбиралась уже к двадцати – патрулировал главное музейное здание снаружи. И сейчас они на самом деле охраняли дорогие, странные и в большинстве своем нахрен никому не нужные экспонаты – как в почти каждом из музеев мира. Боевая музейная охрана.

Коротко ответив на дружное приветствие, я заглянул в пункт наблюдения, переглянулся с сидящими у экранов и за столами гоблинами, что подскочили при моем появлении. Переведя взгляд на Джоранн, я проворчал:

– Слишком у них умные и скучные рожи.

– А похер. – мило улыбнулась рыжая кобылка, оглядев своих тощих подчиненных, которых вполне можно было назвать ее личным десятком яйцеголовых. – Мне с ними не сношаться. Продолжайте записывать наблюдения, мясо!

Подскочившие гоблины тут же плюхнули жопы на стулья и вернулись к лежащим перед ними заметкам. Мне хватило нескольких минут, чтобы понять – каждому из гоблинов Джоранн доверила по одному-два маленьких экрана и заставила фиксировать на бумаге все, что они считают важным. Логично. Но… это не бойцы. Вернувшись в коридор, поинтересовался у смутно знакомого куска мяса с винтовкой за плечом:

– Эти, – я ткнул большим пальцем через плечо. – Рвут жопы на тренировках?

– Никак нет, лид! Полируют жопами мягкие кресла! Жрут тут же! Спят в соседних комнатах! Личное звено офицера Джоранн!

– Офицера Джоранн?

– Так точно, лид.

– Ладно. – кивнул я. – Ла-а-а-адно… Скажи, гоблин… ты бы хотел быть таким, как они? Только отвечай, как есть. Хотел бы сытно жрать, охрененно спать и ни хера не делать, кроме как пялиться в экран, поглядывать на аппетитную жопу офицера Джоранн и тайком теребить мясной отросток под столом… хотел бы?

– Ну…

– Говори, как есть.

– А можно? – шумно сглотнул детина.

Скривившись, я отступил и рявкнул в сторону пункта наблюдения:

– Джоранн! Чтобы уже через час половина твоих отсосов и лизунов отжималась от плаца в поте лица и жопы!

Не дожидаясь ответа, я толкнул ничем не примечательную дверь и оказался в небольшом помещении. У косяка, уложив дробовик на скрещенные ноги, позевывал Рокс, баюкая в свободной руке кружку, пахнущую кофе, сахаром и самогоном.

– Лид…

– Как дела, старик?

– Ну… дерьмо это все невероятное.

– Ага, – кивнул я, опускаясь на корточки перед разложенными в ряд трепыхающимися трофеями. – Дерьмо невероятное… И вот этот хлам является путеводным лучом, ведущим в Мир Монстров? Охренеть… знаешь… я сегодня задумался… а может, ему лучше сдохнуть?

– Кому?

– Всему. Всему этому гребанному извращенному никчемному мирку… Как ты сам считаешь, Рокс? Есть шанс все исправить?

– Исправить что? – осторожно спросил старик. – И не слишком ли круто ты забираешь, командир? Этот мир не так уж и плох…

– Да ладно? Ты проделал со мной только часть пути, Рокс. Но ведь до этого ты годы прожил в сраном Угольке, сражаясь в гребаном Зомбилэнде. Ты годами убивал обычных зараженных гоблинов. Ты видел тех, кто приходил в Уголек только за славой и баблом. Вот и расскажи мне, старик, … скольких из встреченных тобой гоблинов ты считаешь достойными спасения?

– К-хм… все же круто ты забираешь, командир.

– Вот я и подумал… – помассировав виски, я задумчиво глянул на старика, втянул ноздрями запах кофе и самогона.

– Подумал о чем?

– А что, если мы всех убьем? – буднично спросил я.

– Кого всех?

– Да всех подряд! Ну может, только добровольно низших частично оставим, перед этим проредив их поголовье хорошенько. А остальных – под корень! Даже бесполезных добросов – в жопу их!

– Ох ты ж…

– Задача, конечно, не из легких. Но вполне выполнимая при наличии достаточного количества обученного мяса, тяжелой боевой техники и прочих мелочей. И под такое дело всегда легко подвести нужную мотивацию. Вложить в уши и головы солдат мысль, что мы очищаем скверну и все это ради будущего светлого доброго мира…

– Командир… ты пьян?

– К сожалению, трезв. Угостишь из бокала?

– Допивай. А я еще плесну из термоса. Оди… знаешь… скажи мне такое кто другой – я бы просто посмеялся. Но когда такое говоришь ты… я верю, что ты можешь это провернуть. И поэтому… прекрати. Не надо, ладно?

– Не надо что? – рассмеялся я, поверх кружки глядя на

трофеи. – Не надо желать населяющим этот мир гнидам смерти?

– Да. Не надо.

– Ты понимаешь, что мы живем в искусственном мирке? Ты понимаешь, что ресурсы этого мира ограничены?

– Понимаю.

– Ты слышал о холодном сне? О тысячах гоблинов, спящих и ждущих своего пробуждения?

– Все слышали. Холодильники Матери полным-полнехоньки свежим и тухлым мясом.

– Так что тогда мы теряем? Сколько тут ныне живущих? Сто тысяч? Двести? Четверть миллиона? А скорей всего, если считать тех и тех, то наберется и миллион.

– Это живые люди…

– Это злобные низшие гоблины, что трахают беспомощных червей. Это гномы, что приносят кровавые жертвоприношения и чуть ли не сношаются с плуксами. Это высшие, что вообще нихрена не делают, но при этом получают от жизни все. Это ублюдочные герои, что просто наслаждаются своим статусом и предпочитают не рисковать жизнями. Это добросы, что жрут, срут…

– Добросы-то тебе чем не угодили?! Плохого не делают! Просто живут!

– Просто живут. Ага. Дышат воздухом, ловят рыбу, охотятся, срут… от них нет пользы, Рокс! Они не пытаются сделать этот мир лучше! Даже низшие гоблины делают что-то полезное! Пусть вынужденно – но делают! Чистят слизь, скребут стены, прочищают трубы и стенные закоулки, уничтожают плуксов. Они что-то делают! Хотя и их всех можно завалить нахрен – все равно найдется замена. Всех под корень! И в землю – на удобрение!

– Охренеть! А олени делают что-нибудь полезное? А белки? А форель? Они тоже просто живут!

– Но мы – не олени! – рыкнул я. – Мы, сука, не олени! К тому же от оленей природе сплошная польза. Жрут листочки, удобряют землю, кормят собой волков…

– Прекрати, Оди… прекрати. Я постарше тебя буду. Прислушайся к моим словам и запомни их – люди просто хотят жить. Понимаешь? Они не желают никому вреда. Они тихо и спокойно живут, наслаждаясь каждым отпущенным им днем. Их не за что убивать. Согласен, что есть ублюдки, которые разрушают этот мир – вот их надо шлепнуть. Я первым нажму на спуск дробовика. Но нельзя же валить всех подряд! Тут нужна избирательность.

– То есть ты будешь судьей?

– Да нет…

– Будешь решать, кто достоин жить, а кто нет?

– Опять я тебя не понимаю.

– Убить всех без разбора – это честно и быстро. А если начать решать кому жить, а кому умереть – это назначение себя на роль бога. Потянешь эту роль? Сможешь быть беспристрастным высшим судией?

– Да ну тебя…

– Тут нечего решать. Среди нас и вокруг нас на самом деле есть лишь один, кто достоин жизни. Лишь один, ради которого мы все – и хорошие и плохие – должны быть готовы умереть. Все ради спасения его одного!

– И кто же это?

– Мир. – ответил я, возвращая пустую кружку. – Этот искусственный мир вокруг нас, что заживо разлагается на наших глазах. Вот кто должен выжить. Мир! Мы все – просто гоблины. С нашей смертью ход событий не остановится. Другие гоблины продолжат коптить небо и забудут о тебе, каким бы важным и крутым ты ни был при жизни. А вот если погибнет этот мир… нам всем конец, Рокс. Мы просто сдохнем в жуткой агонии.

– Опять ты круто загибаешь…

– Это не крутой загиб. Это правда. Мир может прожить без нас. А вот мы без него – нет. И этим все сказано. Этим все приоритеты расставлены.

– И поэтому нам надо сдохнуть?

– Надо. – кивнул я. – Тотальное вымирание. А затем, когда мир станет чище, когда природа восстановится, а ресурсы пополнятся… вот тогда можно снова открывать холодильники и выпускать свежую партию ничего не помнящих и нихрена не понимающих придурков. А может, так уже случалось однажды? Ну что, Рокс? Убьем всех?

– Ну тебя нахер! Успокойся ты уже!

– Ладно, старик… начнем тестирование?

– Ты про стремных зверушек?

– Про них.

– Хрень невероятная. – поморщился Рок, изучая наши трофеи неприязненным взглядом. – Знаешь… даже наш тупоголовый Рэк задумался.

– О чем?

– О жене Доуса. Если, говорит, эти твари ведут к Миру Монстров… то куда может отвести резиновая женушка старого сурвера? Не в бордель ли небесный, где нетронутые хером валькирии наливают вино и подставляют сиськи – жмакай, гоблин, жмакай!

– В жопу бордель. Что со зверушками?

– Оленя видишь?

– Ну?

– У него рога светиться начали. А между ними, прямо на макушке, так сказать, тоже что-то замигало золотым. Редко мигает – где-то раз в пять минут. Я это к чему – раньше не мигало и не светилось.

– Давно началось?

– На корабле первый раз заметил. Я так думаю, что в Зомбилэнде главная их функция была отрублена за ненадобностью. Смекаешь? Это тут они путеводные звери, а там… просто игрушки сидельцев.

– Только у оленя?

– У русалки засветились зеленым глаза. Раз в десять минут свечение и между чешуйками хвоста появляется. Почему так редко? Потому что русалка ведь тварь водная, верно? Сунуть ее жопой хвостатой в воду – и посмотреть, что будет. У совы – тоже буркала засветились. Остальные щелкают, ухают, грюкают…

– И как нам это поможет?

– Для начала нажмем оленю промеж рогов?

– А давай. – хмыкнул я, вставая и делая один шаг.

Механическое существо доверчиво приподняло рогатую величественную голову. Зажав один из светящих рогов в лапе, другой я ткнул в мигающее на макушке место. Под пальцами что-то щелкнуло. Глаза оленя вспыхнули золотым огнем и… выплюнули из себя отчетливо видимый золотистый световой луч, что уперся в стену. Надавив на рога, я заставил зверя отвернуть голову. Стоило мне разжать хватку, как олень, с коротким горловым звуком повернул башку и снова навел световой луч в то же самое место.

– Все просто. – буркнул я, потягиваясь. – Все просто…

– Что дальше?

– Выдвигаемся через пять часов. – ответил я. – Подготовь стальные контейнеры. Чтобы надежно спрятать всех этих тварей и нашего зомби-рыцаря. Все багги и платформы – на твоей ответственности, старик. Ты сам-то готов?

– К чему?

– К этому сраному Миру Монстров?

– Я с тобой, Оди. Через пять часов?

– Да.

– Что ж… посмотрим, куда приведут нас эти твари… Сурверов берешь?

– Нет. – над ответом я даже не задумался. – Они свое отвоевали и отсидели. Обеспечить им нормальные условия на базе. Не стеснять передвижение. Захотят уйти – пусть уходят.

– Да куда им идти? Боятся они.

– Системы?

– Угу. Она может и схватить блудных сурверов. А затем доставить обратно или запихнуть в холодильник.

– Им решать. – дернул я плечом. – Мы им не няньки. Поторопись, Рокс. Через пять часов отбываем.

– Есть, командир.

Выйдя из кладовки, я зашагал по коридору, направляясь на плац. За эти пять часов надо успеть многое. Мы должны предусмотреть каждую мелочь – если все выгорит, и мы попадем на путь к Миру Монстров, может статься, что там негде будет пополнить боезапас и медикаменты. Мы должны быть готовы к любой ситуации.

Глава четвертая

– Ожидаемо. – буркнул я, сквозь забрало экза глядя на место, куда привели нас путеводные звери.

Руины.

Некогда это было что-то вроде овального павильона с островерхой крышей. Сейчас же кирпичные стены начали разваливаться, крыша провалилась, все заросло кустарником и уже взрослыми деревьями. Три золотых луча указывали точно на это место. Прямо в центр руин.

– Очистить здесь все! – рявкнул я, с лязгом выдвигая из руки лезвие. – Вперед!

Коротким взмахом, я перерубил ствол березы у самой земли, отшвырнул завалившееся дерево и шагнул дальше. Бойцы не отставали, быстро уничтожая заросли и обнажая старую кирпичную кладку. Стоило упасть десятку деревьев, золотистые лучи тут же скрестились на небольшом каменном возвышении посреди руин. А еще через секунду по едва видимому мозаичному полу пробежала череда огоньков, что вычертили прямоугольник.

– А вот и лифт! – крикнула рядовой боец Кассандра. – Вот черт… аж мурашки!

– В жопу твои мурашки, боец! – рявкнул Рэк, делая замах топором. – Продолжай рубить!

Азарт и сила быстро сделали свое дело – роща перестала существовать. Снова мы уничтожаем. Снова это вынужденная мера. И снова мысль в голове – а может, вообще ничего не делать? Просто засесть на базе и провести десяток лет в блаженном безделье. Просто жрать, срать, нещадно тренировать избранных бойцов, тренироваться самому, выполнять пустые редкие задания… и наблюдать за тем, как умирает мир. Пусть тупые гоблины сделают все сами. Пусть они в очередной раз совершат массовое самоубийство, пусть опять подпилят ветвь, на которой сидят. И вот когда начнется убойный веселый аттракцион «Выживи, кто сможет» … вот тогда я и вступлю в дело…

Тряхнув башкой, отогнал ненужные сейчас мысли и сквозь раздавшиеся линии успевших вспотеть бойцов, шагнул вперед, убирая ручное лезвие. Тяжело ступив на мозаичный пол, что изображал битву кого-то с кем-то, я без малейших колебаний перешагнул светящийся контур и замер посреди того, что должно быть лифтом.

Что дальше?

Надеюсь, что ничего кроме сухого запроса интерфейса и

последующего опускания вниз. О численности можно не беспокоиться – судя по всему, тут помимо объема самой платформы, предусмотрен еще какой-нибудь ограничитель вроде весового контроля. Обмануть не получится. Но нам и не придется – мы притащили сюда не одного, а сразу целую кучу путеводных зверей. Возможно, не всем удастся пройти, кто-то останется за бортом и вернется на базу, но ядро отряда я протащить сумею на ту сторону.

Ту сторону…

Еще одно дерьмовое название для дерьмового места.

– Ну? – не выдержал я. – Долго рожать будете?!

Пространство будто только этого и ждало. Приглашения грузиться не последовало, толпа гоблинов продолжала нетерпеливо переминаться у светящейся границы, зато случилось кое-что другое – передо мной с яркой радужной вспышкой возникла светящаяся фигура. Голограмма. Я уставился в усатое лицо рыцаря в серебряных доспехах и с алым развевающимся плащом за плечами. Его фигура рябила, временами пропадала и постоянно дрожала. Оно и понятно – сколько лет здешней технике? И как долго она без присмотра? К тому же пара проекторов – или как там эти штуки называются? – должна была быть установлена на провалившемся ныне потолке. Но фигура рыцаря все еще могла внушить какое-то уважение деревенским простофилям своим блеском.

– Герои! – оглушительно вскричал рыцарь, вскидывая бронированные лапы к проваленному потолку – О! Я чую это всей своей душой! Предо мной стоят настоящие герои! Великие! Бесстрашные! Всегда готовые прийти на помощь страждущим! Всегда…

Это какая-то запись… или что-то интерактивное…

– … я приветствую вас в этой обители, которую впору назвать бухтой покоя. Но помните! Там дальше, за моей спиной, вас будут ждать настоящие приключения! Опасные! Смертельно опасные! Вам придется преодолеть очень многое и…

– ЗАТКНИСЬ! – не выдержал я этого потока искусственной патоки. – Открывай!

Запнувшись на полуслове, рыцарь постоял в нелепой позе пару секунд и, будто заевшая пластинка, качнувшись, с треском и шипением динамиков переключился на шаг вперед:

– Пусть те, кто считает себя достаточно смелым сделают шаг вперед и пересекут светящуюся линию. Но повезет не всем! Я, рыцарь Ахнаноториус Алый, не могу пропустить слишком многих в опаснейший Мир Монстров… смиритесь с этим. Вы сможете попытать счастья в следующий раз…

– Техника. – велел я, отступая в сторону. В этот же момент погасли все золотые лучи, кроме одного – испускаемого глазами золоторогого оленя. Принцип ясен – нас будут пропускать партиями, чей размер зависит исключительно от «способностей» путеводных зверей.

Расступились и гоблины, пропуская сквозь себя тихо порыкивающую первую багги, что тащила за собой платформу с Гиппо и остальными экзами. Следом за ними шла вторая машина – закопченная, продырявленная, воняющая копотью, но уже способная передвигаться и тащить за собой платформу поменьше, загруженную нашими припасами. Слишком большой обоз с собой взять не получится. Но это и к лучшему. В припасах я осознанно пошел на перекос, почти не взяв воды и еды, вместо них загрузив батареи, боеприпасы, медикаменты и прочее. Если в том Мире Монстров как-то умудряются находить себе жратву – найдем ее и мы. А не найдем так отберем. Машины заняли собой все доступное пространство.

– Ядро. – скомандовал я, и через линию переступили те, кто прошел с нами уже немалое расстояние и побывал в нескольких стычках. Те, в ком были уверены мои десятники.

Черту перешагнуло семеро, и рыцарь тут же ожил, рубанув фантомной рукой воздух:

– На этом будет! Первый геройский отряд! Готовы ли вы к спуску?! Подумайте трижды!

Голограмма замерла, мне в грудь уперся зеленый луч, в воздухе появился дрожащий и крутящийся вопросительный знак. По какому принципу этот древний обломок технологий понял, что я главный? Есть связь с основной системой? Или компьютер решил, что я главный, лишь потому что я первый переступил светящуюся границу?

Ответов мне не дадут. Поэтому я просто глянул на оставшегося за чертой Каппу, мечник коротко кивнул, и я перевел взгляд на порожденного техникой призрачного рыцаря:

– Готовы.

– Я предлагаю подумать вам еще немного, герои. Ведь путь назад будет отрезан для…

– Готовы!

– Тогда в добрый путь! Убивайте кошмарных монстров! Выживайте! Наслаждайтесь приключениями! Это настоящая жизнь! Это…

Пол задрожал, по мозаике заплясали куски кирпичей и штукатурки. Из пола вылезли частые изогнутые прутья, что сплелись вверху, заключая нас в подобие огромной птичьей клетки – причем клетки двойной. Защита от безбилетников? Еще

миг… и мы провалились вниз, словив мимолетное ощущение невесомости. Внутренняя клетка отправилась вместе с нами. Внешняя продолжила закрывать провал решетчатым куполом. Мимо нас, вдоль стены, в вертикальном положении поднималась вторая платформа – узнал ее по чистенькой мозаике. Все произошло очень быстро – вторая платформа повернулась и поднялась, закрывая дыру. Темно не стало – контурные огни загорелись ярче, и мы мчались вниз в призрачном синеватом свете.

– Вот дерьмо… – пробурчал Рэк, сидящий на краю платформы. – Там сразу бой, командир?

– А хрен его знает. – качнул я головой. – Старые правила не действуют. Там давно живут по своим придуманным законам. Так что встретить нас может кто и что угодно. Слышали, гоблины? Готовьтесь к худшему!

Ответом стал лязг и щелканье проверяемого оружия. А мы продолжали спускаться. Но это уже не было отвесным контролируемым падением. Лифтовая шахта чуть отклонилась в сторону, что было видно по ее монолитным стальным стенам. Сколько же труда сюда вбухано?

Еще через пару минут спуск прекратился, и мы двинулись в горизонтальном направлении, следуя узкому и такому до боли знакомому стальному коридору-кишке. Явно специально продвижение замедлилось. Не иначе, чтобы создать иллюзию невероятно долгого пути. В передней части несущей нас платформы вспыхнуло знакомое пламя голограммы. Но на этот раз это был не рыцарь. Перед нами возникло два фантома – старик в многократно пробитых кожаных доспехах, со стальным тяжелым шлемом на седой голове. И старуха в темной траурной одежды, голова обернута серым платком с черной каймой. Оба сидели на толстом бревне, что как бы лежало на краю платформы. Оба глядели на нас с тревогой и состраданием. Старуха начала первой:

– Однажды и мой герой ушел на подвиги… обещал вернуться с победой… но сложил голову в битве с ужасной многоногой тварью.

– Они разумны! – хрипло вставил старик – Уж поверьте, юнцы! Я знаю! Эти твари разумны! Хитры! Коварны! Действуют умно и быстро! Они живо вспорют вам кишки! Выпустят их наружу!

– Мой герой был так неосторожен… мне нечего было хоронить – его сожрали целиком. Проглотили, как мне рассказали. Он был еще жив, когда исчезал в склизкой пасти гигантской бурой сколопендры… говорят, он погиб с честью…

даже проглатываемый, он продолжал колотить кинжалом эту тварь! Но… был проглочен. Не повторите его судьбу! Будьте осторожней, герои! Ведь жизнь всего одна!

– Помню, как я вонзил топор в брюхо перевернувшегося монстра-жука. Мой товарищ приставил дробовик под шипастые челюсти и… ох как хороша картечь по уязвимым местам! Ох как отлетела уродливая голова той твари! Как мы смеялись, прыгая на ее корчащемся безголовом теле! Были же славные деньки!

– Весело ныне живущим. – прошамкала старуха, неодобрительно покосившись на смакующего былые боевые деньки старика. – Горько осиротевшим… Нет радости тем, кто был сожран…

Перестав слушать этот бред – хотя многих заворожило – взобрался на платформу, вытянув шнур, подрубил экз к установленным на платформу батареям. Мой собственный ресурс почти полон, но, когда речь о энергии для боевых систем, такое понятие как «почти полон» меня не устраивает. Длина шнура позволила добраться до багги и усесться на ее багажнике, предварительно согнав оттуда шустрого гоблина. Глянув на меня, Рокс продолжил слушать голографических фантомов и судя по морщинистому мрачному лицу, его их речи зацепили. Старик снова переживал гибель своего сквада в Зомбилэнде. Что ж… пусть слушает дальше. Пусть слушают и остальные. Если это заставит гоблинов быть осмотрительней… пусть слушают.

Заметив впереди свет, исходящий от одной из стен, я чуть повернулся и, когда мы поехали мимо источника, без особого удивления увидел большое стекло, а за ним знакомые металлические лавки и кресла. Еще один гномий аквариум. Наша платформа резко замедлилась, мы тащились как черепахи. И это позволило нам во всех подробностях рассмотреть происходящее прямо перед стеклом. Там трахались. Прижав стройную и почти сплошь татуированную светловолосую девку к стеклу, ее обрабатывал сзади поросший темной шерстью невысокий крепыш. Звуков не доносилось, но они оба явно что-то орали. Утопая в страсти, нас заметили не сразу. Первой изумленно распахнула глаза девка. Ошарашенно заскользила по стеклу в сторону – ноги подкосились от неожиданности. Крепыш легко удержал ее, пару раз мощно толкнулся, закинул башку и… увидел нас. Бросив партнершу, что шлепнулась на пол, он отскочил, прыгнул к барахлу на полу и подскочил уже с топором и дробовиком. Я вскинул винтовку, наводя ее на гнома. Крепыш шарахнулся в сторону и нажал на спуск. Сноп картечи пришелся в спину поднявшейся девки, вырубив из ее правого бока нехилый кусок – вместе с печенью. Беззвучно заорав, она снова рухнула и

забилась, по стеклу стекала кровавая густота, орущий гном продолжал палить, мой оттопыренный средний палец насмешливо указывал на стрелка. Успевший взобраться на багги Рэк показывал гному другой жест – презрительно ухмыляясь, он тыкал в стекло сложенной щепотью из указательного и большого пальца, намекая на крохотные размеры гномьего хера. Так мы и укатили. Несмотря на эту веселую сценку с повидлом из крови и печени на стекле, я успел заметить кое-что важное – в углу аквариума красовалась аккуратная такая стальная заплата. Это либо заделанная сваркой дыра… либо люк, закрытый с той стороны. Гномы пробились в коридор, ведущий к Миру Монстров? Может, и так. На их месте я бы так и поступил.

Откинув забрало, я щелкнул системным передатчиком.

– Каппа. Проверка связи.

– Слышу, лид.

– Статус?

– Движемся. Платформа. Идем за вами – видим ваши огни вдалеке. За нами еще платформа.

– Принято. Впереди, по правой стороне, аквариум гномов. Возможно, у них там люк. Держитесь наготове.

– Есть.

– Передай остальным.

– Принято.

Мне бы спрыгнуть и пробежаться по коридору назад. Но клетка вокруг платформы не позволяет. Срезать ее вполне реально, но вдруг это приведет к остановке платформы или откату ее назад? Нахрен такой исход.

– Лид… – ко мне сунулся Рэк. – Ты знал, что тот урод пристрелит сисястую, когда винтовкой дернул? Все просчитал?

– Ну что ты, – буркнул я. – Даже и не думал о таком…

– Хе-хе. – дребезжаще рассмеялся Рокс и снова обратил внимание на продолжающего бубнить фантомного старика:

– Тварей надо мочить! Мочить безжалостно! – наставлял дедуля, снявший тяжелый шлем. – И никаких с ними договоров и пактов! Это же монстры! Давить их! Кромсать! И наслаждаться, глядя на вытекающий из-под стальной подошвы их вонючий мясной сок! Вот это и есть жизнь настоящих героев!..

* * *

Под конец пути начавшая скрипеть платформа доставила нас на… морковную плантацию.

Хотя саму плантацию мы увидели не сразу – когда платформа

вынесла нас из стены и по тонкому изогнутому рельсу понесла вниз по нисходящей дуге, мы изумленно уставились пусть на низкое, но все же небо. Из-за вибрации рельса, что отдавалась по редким крепящим его потолочным конструкциям, сверху дождем сыпались голубые лохмы краски. Блестящие «дыры» небосвода становились все шире.

– Небо у меня в ладонях. – завороженно вякнул кто-то за платформой. – Небо у меня в ладонях! Сохраню… как талисман… небеса прямо на моих грязных ладонях…

– Фальшивые небеса не подарят рая, гоблин, – проворчал я машинально, стоя на краю все еще движущейся платформы и недовольно морщась, когда особенно крупные пласты слезающей голубой краски перекрывали видимость.

До земли – именно до земли, под нами бережно возделанная почва, утыканная яркими однотипными табличками, изображающими оранжевый корнеплод с веселой зеленой ботвой – двадцать семь с половиной метров. Двадцать шесть метров… двадцать пять и пять… дальномер шлема старательно доказывал полезность своего существования. Мы плавно снижались, но финиш обещал быть хреновым – впереди рельс заканчивался. Его изогнутое окончание было бодро задрано вверх. Кто-то очень сильный и большой оторвал нижний кусок эстакады и уволок.

Как поступит умная автоматика платформы? Не совсем же тупая эта техника, даже с учетом того, что о ней никто не заботился долгие годы.

Автоматика не подвела. Не добежав до конца рельса двух метров, платформа остановилась, прутья окружающей нас клетки ушли внутрь, тревожно замигали по контуру красные аварийные огни. Мы паники не выразили – до земли всего ничего. Несколько метров. Единственная проблема – багги. Но при наличии экзов и Гиппо нам не составит особого труда аккуратно спустить машины и грузовые платформы.

Несколько приказов – и вниз рухнули экзы. Приземлившись, я бодро рванул к ближайшему холму, что находился в пяти десятках метрах. Не знаю почему, но бежал я так, чтобы не топтать эти… посевы. Разве морковка бывает такой огромной, мать ее? Ботва поднимается на два метра от земли. Бурая почва липнет к стальным подошвам. Приходится прилагать усилия, чтобы не рухнуть. Сам холм тоже был усажен растениями – тут колыхались какие-то смутно знакомые кусты. На вершине небольшая аккуратная площадка из камней и толстых досок. Имеется и навес, поросший свисающей зеленью. Шагнув на застонавший деревянный пол, я опустил на колено и замер, медленно оглядывая раскинувшуюся передо мной панораму. За

моей спиной суетливо разгружали платформу, но на них я внимания не обращал.

Где мы?

Кто здесь?

Поля, поля, поля… рощицы.

Передо мной на километры расстилался холмистый ландшафт. Все холмы – не больше, чем оплывшие земляные бугры одинаковой высоты. Это не может быть случайностью – тут заметна целенаправленная усердная работа. Тут трудились, выплевывая кровь изо ртов и жоп. И свидетельством этому вон те невероятные инструменты сельского назначения – холм оказался частично полым внутри и служил складом. Сквозь доски площадки я видел огромные плуги, какие-то странные шипастые цилиндры, мотки толстых лохматых веревок, какое-то подобие гигантских размеров упряжи, чуток ржавых тросов. На стенах висели самодельные лопаты, рядышком замерли косы, а вон там целая череда серпов.

Да… в эти земли был влит океан адского труда.

И судя по инструментам и приспособлением, машинным трудом тут и не пахнет – все вручную.

А если глянуть попристальней на упряжь, то становится ясно, что плуги за собой тягают не лошади и не быки.

Примерно в километре из дыры в стальной облезшей стене вырывается не слишком тугой водный поток. В брызгах он падает вниз, пополняя видимое с моей позиции усаженное деревьями озерцо, от которого отходят десятки аккуратных каналов, что по большей части сейчас перекрыты заслонками.

Морковка…

Нет. Тут не только она. Я вижу как минимум еще четыре различных вида растений. Учитывая тусклость здешнего освещения, вообще удивительно, что тут можно возделывать культуры. Да и температура за бортом экза… датчик показывает, что снаружи плюс шестнадцать по Цельсию. Легкий порывистый ветер. Короче… это далеко не идеальная погода для взращивания овощей. А что здесь бывает по ночам? Как холодно? Или здешнее солнце не гаснет?

– Лид. – пробежав за мной все расстояние, притащив огромный рюкзак, неся на себе снаряжение и вооружение, орк не сбил дыхание и, похоже, даже не заметил этой мимолетной нагрузки.

– Что?

– Что за траханые кролики тут обитают? Морковка – во! – в лапах орка показался здоровенный буро-красно-оранжевый корнеплод длиной в метр с небольшим. – Охренеть! Но это хрен с

ним… ты видел тот след?

– Видел. – подтвердил я. – Череда следов. По той же дорожке, что мы сюда притопали, недавно проползла какая-то многоногая тварь. Какие выводы, орк?

– Эта тварь жрет морковку и белых кроликов?

– Почему белых? – удивленно моргнул я.

Рэк молча развел лапами, покрутил башкой в стальной шлеме, с подозрением озираясь по сторонам:

– Хрен его знает, почему белых… в голову просто пришло. Командир… я тут себя чувствую, как дома. Будто мы вернулись.

– На гоблинскую Окраину нижнего мира?

– В точку. Ощущения точно такие же. Мы снова в жопе, лид.

– Не мы. – ответил я, продолжая изучать местность. – Не мы. А здешние обитатели. Та тварь, что проползла по здесь… она не тронула посевов. А там, где повернула дорожка, огибая сектор поля – свернула и тварь, не повредив ни единого росточка. И уползла она вон туда. – подняв руку, я указал на два засаженных растениями дальних холма, в пространстве между которыми тянулась довольно широкая грунтовая дорога.

Дорога даже не совсем грунтовая – в почве виднелись плотно уложенные камни. Это не брусчатка, конечно. Скорее, в грязь вывалили немало тонн каменного крошева и потом все это дерьмо укатали, пытаясь превратить в монолитную массу. Разумно в тех случаях, когда нет другого материала и технологий.

– Затерянный мир умных нищебродов. – вырвалось у меня. – Мир хитрых, живучих, не желающих подыхать нищебродов. Таких, что умеют из говна сделать сразу две конфетки. Одну сами сожрут, а другую припрячут на черный день.

– А это у них не черный день? – заржал орк, сквозь доски площадки глядя на примитивные орудия труда под нами. – А дорога какая? Песок с камнями замешан на дерьме и укатан жопами. С потолка небо сыплется на головы… Хотя… все лучше, чем на Окраине, наверное… можно пахать на полях, что-нибудь выращивать… есть природа какая-никакая. И небо пусть частично, но все же голубое… а вон пара уцелевших намалеванных облачков… Да и хрен с ними! Всех наших сюда тащить, командир?

– К холму. – кивнул я. – Расположить так, чтобы туша холма скрыла нас при взгляде вон с того расстояния. На холм пару надежных дозорных. Пусть залягут, накроются какой-нибудь ветошью и затихнут. Все как на учениях.

– Принято. Еще что?

– Тигров и Каппу ко мне. Останься здесь и проконтролируй

все. Особо приглядывай за той дырой, откуда мы вывалились – за нами могут пожаловать сраные гномы.

– Есть.

Рэк умотал, а я, посидев на вершине холма еще пару минут и поняв, что с этой позиции не угляжу ничего нового, спустился и, прикрываясь морковной рощей, зашагал вдоль поля к дороге. Ботва… не выглядела слишком уж пышной и зеленой. Скорее, чуток пожухлой, пожелтелой и явно иссохшей. Растениям не хватало воды. Учитывая перекрытые заслонками каналы, что отходят от озерца, воды здесь явно нехватка, и приходится сурово дозировать дающую жизнь влагу.

Тяжело лязгнуло. А следом столь же тяжко грохнуло и заскрипело. Одного взгляда через плечо хватило, чтобы понять – оборванный рельс не выдержал. Лопнуло несколько тросов, подкосились опоры, и он упал, унеся с собой уже опустевшие платформы. Следующим, кто пожалует сюда за нами, придется спускаться уже с пятидесяти шестиметровой высоты – дальномер и здесь услужливо все подсказал с холодной злорадностью машины. Пусть назад для нас отрезан – и не из-за падения. Дыра в стене закрылась, и теперь рельс выходил из сплошной стальной поверхности. Что ж – одной головной болью меньше. Этим путем гномы не пожалуют – разве что с помощью сварочных резаков. Но… не думаю, что они вообще могли сюда пожаловать – эта тропка явно нехожена.

А главная причина моей уверенности – рейды здешних обитателей за «свининкой» в верхний мир. Если бы у них были налажены достаточно теплые торговые отношения с гномами, им бы не пришлось устраивать подобные рейды. Зачем? Проще чем-то заплатить. Гномы не откажутся от нескольких тонн моркови и прочих овощей, а взамен с радостью пригонят стадо визгливых низших гоблинов.

Заметив слишком уж округлый небольшой холм, я чуть подправил направление движения и вскоре оказался рядом. Ну да… как и следовало ожидать – поросшая буйной растительностью здесь на земле покоилась здоровенная системная полусфера наблюдения. С легкостью вырвав несколько особо толстых побегов, я обнажил знакомую тусклую сталь и несколько наглухо закрытых заслонками технических отверстий. Тут должны быть не заслонки, а визоры машинных глаз и меткие оружейные стволы. Но полусфера мертва. Стукнув стальным кулаком по ее металлу, я без особой надежды рявкнул:

– Система! Герой Оди на связи! Задание «Дикая эволюция». Высший приоритет!

Замер в ожидании… но погребенная под паутиной ветвей

полусфера не отзывалась. Дерьмо… как достучаться до машины, которая игнорирует само существование этого гребанного мирка монстров?

А это что?

В паре шагов обнаружилась заботливо очищенная от листвы небольшая площадка. Даже не площадка, а сложенное из камней возвышение. На нем пучки засохших цветов, горстка каких-то семян, пара костей и три гоблинских черепа. Придавленные камнем куски пластика. Подняв камень, перебрал эти пластиковые лоскутки, что оказались то ли записками, то ли молитвами, адресованными все тому же здешнему божеству – системе.

«Мамочка проснись! Проснись и спаси нас!»

«Мы тоже люди! Мы тоже дышим! Мы тоже живы! Вспомни о нас, умоляем!»

«Мать! Полюби нас снова! Мы готовы и дальше умирать ради тебя!»

«Пусть придут герои! Пусть убьют нас! Может тогда ты сжалишься над нами!»

«Мама… мы все равно любим тебя, мама!» …

– Пусть придут герои. – пробормотал я, пуская эту слезливую хрень по ветру. – Ну… вот, сука, и сбылись ваши молитвы…

– Лид… – подбежавшая первой, скалящаяся Тигрелла любовалась своим отражением в забрале моего экза. – Кис-кис-кис меня сладко… до чего же хороша киса…

– Сбегайте до того озерца. – велел я кошкам, а сам вместе с примкнувшим Каппой двинулся по дороге, затаптывая следы многоногой твари.

– Сбегаем. – уже в движении произнес Тигр. – Рушить там все?

– Просто осмотреть. Пока ничего не ломать.

– На что внимание?

– Чистота воды, есть ли рыба и прочая живность. Сколько там воды вообще. И давайте живей. Если кого встретите из местных – тащите сюда.

– Есть!

Они умчались, а я повернулся к мечнику:

– Огорчи меня.

– Две багги, две платформы. Экзы и все к ним с нами. Вторая обозная платформа также успешно спущена. Все в целости. Личный состав включая всех – пятьдесят пять рыл.

– Мало, – поморщился я. – Прямо хреново мало. Остальные двинулись обратно на базу?

– Так точно. Но одно звено, вместе с передатчиком, оставил у

руин – пусть посидят у костерка сутки.

– Разумно. – кивнул я. – Вдруг да придет кто любопытный по нашим следам.

– Да. – подтвердил азиат и, не дожидаясь моих вопросов, добавил: – Сюда передатчики не добивают. Мы отрезаны от базы.

– Тоже ожидаемо. Что с путеводными зверьми?

– Отключились. Лежат на платформе мертвым грузом. Но под конец они неожиданно заговорили певучими голосами – наши едва не пристрелили их с перепугу. Каждая игрушка произнесла одно и то же послание. Странное послание…

– Огорчи меня еще.

– К-хм…

– Говори.

– Каждая игрушка заявила, что для восполнения волшебных сил она должна пробыть в Мире Монстров не менее трех суток. Только затем у нее появятся силы, чтобы вернуть героев назад, а позднее привести сюда новых смельчаков.

– Обычный таймер…

– Да, лид. Что-то вроде технической паузы… – Каппа развел руками. – Странно и непривычно. Волшебные силы, говорящие звери, золотые лучи… все прямо как…

– Как в какой-то сраной компьютерной игре. – кивнул я. – Да. Это все древнее наследие от взрослых мудаков, что возомнили себя настоящими героями и нашли на свою жопу настоящих драконов. Вернее, вырастили их. Тех героев больше нет, а вот голодные драконы остались и начали наведываться наверх за вкусной свининкой… Дерьмо! Давай дальше, Каппа.

– Техника собрана за холмом. Орк приглядывает. Какие приказы, командир?

– Идем неспешно дальше. – буркнул я. – Переведи экза на экономрежим. Слушай, Каппа…

– Да?

– Насколько хреновая сытность и калорийность у моркови? И что за кусты на холме?

– На холмах чайные кусты, лид. Но странные на вид. Морковь… калорийность не знаю, но вряд ли велика. Вон там пучки зелено-фиолетовые видишь, командир? На левом от дороги поле.

– Да.

– Похоже на измененный большой корень. Дайкон. Редька. Калорийность очень мала. Вкусно.

– Почему столь огромные поля засеяны морковью и редькой? Ладно чай… хотя странно, что он здесь растет – тут прохладно.

– Чайные кусты выглядят плохо. – забрало его экза

поднялось, показывая скривившееся недовольное лицо Каппы. – Не больные, но… вряд ли с них получится собрать нормальный чайный лист. Дайкон, морковь… это все корнеплоды… и я тоже не понимаю, зачем столько редиса… а вон там уже свекла.

– А ты разбираешься.

– Немного.

– Свекла калорийная?

– Не знаю. Свеклу узнал по рассказам стариков из одной деревни что у Тропы. Их селение выращивало кормовую свеклу по заданию системы.

– И куда уходила свекла?

– Загружалась в приемники грузовых дронов и уносилась неизвестно куда. Эта свекла – тоже кормовая.

– Для скота?

– Для скота. И тоже корнеплод. Странно, лид. Не выглядит разумным. Если тут на самом деле проблемы с продовольствием, то было бы куда умнее выращивать что-то бобовое, к примеру. Ну или засадить поля картофелем.

– Картошка – корнеплод?

– Вроде нет.

– В любом случае все растения тут ненормальные. Какой-то мощный геномодифицированный гибрид.

– Тигры возвращаются.

– Вижу.

Эти кошки вечно соревнуются. На этот раз первым финишировал Тигр и торопливо доложил:

– Озеро как озеро. Но надо видеть, насколько оно ухоженно, лид. Берега выложены каменными плитками, дно, по ходу, тоже. Чтобы меньше воды куда не надо уходило. Почти на каждой плитке какой-нибудь узор – не озеро, а шедевр долбаный. Сколько ж труда туда вбухано… Они прямо молятся воде.

– Они молятся всему. Что еще?

– Водоросли убраны и сложены в кучи. – снова заговорила кошка – Чистили недавно, водоросли еще мокрые. На дороге следы многоногого монстра. Но там еще следы двух человек – потом они исчезли. Или тварь их сожрала, или они уселись на нее и укатили.

– Инструменты сложены под навесиком. Рядом пара сеток и раколовок. Рыба в озере есть. Карпы. Жирные.

– Несколько рыбин больше метра в длину! Матерые! Прикормленные – подплыли вплотную. Так и хотелось сцапать…

– Каналы в идеальном состоянии. Заслонки из камня. Все очень аккуратно. Все под постоянным приглядом.

– Две заслонки подняты. Вода уходит в ту сторону. – кошка

указала направление лапой, подумав, добавила: – В сторону каких-то деревьев. Молодая рощица. Что-то лиственное.

– Воды в озере маловато. Да и водный поток какой-то дерганный – то слабеет до ручейка, то начинает бить с двойной силой.

– Продуманно и хозяйственно. – подытожил я. – Та же ситуация, что и с полями. Интересное здесь место… А вот гоблины вроде обыкновенные…

– Обычные. – подтвердил Каппа, захлопывая забрало. – И старые. Захватить?

– Не трогать. – сказал я, глядя на увеличенное изображение двух направляющихся к нам гоблинов.

Старики. Босые старперы. Белые майки, сероватые штаны. Между булок втиснуты велосипеды, босые ноги достаточно споро давят на педали. Одеты не по погоде. Но холода явно не чувствуют – из-за обуревающих их страха, напряжения и обреченности. Все это с легкостью читается на их морщинистых лицах. А разделись, чтобы показать – при них нет ничего, кроме их старческих мослов, затянутых в потертые кожаные мешки.

– Подранить? – деловито спросил Тигр.

– Зачем? – буркнул я. – Эти не убегут и от улитки. Шагаем навстречу. Это явно парламентеры…

Когда между нами осталось всего ничего расстояния, старики остановились, слезли с велосипедных сидений, аккуратно выдвинули подножки и запарковали транспорт на обочине. Выйдя на середину дороги, начали медленно опускаться на колени, держа руки на виду.

– Зачем на колени вставать, старперы? – прогрохотал я сквозь внешние динамики. – Подъем. И начинайте говорить.

– Герои! Добро пожаловать! – сипло произнес самый высокий из стариков. – Добро пожаловать и не убивайте наш народ! Умоляем! Мы все умоляем вас! Мы не монстры! Мы люди!

– Не монстры? – повторил я. – С чего ты решил, что мы герои, старик? Может, мы просто заблудились…

– Впервые за долгие-долгие годы зажегся изумрудный маяк на центральной площади нашего города.

– Впервые за долгие-долгие годы зажглись красные фонари на Бордельной улице. – вставил второй с косоватой улыбкой. – К-хм… но там теперича уже не трахаются. Мы тама кой-чего из овощей посадили на крышах и улицах…

– И эти фонари зажигаются не просто так? – поинтересовался я, отметив, что стариков ничуть не удивил внешний вид тигров. Думаю, не удивит их и Хван. Что особенно тревожно – на экзоскелеты старики тоже поглядывали без удивления. Это даже

не тревожно – это хреново.

– При нашей жизни не загорались ни разу. А по преданиям, что передают из уст в уста…

– Из уст в уста. – повторил я, скривившись как от горькой ягоды. Рука ткнулась в сталь бедра, в попытке нащупать на привычном месте таблетки. Подумавшие, что я тянусь за оружие, старики вздрогнули, прикрыли глаза, руки рефлекторно прижались к телам. Готовятся к смерти. Тяжко вздохнул, я переборол желание закинуться отравой и повторил: – Из уст в уста?

– Ах да… предания гласят, что эти фонари загорались в момент прибытия в наш мир героев и не потухали до тех пор, пока они не покидали этих земель или же… к-хм…

– Или не погибали. – кивнул я. – Будь проще, старик. И ты тоже. Про фонари понял. Они загорелись?

– О да. В каждом из городов.

– А городов у вас?

– Два. – вернулся в беседу первый старик. – Два города на все земли. Один город наш. Сейчас он называется Приветливый. Как назывался раньше не знаем. Но ведаем, что был он переименован.

– Ага…

– Наш мир суров. Прости, не знаю твоего имени. Наш мир суров к нам, незнакомец.

– Я Оди.

– Оди… я Клератус. А моего старого друга зовут Аплак. Мы крестьяне. Родились ими, живем ими.

– Обычные гоблины.

– Кто? Мы… мы люди, герой Оди. Обычные люди, что привыкли от зари до заката трудиться в поте лица. Среди нас нет героев. Все мы крестьяне по большей части. Есть пара врачей-самоучек, найдется несколько сапожников и портных. Без ремесла никуда… сам понимаешь – все делаем сами.

– Старик… зачем ты рассказываешь мне всю эту чушь?

– Я лишь хочу сказать – мы не монстры! Мы обычные люди! Да, среди нас есть те, кому не посчастливилось – они обращены волей Матери в зверолюдов или инсектаров…

– Инсектары? – переспросил я. – Насекомоподобные?

– Да… их судьба особо страшна…

– И что? – равнодушно спросил я.

– Мы мирный народ! Мы Терпимые! Мы пахари! Народ Терпимых! И… и… не ведаю я, с какой целью прибыли вы сюда… может, и ради мести… но наш мир…. Мир, что так далек от вашего славного и светлого…

– Старик! Ты ведь понимаешь, что говоришь просто о

соседней большой комнате? – уточнил я. – Это один и тот же искусственные мир. И все мы его жители.

– Да… конечно… но комната великовата, нет? – бледно улыбнулся Клератус, робко указывая на кажущиеся бесконечными холмы.

– Не поспоришь. – вернул я ему усмешку. – Вы Терпимые… Народ такой…

– Да.

– Но за мясом разумным рейды отправляете…

– Нет! – поспешно вскинулся Аплак. – Не мы! Мы бы никогда! Грех какой! Лучше уж умереть, чем отнять просто так чужую жизнь… людей жрать нельзя!

– Уже началось что-то разумное. – одобрительно кивнул я. – Если не вы… то кто?

– Они!

– Кто они?

– Послушай, герой Оди… нам… нам очень не хочется влезать в чужие дела и ссоры. Мы народ Пахарей…

– Отвечай на мои вопросы, старик, – дернул я щекой.

– Ох… ох… мы тут ни причем! И никогда не были!

– Кто те рейдеры?

– Второй народ! Каста! Непримиримые.

– Непримиримые… – повторил я.

– Все верно, герой Оди. Все верно. Послушай… я все расскажу… мы все расскажем. Все, что знаем. Без утайки. И ты поймешь – мы тут не при делах!

– Давай. – улыбнулся я, поднимаясь. – Седлайте велосипеды и поехали. Самогона выпьете?

– Я выпью! – кивнул Аплак. – Заглотну пару мерзавчиков для сугрева.

– Выпью и я немного. – поежился Клератус. – Можно начинать говорить?

– Давай. И начни с фактов. Что за два народа? Кто где обитает?

– Ага… что ж…

– И еще… никакого вранья. Никакого утаивания. Поймаю на лжи или других уловках – вырежу здесь все и вся под корень. Уясните это. Обдумайте. И затем начинайте говорите. Ясно?

Ответом мне стали два быстрых кивка. Ну хорошо…

Мы не успели пройти и двухсот шагов, а я уже знал немало о здешнем укладе жизни. Всю информацию еще предстояло проверить на правдивость, но то, что вырисовывалось… как всегда и все в этом сраном мире было банально и ожидаемо.

В запертом Мире Монстров давно произошел раскол. Когда

здешние жители поняли, что никто к ним больше не придет, не принесет припасы и не окажет медицинскую помощь, они начали выживать так, как могли. И немедленно началось расхождение во взглядах.

Те, кто позднее стал Терпимыми, предпочли сосредоточиться на добывании пищи собственным трудом. Тут тоже оказалось немало подводных камней, но худо-бедно они справлялись и просто жили, не помышляя ни о чем плохом. Но были и те, кого текущее полуголодное положение дел абсолютно не устраивало. Те, кто позднее стали называть себя Нетерпимыми.

Ну да…

Как же, сука, ожидаемо.

Каста воинов. Каста крестьян. Так было всегда. И так будет всегда.

И ладно бы, жратвы было вдоволь… но нет. С этим было особенно хреново.

Когда Мир Монстров «закапсулировался», система перевела все здешние глобальные показатели в тот же режим, что я посоветовал недавно Каппе – полный эконом. Вполне разумный шаг. Зачем держать тепло и свет в закрытом на бессрочный срок помещении, верно?

Притухло солнце, процентов на тридцать снизив свою яркость.

Резко и сильно похолодало. Температура упала в среднем до плюс пятнадцати, ночами часто опускалась до нуля. И так на постоянку.

Вода… она не исчезла, но ее стало в разы меньше. Там, где раньше ревели могучие водопады, падающие с немыслимой высоты, из стен теперь выбивались мелкие струйки, что тут же проглатывались природой.

Природа… Только благодаря устоявшейся здесь экосистеме, состоящей из лесов, лугов, озер, в целом богатой флоре и фауне, система сохранила подаваемые сюда блага хотя бы по минимуму – свет, тепло, вода, воздух… Гоблинов и тварей не жалко. А вот лисиц и волков обрекать на смерть не стоит… Но, конечно, не все из живущих в этом мире животных и растений выдержали искусственный ледниковый период. Все особо теплолюбивые сдохли.

Жратва…

Ее, если честно, было навалом. Каста Терпил, первыми осознав тот горький факт, что отныне они здесь сами по себе и никто не придет их спасать, принялись за дело. Методично и упорно действуя год за годом, они превратили в поля каждый клочок земли, до которого сумели дотянуться. И здесь

требовалось не только упорство – тут был необходим умный и точный расчет. Температура не везде была одинакова – в городах и еще некоторых зонах, к примеру, всегда было теплее градусов на пять-шесть. Плюс двадцать или плюс пятнадцать – огромная разница не только для гоблинов, но и для растений. Это еще не все. Над многими зонами почти всегда было облачно, зато в некоторых из них бушующий под стальным небом искусственный ветер постоянно отгонял облака прочь, пропуская к земле свет.

Там, где высадились мы, спустившись по давным-давно оборванному Терпилами рельсу, раньше находился огромный приветственный парк, состоявший из крытых каменными плитками дорожек, аккуратных прудов, пальм, бродящих там и сям павлинов, стаек колибри и прочей милотно-блевотной хрени. Терпилы снесли все это к хренам – ибо там было солнечно и там был источник воды. Они не просто снесли постройки и выкорчевали умирающие пальмы. Они изменили ландшафт – используя исключительно грубую гоблинскую силу. Им помогали призмы – как те, кто прошел лишь первую, так и те, кто прошел вторую эволюцию. От вторых пользы было больше – сил немеряно, устают редко. Одна проблема – постоянно мерзнут. Насекомые не любят холодов. А вот зверолюды – их было полным-полном – наоборот чувствовали себя шикарно. Но это я и сам понял, глянув разок на блаженно ухмыляющихся разведчиков Тигров, что сейчас сновали по полям, таская за собой редких бойцов.

Почему не притащили зверолюдов сюда на встречу с нами?

Дык… вдруг мы ксенофобы какие-нить… гоблины разные бывают – даже здесь. Некоторые на дух не переносят насекомых, но душевно относятся к пушистым кискам. Другие, наоборот. Третьих блевать тянет вообще от всех измененных. Тут не угадаешь, поэтому зайти решили с седых обычных козырей – два беспомощных старпера на старых великах. Более мирную и нейтральную делегацию не придумаешь.

Ну да…

Стоило мне сделать паузу на обдумывание следующего вопроса, обрадованные затишьем и подкрепившиеся фирменной компотно-самогонной смесью старперы, перестав ежиться и ускорив шаг, продолжили рассказ.

Вода…

Она куда-то, сука, уходит.

Хреново как-то изолирован Мир Монстров, если честно. Ведь будь тут реально полностью изолированное замкнутое пространство… воды было бы вдоволь. Ведь воду не уничтожить. Как ее не глотай – она выйдет с дерьмом, мочой, потом и

дыханием. А потом покинет и мертвое тело. Испаренная вода сконденсируется и прольется дождем или стечет по стальным стенам. Вода в вечном круговороте. Вот только здесь она не в круговороте – хотя частично он сохранился, включая дождь и редкий град – здесь она в очень шатком балансе. Сколько утекло – столько притекло. Куда уходит вода? Есть тут пара мест обычных и одно место страшное. Туда стекает немало ручьев и перекрывать их нельзя – Мать гневается. А гнев ее страшный – вплоть до прекращения подачи воды, остановки ветра и погашения солнца. И пока не возобновишь потоки воды в перекрытых ручьях, Мать гневаться не перестанет. Всем жителям мирка монстров хватило пары подобных испытаний, чтобы заречься от них навсегда.

Так ведь Мать спит и не видит этот мир и его жителей…

Верно. Матери тут нет. Но гнев ее сюда долетает…

Логично – пусть система вроде, как и ушла отсюда, но датчики отключать не стала. А если потоп? Пожар? Прочее? Тут все должно работать в стабильном экономном режиме. Как только зажглись красным некоторые датчики – тут же в буквальном смысле слова система тушит свет и перекрывает тепло.

Старики тем временем продолжали.

Недостаток воды – это, конечно, плохо. Но и это мелочь. Выжить можно. Это даже закаляет. Делает мозги хитрее, руки и спины крепче, а жопы жестче.

Следующая проблема – опять климат.

Тут часто бывают снега. Они не лежат долго, но снег есть снег – радость сопливым детишкам и горе крестьянина, когда белая ледяная вата падает на посевы. Несколько раз снега задержались, к ним добавился безумной силы град и ураганный ветер… затем все затихло, но большая часть посевов была уничтожена. Имелся падеж и среди скота.

И хотя многие кричали, что это тоже проявления гнева Матери… другие считали и считают, что это какие-то сбои. Жесткие сбои мировых механизмов. Град, снег, ливень, ураганный ветер – все это было здесь в незапамятные времена. Все эти погодные условия создавались раньше с единственной целью – разнообразить жизнь героев, что прибыли сюда с целью истребления монстров. Когда над башкой светит яркое солнышко и не скользит земля под подошвами, тварей убивать куда как приятней. А вот если ты с трудом балансируешь на склизкой грязи или мокром скалистом гребне, по тебе колотит град, а в харю дует яростный ветер – ну-ка замахнись, сученыш, ну-ка попади по юркому снежному человеку-барсу с огромными когтями… Да он тебе печень вынет, пока ты глаза от снежной

пороши промаргиваешь! А пока будешь кривить рожу в попытке увидеть хоть что-то в метели, твою наполовину съеденную печень заботливо вернут тебе же обратно – доставкой через задницу.

Но так было раньше. После «консервации» и наступление здешнего почти ледникового периода, климатические механизмы не врубались. Эти внезапные их активации начались с десяток лет назад и шли по нарастающей. Теперь редкий год обходился без серьезных проблем. Одно спасало – подобные сбои не накрывали собой весь Мир Монстров целиком. Под те или иные удары попадали целые области, что приводило к парадоксальным картинам – по эту сторону наполовину замерзшего ручья раскинулась снежная целина, а по другую обычная вечная осень с вялыми побегами…

Но что уж поделать? Приходится как-то и это переживать. Хотя Непримиримые ожесточились еще сильнее, считая, что дальше будет только хуже. Что особенно плохо – к ним перетекает все больше народу. Дык, конечно – после месяцев надрывной работы поле накрывает град, следом ложится снег… урожая умирает на корню. После такого не захочешь продолжать. Уж лучше отправиться к народу Непримиримых, где начнешь обучаться боевому делу, получишь оружие, снаряжение, ежедневное питание и место в теплой казарме. Разве плохо? А взамен потребуется лишь твоя верность и готовность умереть по приказу – не так уж и скверно. Ну еще, если повезет забраться почти на верхушку правления, заставят отрастить усы – независимо от пола.

– Че? – подался вперед догнавший нас Рэк, за которым пылил остальной отряд, получивший от меня приказ по передатчику. – Независимо от чего?

– Баба ты аль мужик – усы отрастишь, коли стал одним из Непримиримых Всадников.

– Усатые бабы. – в пространство произнес орк. – Бабы усатые…

– И чем выше чин – тем пышнее усы. – растянувший губы в несмелой улыбке Аплак развел ладони, показывая, насколько пышные усы у офицеров.

– И у баб? – все не мог поверить орк.

– Полное равноправие. – кивнул Клератус. – Да и нельзя им без усов. Они ведь Всадники Непримиримые. Лидеры боевые!

Проведя стальной перчаткой по выбритой щеке, я хмыкнул и опустил руку.

Воинам без усов нельзя…

– А бороды?

– А что бороды? Метелка и метелка. Опять же и нам –

Терпимым – не запрещено усы отращивать. В этом мы свободны. Но откуда ж у крестьянина найдется время усы горячими щипчиками завивать? Баловство одно…

– Рассказывай дальше, старик.

– Про усы? – уточнил Аплак.

– Или про баб? – не промолчал и Клератус.

– Про жизнь.

– Про жизнь… тяжкая она у нас. Особливо душам нашим тяжко приходится… все из-за Проклятья Материнского.

– Это еще что?

– Не слыхали? – удивился Клератус.

– Под другим названием, поди, знают. – осадил его Аплак и глянул искоса на уродливую харю Хвана. – Измененные…

– Те, кто проходит трансформацию у вас считаются проклятыми?

– Ну да. Но не то чтобы… название такое неудачное, одним словом. К ним-то мы с пониманием относимся. Тут видишь какое дело…

Еще через полкилометра, когда мы почти дошли до двух ранее примеченных мною высоких холмов, мы узнали еще немало бесполезной душещипательной хрени.

Проклятьем трансформация называется по очень простой причине – она внезапна. Раньше это было не так вроде бы – в активные времена Мира Монстров. А после консервации… население ведь тут, считай, на стабильном уровне поддерживается – и поди пойми, где находятся сенсоры, что считывают информацию с мозговых чипов. Как только умирает один здешний – открывается стальная дверь, что выплевывает нового бедолагу. И внешне он или она – обычный человек. Ему помогают прийти в себя, после чего всегда отправляют к Терпимым – в мирную нейтральную, считай, обстановку. Прямиком в город Приветливый. Там новый житель проводит какое-то время, осматривается, изучает обстановку, медленно осознает, в насколько глубокое безысходное дерьмо угодил. А затем делает выбор – уходит к Непримиримым или же остается с Терпимыми. Но и это просто, считай, для проформы. Выбор делать никто не заставляет. Никаких сроков нет. Бывает, что крестьяне годами пашут землицу, а затем вдруг переклинивает что в мозгу и они уходят к Непримиримым, где их всегда примут, если они сумеют пройти Испытание.

Испытание?

Там их несколько, и идут чередой. Сколько-то пробежать, затем сразу столько-то кругов проплыть по Граничному Рву, после чего перетаскать какое-то количество тяжеленных мешков с

песком. Вроде как не слишком тяжкое испытание. Большинство справляется. Опять же подготовиться можно заранее, потренироваться. Разве что увечный там, старый или больной не сдюжит. Испытание коли прошел – добро пожаловать к Непримиримым.

И обратно тоже можно!

Ближе к старости обычно многие возвращаются к Терпимым. Работают усердно.

Но речь о Проклятье Материнском идет…

Это темное семя, что зреет где-то в теле…

И зреть может долго – порой десятилетия о себя не дает знать. Бывает, люди живут душа в душу до седой старости. А затем вдруг у одного из них в одночасье поднимается температура, его скрючивает, приковывает к постели, где несчастная жертва начинает превращаться… в монстра. Это ведь гребаный Мир Монстров, верно?

Аплак украдкой вытер глаза тыльной стороной ладони, жадно хлебнул из фляги.

– Пережил такое? – глянул я на старика.

– Жена. – глухо отозвался он. – Я старше гораздо. Всего десять годков вместе прожили. Как десятую годовщину справили… жинка моя в мокрицу превратилась. Но… эх!

– Что-то пошло не так. – тихо пояснил Клератус. – Она не пережила даже первой трансформации. Превратилась лишь частично… и сердце остановилось. Жизнь тяжела…

– Так чего хныкать? – не понял снова не выдержавший Рэк. – Насекомым ведь стала.

– Насекомым, ага. – уже не так тихо и не так спокойно пробурчал Клератус. – Но ведь жена! А если, к примеру, жена ноги и руки потеряет? Бросишь ее? А если ее обожжет жестоко и превратится она в пугало уродливое? Тоже бросишь? Ведь она стала другой…

– Может, и брошу. – дернул щекой Рэк. – Тут каждый сам решает. Нет?

– Может, и так. – тяжело вздохнул старпер. – Может, и так. Но даже звери своих искалеченных не бросают! Мы чем хуже?

– Мы всем хуже! – рыкнул я. – Мы дерьмо, думающее только о себе! Давай обратно к теме! Все измененные проходят несколько трансформаций?

– Проклятые-то?

– Призмы! Хватит мистики, старик.

– К-хм… и то верно. Зверолюды – только раз превращаются. Они везунчики. Отрастили хвост, мех и уши – и на том все. Одна польза от такого изменения.

– А насекомоподобные?

– У них трансформация одна за одной. Их корежит раз за разом. – кивнул Клератус. – И с каждым разом они становятся все больше и все… злее и страннее… Далеко не все сохраняют рассудок. А многие наши бывшие друзья начинают видеть в нас… мясо… И тогда по нашему зову прибывают Непримиримые.

– Вот для чего вам эта каста. – понимающе кивнул я. – Защищают от спятивших тварей?

– Ты тут драконов поминал… так вот – они и есть наши рыцари, что убивают грозных драконов. Наваливаются толпой… и забивают до смерти спятивших несчастных. А что поделать? Одна такая тварь может до сотни людишек сожрать разом! До сотни! А еще больше разметает и покалечит!

– Так она тварь вам или бывшая чья-то милая жена?

– Пока разум или хотя бы нрав спокойный и не кровожадный сохраняет – друг и подруга! Заботимся о таких! И они нам помогают! Вот тут тоже не угадаешь, когда очередной измененный сойдет с ума. У них ведь по выражению лица не поймешь! Одно подметили мы – часто перед подобным сумасшествием такой… призм… засыпает на день или два. Спит мертвым сном. Недвижимым как мертвец. А как проснется… тут уж мы настороже, и Непримиримые кольцом вокруг стоят. А самого его веревками и тросами к землице придавливает. Хотя не все они огромны… некоторые размером с человека, но очень уж быстры и ядовиты… тоже мало не покажется! А что хуже всего – когда спятившая тварь начинает людишек жрать, она в следующую трансформацию почти сразу входит, и это изменение проходит за часы… затем снова едалово кровавое. И снова изменение… И чем больше трансформаций пройдет монстр, тем тяжелее его убить. А нам Терпимым только и остается что молиться… какие из нас бойцы?

– Поэтому вы кормите Непримиримых?

– А как же ж. И поэтому тоже. – согласился Клератус. – Они живут себе сыто и спокойно. Мы трудимся. Как беда приходит – мы прячемся, а они за нас кровь проливают.

– То есть Непримиримые всем хороши?

– Всем. – убежденно ответил старик. – Такие же люди, как и мы.

Я усмехнулся:

– Но ты всю вину сразу же свалил на них. Верно? Сразу же начал кричать, что вы здесь не при делах и к рейдам наверх отношения не имеете…

– Сразу же кричать начали. – вернулся к разговору Аплак. – А чего в этом плохого? Мы и их сразу же предупредили! Не мы с

Клератусом, конечно, а старейшины наши из народа Терпимых. Мы ведь как прослышали про эту затею кровавую – так сразу и сказали, что дело это плохое. Единственное, что попросили – прихватить плодовых деревьев, семян каких хороших, несколько коров хотя бы и овец с десяток. Да всякой живности на развод. Что в этом плохого? Сколько убытку вашему большому миру от того, что народ Терпимых чужими руками украл у вас десяток вишневых саженцев и столько же кур?

– Немного. – чуть подумав, ответил я. – И что сказали Непримиримые?

– Когда мы заявили, что дело они плохое затеяли?

– Да.

– Кивнули только, усами пошевелили важно и сказали, что если к нам кто явится с этой стороны, то сразу и говорить гостям, что Терпимые тут не при делах. Ну еще велели им сразу же сообщить о прибытии чужаков.

– И сообщили? – лениво осведомился я, глядя на почти приблизившиеся холмы.

– А то ж! Конечно, гонцов послали.

– И что сообщили?

– Что зажглись огни маяка и борделей в городе Приветливом. Что чужаки пожаловали и может вот-вот резать и убивать начнут неповинных трудяг. И коли, мол, нас всех вырежут, то пусть помолятся Матери за наши души.

– Сообщили им до того, как увидели нашу численность?

– Как огни зажглись – сразу трое наших верхами унеслись к Возмездию!

– Это еще что за хрень?

– Город Непримиримых. У нас Приветливый, а у них Возмездие. Огненное Возмездие, если уж вспомнить полное название.

– Город Приветливый… у вас клетка на площади все еще стоит? Со зверолюдом плененным…

– Стоит. – кивнул Клератус. – А куда ей деться? И клетка на месте. И зверолюд.

– И Непримиримые его не забрали?

– А как они его против воли заберут? Он ведь сразу заявил, что жить хочет мирно, что он не герой и сюда попал, спасаясь от беды. Его и в клетку посадили-то за преступление, совершенное по незнанию – глупец рассмеялся над пышными рыжими усами доблестного офицера Гжелки Пламя. Она сильно огорчилась такому оскорблению… велела держать его в клетке четырнадцать дней, а затем отпустить.

– Слышал, что про плюшевого медвежонка?

– Даже видел! Так забрали его сразу же в Возмездие Огненное. Со всеми предосторожностями увезли. А зверолюду тому – Стив вроде бы? – награду оставили великую.

– Это какую?

– Нагрудные серебряные усы третьей степени. А к ним три сотни серебряных токенов! Ух! Всю жизнь сладко кушать да пить можно на такие деньжища! Повезло мохнатожопому.

– Токены – здешняя валюта?

– Все верно. Раньше они ведь с монстров выпадали.

– Не понял. – признался я и нарвался на удивленный взгляд старика.

– Что тут непонятного-то? Как убил герой тварь монструозную – из ее чрева стальная сетка с кучей токенов блестящих выпадала. Награда!

– Все еще не понял. – признался я.

– Как в игре, лид, – тихо произнес тяжело шагающий позади меня Баск. – Убиваешь монстра, получаешь не только опыт для персонажа, но и награду или предмет.

– И предметы иногда выпадали раньше! – с готовностью подтвердил Клератус. – А потом эти токены и предметы можно было обменять в специальных кассах-автоматах на обычные деньги. И курс был выгодным! А можно было потратить на специальное геройское снаряжение и вооружение, что купить только за токены и возможно… Но это раньше. А у нас остатки токенов бродят из рук в руки.

– И где токены Стива?

– У клетки лежат. Никто не возьмет.

– Воров среди вас нет?

– Ну как нет… всякие бывают. Но на площади всегда людно, так что приглядят. Да и немного у нас на руку нечистых и с душой темной. Спокойный добрый городок. Потому и называется Приветливым.

– И вы ведете нас прямо туда… а навстречу движутся Непримиримые… не боитесь, что мы в драке разнесем весь ваш городок?

– Вы чего! – испуганно вздрогнул Аплак и остановился, едва не уронив велосипед. – В городах биться нельзя! То древний нерушимый закон! Лишь однажды он был нарушен – когда брошенные и запертые здесь герои в древние времена разнесли немало селений, а среди них и город Золотая Аура… так гласят наши легенды. Но в городах биться нельзя! И на расстоянии десяти тысяч шагов от города – тоже!

– И никаких исключений?

– Ну как же… измененные ведь не выбирают, где их

перемкнет. Но большая их часть заранее чувствует – и предупреждает нас, а потом уходит подальше от города и посевов. А мы следом… с веревками, крючьями и цепями… ох беда, беда… Если не почувствовал, и беда в городе случилась – тогда в городской черте заваруха вынужденная получается. Но Непримиримые действуют умело и все проблемы с тварями решают быстро. Тем более, что крупных тварей и тех, кто прошел третью трансформацию, мы до города вообще не допускаем. Они содержатся в Авглах – небольших пещерах и рощах неподалеку от Приветливого. Там хорошо и уютно. И все понимают, что по-другому нельзя.

– Такие добрые… а гетто создать не забыли…

Будто не услышав меня, Клератус продолжал:

– Потому в городе безопасно почти всегда. Если же что случается – трубим в горн серебряный, что на маяке. Непримиримые прибывают и бьются за нас решительно. А мы, Терпимые, столь же решительно разбегаемся и прячемся. Научены горьким опытом… Герои! В городах биться нельзя! Мы вас ведем на отдых и праздничный пир! Но не на битву!

– И ты прямо уверен, что Непримиримые не нападут?

– Уверен! Мы живем по строгим законам, герой Оди. По нерушимым законам. И законы эти нерушимы по простой причине – баланс наш мировой очень зыбок. Чуть перегнешь где палку… и все полетит в тартарарию мрачную.

– Куда?

– В жопу! – в сердцах произнес уже изрядно наклюкавшийся Клеракс. – В адскую вонючую жопу! Хотя… не в заднице ли мы и так обитаем? Не хватайтесь за оружие. В городе и рядом с ним вам опасаться нечего. Ибо намеренное нападение в городской черте и окрестностях – табу!

– Но поговорить с вами они захотят. – тихо произнес Аплак и допил остатки из фляги. – Кто-то из усатых.

– Поговорим. – столь же тихо ответил и я, глядя на невысокий подъем и на замерших на его вершине разведчиков. – Поговорим.

– А мы помолимся Матери, чтобы ваш разговор был спокойным. Не надо войны. Война погубит всех.

– Помолимся, – тяжко вздохнул Клератус. – Помолимся… но Мать, как всегда, не услышит. Нет ее здесь. Покинула она нас. Разве что в Пещерах Мрака до нее докричаться можно. Но кто ж туда сунется? Там обитает Брассарра, извечная противница великой Даурры. В пещерах тех смерть давно уж царит…

– Но путеводную радужную коалу нашли именно там! – возразил Аплак.

– У самого выхода! В глубину никто не совался. Хотя и

пытаются изредка, но погибают один за другим. Непримиримые упорны. Потому и сумели великой ценой раздобыть оружие, снаряжение, технику и ту чертову коалу…

Остановившись на вершине крохотного перевала между холмами, я глянул с него вниз, оценил открывшееся зрелище и с широкой холодной усмешкой поинтересовался у мирных старых крестьян:

– А почему в ваших мрачных пещерах система может услышать зов?

– Так ведь там в старину героев заперли!

– И что?

– Ну легенды же говорят…

– Что говорят ваши сраные легенды?

– Что Мать разговаривала с последними из героев до самого конца! Что она оставила их в этом мире, но не покинула их, продолжая ободрять. И она же пообещала никогда не гасить в Пещерах Мрака свое последнее зрячее око Мира Монстров… так говорят…

– Ты сейчас говоришь про системную полусферу наблюдения? Про активное системное око?

– Конечно! Зрячее Око Матери сокрыто в глубинах Пещер Мрака! Но туда не пробиться – любого сожрет Брассарра! Разве что Даурра справится с этой темной мерзкой тварью, что давно потеряла разум, но удесятерила злобу и жажду крови… Но Даурра не покидает Огненного Возмездия, ибо…

– Прекратить бред! – рявкнул я – Рэк! Выдай им еще самогона. Еще раз уточню, старики, … по вашим сведениям, в мрачных гребаных пещерах может находиться активированное системное око?

– Так мы слышали… так говорят наши лег… э-э-э… наши коллективные знания о далеком прошлом. Но мы мало чего знаем о Пещерах Мрака. Об этом могут рассказать только Непримиримые. А до нас доносятся лишь обрывки…

– Ладно. Промойте глотки самогоном и чуть передохните. – буркнул я. – Так… а здесь у нас…

Под нами лежал городок. Средневековый какой-то городок с кольцевой светлой каменной стеной, с вратами, с высящимся над городом маяком, на чьей вершине полыхал яркий зеленый свет, с узкими улочками, что по большей части были превращены в поля, с крышами, которые постигла та же участь. Гигантский жилой огород. И отчетливо видимая череда алых огоньков вдоль одного из длинных огородов – не иначе та самая бордельная улица. Рядом с городом тянулся широкий овраг с пологими склонами. По его дну протекал тощий ручеек. За городом снова тянулись

поля, затем начинались холмы, что поднимались все выше и выше. И в восьми километрах от нас отчетливо различались голые и неприветливые серые скалы. Чуть в стороне пара лесков, вон там правильные посадки деревьев. На нескольких лугах расхаживали овцы и коровы. Но даже неискушенному в сельском деле мне показалось, что скота как-то маловато. Впрочем, вполне очевидно, куда уходит большая часть мяса. Эти раз за разом перерождающиеся твари-призмы не станут жрать морковку и свеклу. Им нужна сочная кровавая плоть…

Гребаный Мир Монстров…

Ладно…

Это и правда большая комната.

И в дальнем от нас ее конце как раз шел снегопад…

Еще там была дорога – прямая как стрела, она тянулась к холмам и пропадала между ними.

Дождавшись, когда старики выпьют еще по дозе, я шагнул по дороге вниз:

– Продолжайте.

– Говорить? – уточнил Аплак.

– О да. Говорить. – тепло улыбнулся я. – Первым делом махни лапой в сторону, где находятся Пещеры Мрака. Затем расскажи о Даурре, потом о том, чем вы кормите познавших вторую и третью трансформацию тварей, а затем начни перечислять известное тебе вооружение Непримиримых, их тварей, их численность и вообще все, что ты о них знаешь. Ты Клератус тоже не молчи. Рассказывай.

– Мы бы не хотели лезть в чужие дела и рассказывать чужие секреты. Надеемся на понимание. – робко улыбнулся Аплак.

– Понимания не будет, старперы. Вы расскажете мне все, что знаете. Затем я опрошу еще выборочный десяток жителей Приветливого. Кстати… это вон там центральная площадь с клеткой гребанного зверолюда?

– Именно там. Но наше гостеприимство распространяется и на пленённого…

– Вы не при делах с его заключением?

– Не мы сажали в клетку. Не нам и освобождать. Мы в стороне, ведь мы – Терпимые.

– Тигры! – рявкнул я. – С собой еще троих разведчиков – и в город! Никого не задирать, не трогать. Добраться до площади, найти там клетку со зверолюдом Стивом и притащить его за шкирку сюда!

– Можно я, лид! – аж затанцевал Рэк, нежно поглаживая приклад дробовика. – Можно я за хреноссом Стивом сбегаю?

– Не будем портить ему сюрприз. – оскалился я. – Пусть

радостно распахнет глазенки, увидев наши милые рожи…

– Гребаная моя жопа! – взрывая пятками дорожную пыль, заорал зверолюд Стив, стоило ему увидеть торопящего навстречу Рэка. – Да как так-то?! Вот ДЕРЬМО-О-О-О-О-О!

– Какой милый щеночек. – задумчиво заметила впервые переместившаяся в голову отряда Кассандра.

– Добегался, ушлепок? – заревел орк, замахиваясь топором. – Тяни лапы, сука! Я тебе пальцекюр на всех лапах сделаю по самые локти! Чтобы больше не бегал!

В момент замаха Рэк глянул на меня. Я продолжал неспешно двигаться, даже и не думая останавливать орка. Тот с радостью завершил удар, и руку Стива спасла только его звериная реакция и опыт. Но топор все же задел левую ладонь, с радостью забрав у мохнатого владельца пару крайних пальцев. Взвыв, зверолюд забился в руках тигров, оскалив покрытые пеной клыки, заорал:

– Не надо! Не калечьте! Тут не пришьют!

Остановив Рэка коротким жестом, я сделал еще пару шагов к Стиву. Тот, хрипя, пытался пятиться, а я… просто прошел мимо, на ходу бросив идущей следом Кассандре:

– Он твой. Говори с ним как хочешь и о чем хочешь, жми на любые рычажки и кнопки, прижигай культи окурками сигар… у тебя ровно час, рядовая Кассандра. И можешь считать Стива своим билетом к повышению.

– Ну конец тебе, мохнатый, – добро улыбнулась пифия, ласково глянув на зверолюда.

– Эй… ты послушай… вы чего вообще? Чего вам от меня надо?! Я же вам зла не делал!

– Ты… – снова приостановившись, я сделал короткую паузу, пытаясь определить для себя самого важность этого сраного Стива. – Ты… ты как мелкая саднящая заноза у меня под кожей. Понимаешь? Вроде мелочь, ничего страшного, жить можно, но все равно саднит и раздражает. Ты поговори с Кассандрой, отдай ей еще чуток пальцев и всего, чего не особо жалко… а как будешь готов – просись на встречу ко мне и рассказывай, рассказывай.

– Да что рассказывать?!

– О себе, – шагнув дальше, бросил я. – О себе. Ты не простой призм. И ты знал о Мире Монстров. И медвежонок с тобой не просто так. Я почти уверен, что ты тот самый якобы погибший при атаке Однара сурвер. Сурвер, что умудрился бежать из Зомбилэнда. Сурвер, что потом, уже в виде зверолюда, вернулся в веселый аттракцион зомби, чтобы забрать памятные вещицы из тайника – в том числе и медвежонка.

– Дерьмо… да я нет… я точно нет…

– Не мни себя важным, гнида. Ты просто мелкая заноза. Даже не паззл, не загадка. Просто крохотная деталь… Расскажи все как есть. И может еще подышишь чуток.

– Дерьмо… – бесцветно повторил Стив.

– Кошки, – переключился я, – надо пробежаться.

– Лид? – оба полосатых бросили Стива на дорогу и мигом очутились рядом. – Куда? Зачем?

– Возьмите остальных разведчиков. Разделитесь. Обойти городок с двух сторон. Никого не убивать, не калечить, не задирать, на вопросы не отвечать, не задерживаться. Пробегитесь и осмотрите все тщательно. По завершению круга – действуйте по ситуации. Если есть что доложить – отправляйте пару гонцов ко мне. Если нет – закрепитесь вон у тех двух холмов с соснами. Ожидайте нас там.

– Есть!

– Стоп. – рыкнул я, задерживая шустрых кошек. – На вершинах сраных холмов не светитесь. Держитесь складок местности. Шлемы и снарягу не снимать. Чуть что – ползком к нам. Передатчики заберите с собой, мой канал связи знаете. Снайперов бояться, жопы им не подставлять.

– Есть!

– Если раздобудете пару разговорчивых крестьян – узнайте у них все о пути к этим пещерам Мрака. Детальный маршрут, опасности и тонкости, кто охраняет, свободная ли зона, на чьих территориях находятся и вообще все подряд.

– Есть! Круто!..

Проводив разведчиков взглядом, я перевел глаза на местность за Приветливым. Местность такую деревенскую, такую безмятежную и спокойную, что так и хотелось во всю глотку заорать – обман! Я вижу вас, ублюдки!

Сейчас там нет никого. Рано еще. Но очень скоро там обязательно появятся готовые к любому развитию ситуации бойцы этих гребаных Непримиримых. И ни в какое обязательное для всех табу я не верил. Нельзя стрелять в городе? Чушь!

Война – это война. Она пишет свои законы. И главный ее закон – нет, сука, никаких моральных правил и запретов. Всем и всегда было плевать на все запреты, конвенции, правила поведения и обращения с ранеными и гражданскими лицами. И потому, если у этих пока незнакомых мне ушлепков появится шанс прострелить башку мне или моим офицерам – они воспользуются этим шансом проредить важные фигуры противника на игровой доске.

Я иду в город по одной простой причине – там информация. Ее источники пьяно шагают сейчас рядом со мной, может,

найдется еще что-нибудь интересной в этом большом заселенном огороде. Но задерживаться там – прямо в сердце вражеской территории – я не собираюсь.

– Каппа.

– Лид?

– Разделяемся. Ты во главу второго отряда. Забирай всю технику, вместе с Гиппо и платформами с припасами, два десятка бойцов и Хвана – вон к тем холмам с елками. Двигаться по дорогам, посевов не рушить. По достижению точки – закрепиться, зарыться, развернуть минометы, быть готовым к отражению вражеской атаки. Туда же подтянутся разведчики.

– Можно выполнять?

– Кевина ко мне.

– Понял.

– Приступай.

Пьяненькие старички, удерживающиеся на ногах только благодаря катящимся рядом столь же старым велосипедам, даже не заметили момента, когда прибывший отряд чужаков уменьшился втрое. Хотя я не обольщался, зная, что за нами сейчас наблюдает множество глаз и каждое наше движение фиксируется. Терпилы они или нет… каждая странная тварь хочет жить, каждая тварь боится. И каждая здешняя терпильная тварь будет рада доложить о нас Непримиримым.

Никто из нас не обольщается. Всем понятно, что раз сюда прибыл отряд злых героев – скоро прольется кровь. Вопрос только в том, чьей крови пролито будет больше.

– Я хочу поговорить, герой! – выкрик уволакиваемого Стива донесся уже из-за моей спины.

Оборачиваться я не стал. И так ясно, что сейчас мохнатого закидывают на платформу, и над ним нависает добрая мудрая пифия Кассандра, она же леди с бабочками, она же баба со странными снами, посылаемыми системой. И никакой Йорки рядом. Гоблинша осталась на базе. Меня не трогают их терки с Баском, но я не настолько придурок, чтобы тащить внутренние конфликты в далекий опасный поход. Спрашивать на этот счет мнения Йорки я не стал – просто приказал. Причем приказ пришлось отдавать через Каппу – от меня дурная гоблинша с расписной гномьей рукой пряталась, как только могла.

Баск… посмотрим, что будет.

У меня было время подумать о судьбе зомби. И я решил дать ему шанс, щедро протянув бывшему напарнику окровавленную лапу. На. Хватайся. Поднимайся. И начинай уже убивать!

– Че замолчали? – осведомился я у бредущих стариков.

– Да-да… – очнулся Аплак, протер слезящиеся глаза

бугристой изработанной ладонью. – Да… Непримиримые… про оружие их ты спрашивал, герой Оди?

– Ага. Говори.

– Ну… такие вот стальные плащи у них есть. Не скажем, сколько точно – не знаем просто. Но несколько разных видели. Может, четыре, может, пять. Но они только для офицеров.

– В экзах сидит командный состав Непримиримых? – во мне колыхнулся интерес. – А рядовой состав?

– Нет. И в походы туда… ну к вам… экзы не ходят. Туда измененные с их наездниками. Рядовые и те, что чуть постарше.

– Сержанты?

– Может, сержанты. А может, еще как их называют. Оттуда волокут все, что под лапу попадется. Мясо, конечно, главное, но и орудия труда, семена, животных, немного оружия. Мы не выспрашиваем, но они частенько гостят в наших трактирах. Я только разок спросил, когда перебрал чуток… ну и спросил – как, мол, добыча?

– А они?

– Ухмыляются. Довольные. Большие пальцы топырят. Видать, добыча хороша.

– Добыча более чем хороша. – буркнул я, вспоминая рассказы о продуманных атаках и их последствиях. – Какое оружие видел?

– Ну долдонов железных. Вроде твоего. Но пострашнее.

– Еще?

– Винтовки. Дробовики. Холодного оружия не перечесть. Слушай, герой… не совладать вам с ними. Их много!

– Как много?

– Ну… – старик, похоже, впервые задумался над численностью второго «народа». – Поменьше наших Терпимых в числе будут раза в три. И слава Матери! Их поди попробуй прокорми! Хотя кормим, чего уж… а нас, работяг, под пять сотен с лишним тут обретается.

– Считая измененных?

– Не. Без них. Но мохнатых посчитал.

– Какой греющий душу расизм. – усмехнулся я. – А измененных сколько?

– Под сотню сейчас. Но они хорошие! Добрее человека! Оно и понятно – души-то человеческие в них.

– Получается, Непримиримых больше сотни?

– Куда как больше! Если так прикинуть… может, и под две сотни наберется. А еще их боевые призмы! Огромные! Умелые! Могучие! Сотрут они вас в порошок! Сынок! Ты уж прости, что так тебя называю! Совет даю от всей души – не бейтесь вы! Раз проход сюда вы сумели открыть – так может, и тюрьма наша

вечная голодная кончилась? Может, наладим вместе чего путного? Торговлю там… людишек сюда или туда. Может, и в наших краях кто жить захочет! У нас и скот теперь разный появился, а не только овцы и свиньи. Деревьев плодовых разных прибавилось – прижились! В городе на самом теплом месте их посадили. Яблок ждем ароматных! Ты, может, в военном деле познающей меня будешь. Но в жизни я-то поболе понимаю! Годы мои вон какие – морщины в таких местах появились, что и сказать стыдно. Война дело гиблое! Все поляжете, а толку чуть! Договориться вам надо! Без драки! По-людски! За стол сесть. Покушать. Закусить. И договориться! Коли мир наш откроется… вот ведь жизнь начнется! Может, и мы с Клератусом, даже в наши почтенные года, успеем еще в дорогу пуститься и посмотреть – каково оно там? В мире-то большом…

– Твои мечты, старик… – я не выдержал и рассмеялся. – Ох… старик, старик…

– Да разве я что не так говорю?

– Ты говоришь, как крестьянин-нищеброд, что всю жизнь жрал репу и спал на деревянной лавке.

– И потому слова мои глупы?

– Нет. Потому слова твои наивны, дед. Понимаешь… тебе нечего терять кроме не слишком сладкой жизни. Тебе вообще плевать, кто правит этим миром. Не мешали бы репу сажать – и ладно. А вот Непримиримые… сейчас они здешние короли. Они здешние боги-защитники. Они правят Миром Монстров. Понимаешь? Наладили себе лазейку за мясом во внешний мир, пополнили припасы, оделили Терпимых саженцами и семенами. Жизнь налаживается. Жизнь сытная, богатая. Впереди новые рейды за «свининкой» и трофеями. Дома сладкий секс, жратва, пойло и покорные терпилы, что пашут землю и считают себя равноправными, а на самом-то деле… вы лишь на ступеньку выше рабов.

– Что ж ты такое говоришь…

– Думаешь, они захотят переговоров?

– Конечно!

– Нет, старик. Не захотят! Задумайся! Если бы они хотели спасения Мира Монстров, если бы они хотели его открытия… они бы не стали резать глотки мирным жителям внешнего мира, не стали бы их скармливать огромным насекомым и не стали бы грабить и устраивать пожары! Если ты сделал такое – каких переговоров ты ожидаешь?! Нет! Хоти они другой жизни – просто наладили бы медленную эвакуацию отсюда во внешний мир! По полсотни гоблинов за раз – туда! На свободу! Пинком! Заодно отыскали бы нормальное мирное поселение, сообщили бы

вежливо о себе старостам. Попросили бы помощи в припасах и обустройстве. Думаешь, в деревнях не поделились бы молодняком? Пусть по поросенку с каждого двора или ягненку, по пятку саженцев и мешку неприхотливых семян – но дали бы! Бесплатно! Год-другой – и все здешнее население давно бы жило там. Кто не захотел бы дом покидать – остался бы растить саженцы, ухаживать за измененными и наслаждаться посиделками в трактире. Вот это мирный план! Вот это – переговоры! Случилось так? Нет! Ваши сраные Непримиримые вылезли ночью наружу, убили кучу народу, утащили их трупы в темную нору! Гребаные пещерные гоблины, что убивают, не раздумывая! Старик! Там были дети! Женщины! Старухи! Их всех пустили на мясо ваши гребаные Непримиримые! И ты мне говоришь про какие-то переговоры? Да они первыми не захотят их! И сейчас, получив новости о прибытии сюда вооруженных чужаков, они уже готовят атаку, разрабатывают боевой план. Они уже послали передовые отряды на позиции! Так что хватит пускать слюни умиления по морщинистому подбородку, старпер! Подтяни нюни и знай – войне быть! Войне кровавой!

– Ох…

– Что?! – издевательски ухмыльнулся я, глядя на потерянное лицо Аплака. – Удивлен? Не задумывался? Непримиримые никогда не позволят вам отсюда уйти! Они феодалы! Правители! А вы черная кость! Рождены, чтобы пахать! А то, что к ним может уйти любой и стать рядовым, если пройдет сраное испытание… так это просто мясо на убой. Их первыми швырнут в лапы жаждущего мяса призма! Если же повезет и выживут – вернутся в Терпилы, когда состарятся и не смогут уже держать оружие.

– Ты видишь лишь тьму… Разве можно так глядеть на мир?

Хмыкнув, я осторожно достал из разгрузки стальную трубку, отвинтил колпачок и вытряхнул в рот серую таблетку. Поместив ее под язык, ощутив первую горечь, сглотнул напитанную химией слюну и произнес:

– Тут нет света и нет тьмы, старик. Тут нет драконов. Нет рыцарей. Все как всегда. Есть те, кого полностью устраивает текущая сытая житуха. И они не хотят ничего менять. Вот и все.

– Нетерпимые – защитники наши. Они добрые люди. И только вынужденно они…

– Да-да. Только вынужденно они режут молодым бабам глотки, а затем скармливают их насекомым.

– Да!

– А чем их жизнь лучше, чем жизнь обычной крестьянской бабы из внешнего мира?

– Э…

– Вот видишь. – улыбнулся я. – Ответа не найти.

– Это вынужденно! Измененных надо кормить! Они ведь тоже были людьми!

– Сколько людей жрет за раз ода такая тварь? Пятерых? А может, сразу десяток? Двадцать? Тридцать? Это что ж, нахер, за размен такой? Жизнь одного измененного бедолаги не может стоить тридцать чужих жизней! А если так хочешь накормить богомола – сам прыгай к нему в пасть! Ты мне вот что расскажи, старик… куда деваете трупы мирно умерших? Скармливаете?

Молчаливый кивок заставил меня рассмеяться и задать следующий вопрос:

– А трупы Непримиримых?

– Тоже!

– Тоже в пасть насекомым?

– Да!

– И даже тела высших офицеров?

– Ну как же… так нельзя. Их хоронят с почестями.

– Ну да. Офицерскую жопу жрать нельзя. – проворчал я. – Если бы я хотел пройти к пещерам Мрака… куда бы повернул, знай я дорогу? Туда?

– Верно. А откуда ты…

– Догадка. – ответил я и круто свернул, не дойдя до городской стены пятьсот метров и перейдя на боковую дорожку. Отряд последовал за мной, и мы двинулись параллельно стене. На высыпавших из ворот и на стену жителей я внимания не обращал.

– А как же ужин?

– Ты не слышал меня, старик? Задумайся, что будет, если два отряда схлестнутся в мирном городе. Хочешь еще больше крови?

– Да как же ты не поймешь, герой Оди! Непримиримые не такие! Они доблестные! Они хорошие!

– Ну да. – кивнул я. – Ну да…

Глава пятая

Стариков Терпимых я оставил у изгиба городской стены, на перекрестке сразу пяти аккуратных дорожек. Оставив пьяненьких и ударившихся в слезы дедов под небольшим деревцем – я двинулся прочь. Прошел шагов пятнадцать, когда меня остановил дрожащий и переполненный эмоциями крик:

– Помни, герой Оди – мы тут не при делах! Терпимые кровь не проливали! Человечину не жрали!

Остановившись, я обернулся и, глянув на все еще на что-то надеющихся старперов, горько усмехнулся:

– Ну да… вы не убивали. Но заказы тем, кто шел убивать, сделать не забыли, да? Саженцев там, мол, плодовых не забудьте накопать в садах убитых и порабощенных. Картофана там же накопайте и грузите в те же мешки, куда напихали рубленную человечину. Нет. Вы еще как при делах. И жалости от меня не ждите. Я не сжег дотла ваш сраный городок Приветливый лишь по одной причине – мне пока не до вас. Но передайте всем – мы скоро вернемся. И вот тогда я убью каждого второго.

– Нас здесь заперли! Как еще выживать?! Попробуй прожить целую жизнь вечно недоедая!

– Вас здесь заперла система и Первый Высший вроде как… причем здесь мирные жители? Они про вас даже не слышали. Все! Просто ждите. И мы придем.

Больше слов с их стороны не последовало. Да и скажи они что-нибудь еще – я бы уже не слушал. Этот источник информации истощился. Можно и нужно двигаться дальше.

– Так мы вернемся сюда, лид? – в голосе бойца звучало лишь любопытство.

– Посмотрим. – ответил я. – Посмотрим… Кевин!

Выдвинувшись из-за моей спины, внешне безразличный и бесстрастный рыцарь в замененном шлеме с зеркальным забралом, поравнялся и молча зашагал, ожидая моих слов.

– Забрало подними.

Щелкнув, забрало зафиксировалось в поднятом положении, на меня уставились памятные страшные глаза, что могли помочь любому страдающему запором. Даже если анус безвольно не раздвинется, перепуганное говно само пробьет себе новый путь наружу – лишь бы упасть в дорожную пыль и уползти…

Мельком глянув на это не совсем человеческое лицо, я задумчиво спросил:

– Кто же ты или что же ты все-таки такое, а?

Ответа не последовало, и я продолжил, спросив напрямую:

– Насколько сильно я тебя уже раздражаю?

Исполосованное темными венами бледное лицо отвернулось, рыцарь с безразличием смотрел на ухоженные поля.

– Да. – усмехнулся я понимающе. – Вижу. Ты уже едва сдерживаешься, да, Кевин? Понимаю. Сколько десятилетий или даже столетий ты просидел в Зомбилэнде? Может, тебя несколько раз и успокаивали до меня, сбрасывая тебя в ноль и ликвидируя набранную тобой армию зомбаков. Но сути это не меняет – ты очень долго был сам себе хозяин. Никому не подчинялся. Жил своим умом. И главное – ты сам отдавал приказы. И твои приказы выполнялись незамедлительно. Весь контроль в твоих руках… Тебя бесило только одно – гребаная тюрьма Зомбилэнда вокруг. Хотелось свободы… и вот ты ее получил… но при этом перешел в подчинение обычному гоблину – теперь я приказываю тебе. А ведь такого, как я, ты обычно считаешь простым ростбифом к своему обеденному столу, да? Это ведь то же самое, как если бы тебе начала приказывать жареная курица…

Насланная проглоченной и уже усвоенной неразборчивым и жадным до кайфа мозгом наркотой болтливость помогла скоротать унылую дорогу среди полей и вычищенных дренажных и поливочных канав. Рыцарь-зомби молча шагал рядом и ожидал продолжения. И оно последовало:

– Сначала ты думал, что свобода стоит этого. И первые день-два был даже рад – если ты вообще умеешь радоваться. Но вот новый день… и ты понимаешь, что радость потускнела. Тебе надоело терпеть тупых гоблинов вокруг себя. Ведь они так вкусно пахнут. И они так раздражающе болтливы и суетливы. Да, зомбак Кевин?

Молчание зомби сохранилось, как и бесстрастность лица, но шаги его стали тяжелее.

– Уверен, что папа Элвис в свое время вбил тебе в голову главные правила мужика. Да? Держать слово, выполнять обещания, не бояться крови, отвечать ударом на удар, помогать тем, кто помог тебе. Правильная стезя. И ты стараешься следовать ей. Ты заботился даже об увечных безруких и дряхлых зомбаков, подкармливая их кровавыми объедками. Странное ты существо, Кевин. Я и представить не могу, скольких ты убил лично, а скольких уничтожил благодаря своему стратегическому, тактическому и просто боевому опыту, натравливая на тупых героев-хреососов свою армию. Ты убивал, убивал, убивал… и с каждым новым убийством получал крупицы опыта. Вот почему ты со мной сейчас здесь, Кевин. Вот почему я вытащил тебя из Зомбилэнда. Уже там я знал, что мы окажемся в Мире Монстров, где такой, как ты, мне очень и очень пригодится. А ты… ты

получишь свободу.

Страшные глаза уставились на меня в упор. Уставились выжидающе, губы зомбака напряглись, поднимаясь и обнажая почернелые заостренные зубы. Кевин едва сдерживает нетерпение.

– Ты свободен. – подтвердил я. – При этом мы по-прежнему союзники. И у меня есть для тебя совет. Выслушаешь?

Легкий кивок дал знать, что Кевин готов внимать.

– Перед отбытием сюда я приказал Рэку подготовить для тебя особый рюкзак. Большой и тяжеленный рюкзак. Орк постарался и напихал туда с десяток единиц оружия, запас патронов, несколько бронников, пару шлемов. Мы бы и больше пиханули, но даже тебе столько не унести. Как доберемся до холмов – нагружайся рюкзаком. Если поймешь, что можешь унести больше – я добавлю тебе пушек или чего ты сам захочешь. Подумай. Потом просто ткнешь пальцем. Понимаешь?

Еще один кивок.

– Скажи мне, Кевин… я правильно понял, что если кого-то из обычных гоблинов заразишь именно ты, а не обычный зомбак… этот гоблин превратится в гнилого зомби куда быстрее?

Кивок.

– Речь о минутах?

Пауза.

– Паре часов?

Легкое качание головы из стороны в стороне, покачивающая в воздухе ладонь.

– Неплохо. Два-три часа на зомбирование. Иногда быстрее, иногда медленней.

Кивок.

– Хорошо. Как только состоится наша первая стычка с этими сраными Нетерпимыми – а она будет обязательно и начнется вот-вот. – я глянул в сторону приблизившихся холмов, где, стоя у старой кирпичной постройки, скрываясь за ее стеной, приплясывал Тигр, ожидая бегущего к нему с передатчиком еще одного разведчика. – Ну да… враг уже спешит к нам.

Передатчик перекочевал в лапу Тигра, и тут зашипел динамик у меня в шлеме:

– Командир! Небольшая вооруженная группа движется к Приветливому! Двадцать рыл в экипировке вроде нашей, плюс два экза, и все они сидят на спинах трех гигантских красных многоножек. Скорость движения охрененная.

– Принято. Нас засекли?

– Да. Перемещаются строго по дорогам, но курс изменили и движутся к вам.

– Мы успеваем до холмов?

– Едва-едва.

– Принято. Ожидайте. Будьте готовы нас прикрыть.

– Есть.

– Тигр!

– Да?

– Как только поймешь, что они вошли в зону поражения минометов – открывайте огонь, не дожидаясь моего разрешения. До этого своего местоположения не выдавать. Понял?

– Есть!

– Ускориться, мясо! – рявкнул я и показал пример, перейдя на средней скорости бег. Кевин легко догнал меня и пристроился сбоку.

На меня снова глянули его внимательные и уже не скрывающие нетерпения глаза.

– Вон там, – я на бегу ткнул пальцем в сторону противника, – твои потенциальные новобранцы. Рекруты. Ну заодно и жрачка. План мой незатейлив – я помогу тебе с твоим веселым начинанием по набору армии. Сейчас мы покромсаем большую часть этих ушлепков. А тех, кто выживет – заберешь себе ты. Сделай из них зомби. Вооружи. Снаряди. Нагребите себе жратвы. И уходите. Чего я от тебя хочу взамен? Малого. Не забывай, что мы союзники. И продолжай убивать гребанных Нетерпимых. Продолжай увеличивать свою зомби-армию. Ты слышал хоть раз про партизанскую тактику ведения войны?

Кивок.

– Хорошо. И побольше наглядной жестокости. Думаю, никто не будет против, если ты начнешь развешивать рваные кишки на заборах и бросать на дорогах головы с выжранными мозгами, наполняя черепа отрубленными пальцами, членами и раскрытыми как цветок изрезанными пятками.

Кивок.

– После очередной стычки отпускай хотя бы одного. Обязательно зараженного, но еще не сгнившего. Пусть он бежит к своим и пугает их. А заодно и заражает. Если моя догадка верна – здесь не знают о гнили или чесотке. Они понятия не имеют, кто такие зомби и на что они способны. А раз так – отпущенный зараженный заодно подсадит твою болячку медикам. Поэтому перед тем, как отпустить его, искусай или там помочись на него хорошенько. Чем быстрее их медики станут злобными и кусачими – тем лучше. А если повезет – заразятся и усатые офицеры, что прибегут в палату к спасшемуся за информацией. Они ведь обязательно захотят пожать израненному ушлепку его мужественную лапу…

Кивок.

– Одного такого искусанного отправить надо в расположение врага как можно быстрее. Лучше двух.

Кивок.

– Природе не вреди. Все эти деревья, поля, ягодники – пусть остаются. И воду не отравляй трупами.

Кивок.

– Мы союзники?

Кивок.

– Прощай, кивающий Кевин, – улыбнулся я, протягивая руку.

Зомбак чуть помедлил, а затем крепко сжал мне ладонь. Две стальные ладони скрежетнули друг о друга, а затем рыцарь Кевин ускорился еще сильнее и погнал к платформе, где его дожидался тяжеленный рюкзак. Мы двигались за ним, постаравшись не отставать от рыцаря.

Ускорение дало свои плоды – мы уже были у самых холмов, когда из-за одного из них разом рявкнули минометы. Прозвучавшие на одном из полей разрывы сообщили, что гостинцы доставлены. А раздавшийся следом невероятной силы пронзительный и явно не из гоблинской глотки визг, дал знать, что гостинцам душевно рады. Обрадованные минометы простучали снова, добавляя подарков. Мы же, финишировав, рухнули в небольшую траншею, что дополнительно была прикрыта платформами и тушей Гиппо, с чьего загривка так же тявкал миномет.

– Ждать! – приказал я рвущимся в бой гоблинам и рванул на вершину холма. На пробежавшего у подножия Кевина, что стремился на шумиху, утаскивая на спине огромный рюкзак, я внимания почти не обратил. Толку смотреть в жопу получившей свободу птахе? Пения ее не услышишь, разве что насрет на лету.

– И куда он так рванул? – удивился пыхтящий Рэк, умудрившийся не отставать от моего экза.

– Заражать и размножаться. – падая почти у вершины, ответил я. – Убивать, расчленять и веселиться.

– Мля! А можно мне так же?! Вечно лучшие задания мимо меня…

– Вон твое задание. – произнес я, глядя на укрупненное изображение на забрале. – Видишь того желтого урода?

– Экз с клешней на правой и цепной пилой на левой? О… у него еще дробовик на правой клешне.

– Два дробовика. – поправил я. – Снизу и сверху.

– Охренеть… если клешней зажать, а потом из всех стволов картечью ахнуть… считай, что в лапе будто воздушный шарик с фаршем лопнет… вещь!

– Этот экз – твой, орк. – буркнул я. – Главное – умудриться его заполучить не по частям.

– И бежит прямо к нам. – обрадованно улыбнулся Рэк. – Вручить себя мне торопится, гнида. Поможешь, командир?

– О да! – улыбнулся я. – Притащи-ка мне бухту троса.

– Ща!

Накрытый минометами противник боевитость не растерял. Насколько я видел со своей позиции, нам удалось прикончить не больше пяти нападающих, а еще четверых покалечить так серьезно, что для них бой уже закончился. Но это врага не остановило – как и нехило пораненных многоножек. Разойдясь, вломившись в уже израненные дымящимися минометными воронками поля, ломая высокие желтые побеги, они быстро определили, откуда по ним велся огонь. Дальше всегда есть только два варианта – отступление или штурм. То самое критической важности решение, что принимается обычно в доли секунды. Причем принимается не за счет интеллекта. Только не за счет него. На решение влияет куча факторов – самоуверенность, боевой опыт, решительность, фанатизм, боязнь прослыть трусом, если отступишь, или наоборот – страх смерти.

Враг выбрал наступление.

Удивительно быстро развернувшись, две твари рванули по желтому растительному морю, расходясь так, чтобы зайти с флангов. По ним продолжали бить минометы, подошедший к вершине холма Гиппо раскорячился и замер, уложив на его массивное плечо ствол бронебойного огромного ружья, один из гоблинов тщательно прицеливался.

– Не в экза! – велел я, и ствол ружья сместился чуть ниже, явно сползая с груди вражеского бойца в желтом экзоскелете на холку или же лобастую уродливую башку твари. Заметив, как прищурился глаз стрелка за забралом, я понял, что прямо сейчас…

Бронебой рявкнул.

Унесшаяся к цели здоровенная пуля мгновенно преодолела разделяющая нас расстояние и…

Одна из буро-красных пятнистых тварей вдруг подпрыгнула, а следом буквально вбила голову в почву, задирая тулово и зад в воздух. Все седоки полетели вверх тормашками. Тут же среди них вспухло два дымных цветка минометных попаданий, картечь выстригла длинные и короткие лепестки в растительном месиве. Желтому экзу, не смотря на его тяжесть, посчастливилось больше остальных – ударом хвоста его отшвырнуло в нашу сторону, убирая из-под бьющейся твари и из области накрытия минометами.

– Всем оставаться на позициях! – рявкнул я, поднимаясь.

Схватив протянутую бухту троса, я рванул вниз по склону, и через пару секунд желтое поле проглотило меня. Видимость пропала, но двигался я не вслепую – бортовая система запомнила выданные ориентиры, и я шел «по приборам», стараясь не проламываться сквозь растения, а проходить между ними. Шипастые шарообразные алые плоды стучали по шлему и груди, лопаясь и выпуская из разошедшейся кожуры багровую мякоть, наполненную судорожно корчащимися мелкими белыми червями. Каждый такой плод – целый мир. А я давлю и давлю их всмятку стальными подошвами…

Круто остановившись, я позволил промчаться перед собой сначала воющему беглецу, а затем и его преследователю. Догнав убегающего парой прыжков, Кевин одним тычком повалил его на землю, столь же сильным рывком поднял забрало его шлема, нанес нокаутирующий удар стальным кулаком в переносицу и, едва противник обмяк, наклонился к его лицу, одновременно поднимая свое забрало. Я еще успел увидеть вылезающие из приоткрытого черного рта желтые полупрозрачные побеги, что легко вошли в рот и нос жертвы, оплели лицо и потянулись к ушам. А затем интимная романтическая сцена осталась позади, а я, мудро не став приближаться к эпицентру событий, свернул в сторону и… с размаху налетел на украшенную матерчатым синим плащом стальную спину экза. Вот ведь тупой ушлепок! И я не про дебильный плащ, а про тот немыслимый факт, что после падения боец в экзе даже не подумал сменить позицию, продолжая сидеть в выбитой им яме и прочищая забрало от налипших на него червей и сочной мякоти.

Первым делом я завел руку за его шею и рванул на себя, опрокидывая не на спину, а на бок. Я не настолько кретин, чтобы лезть к лежащему на спине боеспособному экзу – ведь он видит цель и может наносить удары. Накинув петлю троса ему на руку, я тычком перевернул экза на живот, позволил ему подняться на выпрямленных руках, тут же проведя вокруг тросом и только затем рванув его на себя. Завыли сервоприводы, враг попытался не дать мне притянуть руки к туловищу, но мое Шило оказалось сильнее. Следующим ударом в затылок я вбил его харей в землю и занялся ногами – которыми он даже и не попытался воспользоваться. Как только враг оказался обездвижен, я зачерпнул замешанной на кровавой мякоти землицы, щедро намазал ему на забрало и добавил еще пару витков троса вокруг рук и ног, исчерпав весь остаток. Кончено, будь у него пространство для размаха – он бы мог попытаться разорвать путы. Хотя с этой моделью… сомнительно. Заметив короткое движение,

я отскочил. Харкнувшие дробовики выплюнули землю и картечь. Клешня сомкнулась впустую, не поймав мою щиколотку. С визгом врубилась пила, цепь буксанула, но тут же начала пилить один из витков троса. Вскинув руку, я несколькими выстрелами перешиб цепь, после чего схватился за петлю на его шее и рванул прочь, стремительно уходя от надвигающейся на меня высокой пламенной стены – начался пожар.

Я успел протащить живой трофей почти до самого холма, когда включился его наружный динамик, подавший в пространство дикий женский вопль на полной мощности:

– Непримиримые! Меня взяли в план! Отбейте! Отбейте! Бравые усачи! Отбейте меня! Желтая Оса призывает вас!

Кого ты призываешь, дура? Они там – в сердце огня, накрываемые минометными залпами, нихрена не понимающие, дезориентированные. Нет, тут я солгал – кое-что они все же понимают. Они уже поняли, что этот раунд остался не за ними.

У подножия холма меня встретил десяток бойцов во главе с Рэком. Не пытаясь прикрыть меня – сразу бы получили пинков за такую тупость, ведь я в экзе, а они в кирасах – бойцы побежали за мной, держа на прицеле пролом в горящем поле. Обогнув холм и укрывшись за его боком, я бросил желтого экза на землю и глянул на Рэка:

– Вот тебе ракушка. Выковыривай. Живьем!

– Живьем? – разочарованно сморщился орк. – Понял.

– Зови Рокса. Первым делом добавьте тросов, а следом ищите и вынимайте батарею. Модель экза боевая, бронезаслонку энергоотсека так просто не открыть, так что готовьте сварку.

– Сделаем.

– И мне запасную батарею подтащи.

– Есть!

Поднявшись на прежнюю позицию, я улегся и с высоты изучил происходящее.

М-да…

Пестрый же у них состав. Кто-то трус и давно убегает – вон их стальные жопы уже мчат по дороге параллельно полыхающему полю. Кто-то же невероятно храбр – или тупо фанатичен. Эти продолжают сквозь огонь и дым двигаться к холму. Среди них одна из тварей. Вторая… та, что получила бронебойную пуля – а скорей всего, уже и не одну – продолжала жить, кувыркаясь, теряя лапы, ломая панцирь и делая все это на одном и том же месте. Ее быстро прожаривало жадное пламя, с поля поднимался вибрирующий тонкий крик.

Ударил бронебой. Та тварь, что еще сохранила мобильность, получила дыру в спине и, замерев на месте, вдруг мелко-мелко

затряслась, одновременно заполняя воздух протяжным ревом боли. Ударило еще два бронебоя, один из шагающих за тварью врагов упал на колено, чуть задумчиво постоял в этой позе и рухнул башкой вперед.

Остатки штурмующих вскинули оружие и бездарно нашпиговали пулями тушу холма. Хотя… заметив, как один из них вскинул на плечо такую знакомую трубу, я рявкнул:

– Лечь!

С хлопком и последующим шелестом к нам устремилась смерть. Секунда… и гребень в двадцати метрах от меня скрылся в шапке взрыва. С криком боли покатился вниз один гоблин, а второй замер в неподвижности среди посеченной травы.

– С-су-у-ука! – прошипел один из звена Гиппо, зажимая левое предплечье.

Снова заговорившие бронебои уложили еще двоих, и только затем уцелевший противник развернулся и начал уходить. Вот только двигаться сквозь пламя они не могли и тяжело побежали к дороге, подставляя нам свои бока. Их всех шутя можно завалить, но…

– Прекратить огонь! – приказал я, поднимаясь. – Бронебои! Сосредоточить огонь по твари! Добить!

– Лид!

– Да? – я повернулся к Каппе.

– Трофеи собрать?

– Они не наши. – усмехнулся я, указывая мечнику на вторую дорогу, куда выломившийся из горящих зарослей Кевин только что сбросил еще два обмякших подергивающихся тела.

– Понял.

– Обалдеть. – заметил подскочивший Тигр. – А они за нас?

– Время покажет. – буркнул я. – Давай вперед, котяра. Направление – пещеры Мрака. А они где-то вон там. – мой палец указал на виднеющиеся за холмами скалы.

– Выступаем.

– И поживей. Остальные! Выдвигаемся следом! – крикнул я. – Что там по потерям?

Доклад мне дала Кассандра.

– Трое погибших, четверо легкораненых.

– Дерьмо. – поморщился я. – На платформы их.

– И трупы?

– Своих не бросаем, а хороним. Живее! Живее, гоблины!

Бросив с холма последний взгляд на продолжающего «лобызаться» с пленниками развратного Кевина, я побежал вниз, на ходу сцапав запасную батарею. Отрывистыми приказами ускорив и без того не теряющих временя зря гоблинов, я мазнул

взглядом по задней части платформы, груженой ранеными. Вот и первые потери. Рановато они начались. А ведь пополнения здесь нам можно не ждать.

Шагая рядом с первой платформой, что тащила на себе отвоевавшегося Гиппо, я потратил несколько минут, со скрытым одобрением наблюдая за суетой его «личных» гоблинов. Бойцы Сэбл справлялись отлично. Действовали слажено, каждый четко знал свои обязанности и не мешал остальным. Быстро меняли боезапас, осматривали миномет, чистили бронебой, проверяли каждое сочленение экзоскелета, а заодно пополняли смазочные порошки и меняли батареи. Развернутые лепестки солнечных батарей девственно чисты, чтобы ни одна пылинка не мешала сбору скудной энергии. В ячеистых картриджах торчат заряжающиеся батареи, пук проводов тянется от платформы к багги, где в свою очередь энергию жадно глотает сама багги. Мощности солнечных батарей не хватит. Скоро нам придется остановиться и довольно на длительный срок. И надо постараться, чтобы энергетический голод застал нас как можно ближе к пещерам Мрака. А желательно – впритык к ним.

Ненадолго приостановившись, я сменил батарею, бросив частично опустевшую одному из платформных гоблинов, взамен приняв несколько магазинов для автомата. С лязгом на платформу запрыгнула глефа, со щелчком открылось забрало, показывая бледное лицо Баска. Усевшись, он подрубил к стальной жопе один из кабелей, удостоверился в том, что начали поступать живительных крохи энергии и «вскрылся». Выбравшись, уселся у раскрытой спины экзоскелета и занялся разборкой и осмотром штурмовой винтовки. На меня гоблин из жопы мира внимания не обращал, будучи полностью поглощен делом. Следующим к нему забрался Каппа и повторил все процедуры.

Разумно. А я, пожалуй, чуть отстану и усядусь на вторую платформу. Полюбуюсь на то, как Рэк пытается выковырять «моллюска» из желтой «раковины». Но сначала…

В несколько шагов оказавшись рядом с отдыхающим неполным звеном разведчиков умотавшегося вперед Тигра, я показал на тянущийся рядом с нами длиннющий засаженный чаем холм и велел:

– Вы трое. Поднимитесь почти до гребня. Так, чтобы над вершиной едва-едва макушки торчали и можно было видеть, что там с той стороны. Поняли?

– Поняли. – за всех ответила налысо бритая мускулистая деваха. – Разведка?

– Верно. Чуть что – доклад.

– Есть!

Тройка развернулась и рванула вверх по склону, с легкостью таща на загривках рюкзаки. Дальше я не наблюдал, зная, что сделают все как надо. О тыле и другом фланге я не беспокоился – все просматривалось отлично, тут нет этих высоких зарослей. И сзади их уже нет – черный дым начал редеть, стало быть, сожжено все, что могло гореть. Ну или крестьяне обладают навыками по тушению столь больших по площади пожаров. Спереди бегут тигры и от взора этих кошек мало что может ускользнуть. А еще нас прикрывает Кевин. Я не упустил из виду замелькавшие в его светящихся глазах огоньки чего-то, что вполне можно было назвать радостью.

Мальчика Кевина наконец-то выписали из больницы и разрешили ему поиграть…

Рад ли мальчик Кевин такому счастью?

О да… мальчик Кевин очень и очень рад. И будет рад близко познакомиться и подружиться с другими детками этого славного мира…

Смешно, но, кажется, впервые в этом Мире Монстров появился настоящий монстр… и привез его сюда я.

* * *

Вынужденную остановку мы сделали в наиболее подходящем под наши невеликие нужды месте. Тут была небольшая скалистая стена с земляной шапкой, поросшей молодым лесом, что защищала с одной стороны, одновременно служа хорошо прикрытым наблюдательным пунктом. На ней я и обосновался, «вылупившись» из железной скорлупы экза. Улегшись рядом с ним, я вооружился бутербродом и биноклем, после чего принялся задумчиво обозревать окрестности, в то время как у подножия холма большая часть бойцов по приказу залегла в сон, а дежурный десяток озаботился копкой могил. У одной из платформ мрачно расхаживал Рокс – одно из колес начало клинить, и он никак не мог понять почему, ведь, по его словам, клинить там «тупо нечему». Но колесо клинило. Для многоколесной конструкции это не критично, но Рокс все же решил разобраться. Пошурудив где-то между колесами, он дернул и… выдвинул на себя здоровенный такой ящик, заполненный всякой технической ерундой.

– Мать вашу! – вырвалось у меня, когда я увидел этот здоровенный, сука, багажник, куда бы я мог влегкую запихнуть пару бойцов без снаряги. – Дерьмо!

Вот, сука. налицо одна из неявных, но невероятно больших

проблем почти в любом воинском соединении.

Вот почему действительно стоящий командир должен разбираться не только в своей области, но также назубок знать всю техническую информацию по любой приписанной к его соединению технике!

Рокс прямо наглядно это продемонстрировал, хотя и не подозревал об этом. А таких багажников как минимум по паре в каждой платформе – плюс восемь бойцов! Хрен бы система пробила своими сканерами сквозь сталь корпуса платформ.

И нет, проблема не в численности отряда – нас хватает. Если грамотно использовать неплохо обученное мясо, то поставленная мной самим боевая задача вполне выполнима – при оценке на текущий момент. Хер его знает, что там за тварь такая страшная засела в этих пещерах Мрака.

Проблема в том, что я не знал об этих ящиках. Чего еще я не знаю? Как много упускаю? Где мы неосознанно действуем вполсилы, не зная о своих преимуществах?

Причина подобной неосведомленности – непростительной для любого командира – в спешке. Мы бежим, летим, ползем, на ходу осваивая новые подарки системы и награбленные трофеи. Я тупо не успеваю досконально разобраться и изучить.

Замедлиться? Остановиться?

Может быть, и так. Впервые в моей усталой голове эта мысль задержалась дольше пары секунд. Да, я по-прежнему рвусь вперед. Но одновременно с этим накапливается немалый такой холм нерешенных проблем, незалеченных толком болячек, не изученных тонкостей и прочих мелочей. Однажды этот холм станет слишком высоким и обрушится мне прямо на затылок настоящим валом последствий.

– Ладно. – процедил я, с неохотой соглашаясь с рациональным требованием моего полустертого амносом сознания. – Ладно… вот закончим здесь – и, может, возьмем паузу на потрахушки и потягушки. Сразу после мира Монстров. Ладно…

Неспешно двигающегося по дороге одинокого велосипедиста с флагом за спиной я заметил первым. Тигры отсыпались – после подобных выматывающих побегушек на них нападала сонливость, и зверолюдам требовалось перехватить хотя бы час сна, чтобы прийти в себя. И вообще спали они куда больше обычных гоблинов. Мне хватало пяти-шести часам. А вот тиграм уже никак не меньше десяти – в спокойные мирные дни. Впору почувствовать свое превосходство, но меня переплюнул Хван, которому вообще было достаточно пары часов в сутки. Такое впечатление, что за него спала вторая его голова – сокрытая где-

то внутри нервной системы его хитинового тела. Хотя иногда богомол, когда от него не требовалось действий, мог улечься и неподвижно пролежать почти сутки.

Велосипедист…

За спиной высокий шест, на нем закреплен белый флаг. Мускулистые черные руки крепко держат руль. Лицо спокойно сосредоточенное, длинные усы служат нехилым фильтром для ноздрей и неплохо собирают всю стекающую с потных щек флагу. Бровей вообще нет – сбриты начисто, как и волосы.

Убрав бинокль, я вытянул на руки с крепление неподвижного экза мой неузнаваемо преобразившийся игстрел. Раньше оружие походило на дистрофичную дощечку, а теперь это настоящий монстр, раздутый, не слишком удобный, но при этом вобравший в себя немало функций. А после последней модернизации, когда я умудрился впихнуть в него детали от разобранного гибрида Мурроса, позаимствовав несколько блоков, мой игстрел стал еще мощней.

Стоило внутренней электронике опознать ладонь хозяина, у меня в глазах всплыл красный поплавок прицела. Так, несколько алых дрожащих меток, что сходились и расходились в такт моему дыханию, вибрируя при каждом ударе сердца. По идее надо бы успокоиться, наладить дыхание и сердцебиение, но на плевой дистанции в четыреста метров…

Игстрел звонко щелкнул, выплевывая из дополнительного удлиненного ствола тяжелую иглу.

Велосипедист схватился за шею и завалился. Полежав чуток, он вскочил и бросился бежать.

– Хорошая у тебя аптечка. – заметил я, всаживая ему следующую иглу под левую лопатку.

Крутнувшись, несостоявшийся парламентер упал и забился на укатанном грунте. Хорошенько прицелившись, я вбил ему иглу в затылок и отложил игстрел. Ну вот… теперь придется жевать бутерброд с ветчиной под лицезрение его нескончаемо долгой агонии, продленной продолжающей работать аптечкой. А под ветчину, если честно, лучше наблюдать за тем, как океан нагоняет шипящие волны на берег. А вот под бутер с острым сыром можно и видом чужой агонии насладиться. Еще она неплоха под крекеры с креветочным пюре.

Я успел дожевать здоровенный бутерброд до того, как за слабо дергающимся чернокожим пришли его столь же усатые, но при этом бронированные собратья, скрывающиеся за солидных размером стальным щитом. Колотить иглами о сталь я не стал, заодно дав отмашку напрягшимся бойцам, велел им и дальше отдыхать. Влезший на холм Каппа улегся рядом, осторожно отвел

в сторону еловую лапу, не став ломать ветку и молча уставился на противника, заодно в своем бесстрастном стиле сообщив:

– Стив очень хочет исповедоваться – его слова. Рэк выковырял усатую девку из экза.

– Ясно. – вздохнул я. – Башку не поднимай и бойся снайперов. И приглядывай за теми ушлепками.

– Готовят атаку?

– Не. – качнул я головой, вставляя игстрел обратно в наручные держатели экза и готовясь нырнуть в стальную оболочку. – Тут один достаточно небольшой отряд придурков. Вон за тем пригорком в километре отсюда спрятались. Нам бы один беспилотник с хорошей камерой… Приглядывай. Если пошлют еще одного дебила с белым флагом – пристрели. В остальном – просто ждем.

– И чего?

– Кевина. – усмехнулся я, произнося эти слова уже через динамики активированного Шила. – Кевина. Пусть столкнутся с неведомым. Пусть это неведомое пожрет и поранит их. Обессилит, поселит заразу в их рядах.

– Мудро… я запомнил, командир.

Спустившись, я чуть помедлил на полушаге, выбирая одно из направлений, и решил все же в пользу выковырянной пчелы или как ее там.

– Здравствуй, сука из желтого экза, – кивнул я распластанной девке в черном топе и такого же цвета шортах. Запястья и щиколотки связаны, ноздри окровавлены. В двух шагах от нее, на куске пластика, лежали пояс с ножом, сморщенное желтое яблок и граната с намалеванным белым черепом со скрещенными костьми.

Девка промолчала и попыталась еще плотней сжать бедра. Заметив это, я ее немного успокоил:

– Мы тебя искалечим и убьем, но насиловать не станем.

– Да у кого встанет на такую? – заухал сидящий на трофейном экзе орк. – Ты ее усы видел, командир? И не отпадают – я дергал.

– Дерьмоед! – оскалилась на него пленная. – Себе подергай! Если нащупаешь!

К моему удивлению на этот раз орк сумел промолчать, удержав пасть на привязи. Странное его молчание было понятным – Рэк поглаживал и поглаживал пока еще чужой желтый экз, пахнущий не мужиком, а яблоками и женским потом.

Усы же…

Верхнюю губу пленницы украшала широкая и длинная жесткая щетка усов. Брови сбриты. Высоко выбриты бока и

затылок. Эта «пчелка» выглядит боевито – и не только за счет усов и мужской прически. Она мускулиста. И эта не слишком массивная мускулатура очень характерна – она тягает тяжести, наверняка на регулярной основе, изнемогая под придавливающим весом штанг. Четко очерченный пресс, никакого лишнего жирка, умные глаза фанатично горят, а губы презрительно кривятся. Но при всей своей смелости она боится быть изнасилованной. Но какая баба такого не испугается? Тем более если она боец, что привыкла доказывать свое право на владение экзом… и усами.

– Ты офицер Непримиримых – подвел я итог своего пристального и чуть ли не медицинского осмотра, опустив экза на колено и «вскрывшись».

– Я воин!

– Баба с усами, – насмешливо скривил губы орк. – Дура тупая. А че сиськи не отрезала тогда?

– Я воин! – повторила пленница. – Я готова умереть за родину!

– И умрешь. – равнодушно кивнул я. – У тебя нет других вариантов, воин.

Ее глаза дрогнули. Испуганно расширились, когда она поняла, что я не лгу, что вот он конец. Секунда… другая… и она предприняла безнадежную попытку:

– Обмен пленными разумен.

– Наших в плен не брали. – еще более равнодушно пожал я плечами.

– Но еще возьмут! Священная война только началась! Главные битвы впереди! Кого-то из ваших ранят – может быть, даже тебя, того, кто так мастерски управляется с экзоскелетом. Даже тебе не может всегда улыбаться удача. Если тебя контузят и возьмут в плен – ты будешь рад возможности обменять свою жизнь на мою! Видишь мои усы? Я высока в ранге!

Я рассмеялся:

– Священная война? Ты на самом деле дура. Мы пришли сюда по очень простой причине – нас послала система. Послала найти источник дикой неконтролируемой эволюции. Послала найти ублюдочных мясников, что убивают мирных жителей и похищают их трупы. Нет никакой священной войны.

– Не мы сами встали на этот вынужденный кровавый и жестокий путь! Голод! Безнадежность! Грядущее вымирание! Вот что толкнуло нас, умелый воин! А ты действительно умел – тебе пойдут усы! Большие, пышные! С гордо закрученными вверх кончиками!

– Охренеть. – пробулькал Рэк.

– Это не я умел, – качнул я головой, – а ты плоха в

обращении с боевыми механизмами. Уверен, что вы взяли этот экз как трофей. Взяли там, во внешнем мире – слишком уж он ново выглядит, чтобы пробыть здесь десятилетия.

– Верно! И что с того? Я сама захватила этот трофей! В честном бою!

– Ну да… честный бой – это когда твоя жопа покоится на спине гигантского насекомого, что представляет собой настоящий комбайн смерти?

– Что с того?! Это война! У вас все – а у нас лишь измененные, что тоже хотят жить!

– А то, что ты была там, наверху. – произнес я. – Ты убивала мирных гражданских. Ты умрешь, воин Непримиримых. Сначала тебя будут пытать. А потом… если ты расскажешь что-то полезное, то ты заслужишь смерть.

Ее губы дрогнули… подбородок задрожал. Как же сильно в ней сейчас бьются гордость и инстинкт выживания. Как сильно эти противоположные чувства сейчас грызут друг друга. Ей хочется скорчиться и начать умолять меня – пощади, пощади! Что угодно, только не убивай! Трахайте меня скопом, сделайте отрядной вечной шлюхой, но только не убивайте! Наши инстинкты настолько сильны, что не каждый сможет их обуздать. Но эта «Пчелка» сумела. Гордо сжала губы, вскинула голову, расправила плечи, нахмурила выбритые брови и с мрачным вызовом облизала искусственные усы:

– Значит, я умру!

– Если заслужишь. – повторил я.

До нее наконец-то дошло:

– А есть что-то хуже?

– Поверь мне, – улыбнулся я, – есть. У тебя все шансы очень скоро начать биться на нашей стороне… воин…

– Этого не будет!

Встав, я глянул на Рэка и велел:

– Пусть расскажет все, что знает. Численность, количество экзов и боевых тварей, как далеко до их города, что с вооружением, каким транспортом обладают. Весь стандартный набор, короче.

– Будет врать. – заметил Рэк.

– Ага. – безмятежно подтвердил я, уже не глядя на пленницу. – Наверняка будет. Но мы потом поймаем еще пару языков и расспросим их тоже. Действуй. И относись к ней как к настоящему мужику – будь пожестче.

– С радостью!

– Не троньте усы. – тихо попросила девка.

– Да всем срать на твои усы. – буркнул я и двинулся прочь. –

Оттащи ее к той рощице, там и потроши. Руки-ноги не отрубай, не убивай. Мы оставим ее для Кевина.

– Кто такой Кевин? – крикнула пленница.

– Понял, лид!

– Кто такой, сука, Кевин?! – она провыла это уже в движении, в то время как орк тащил ее за ногу к дальней роще.

Дважды щелкнула винтовка. Тут же последовал доклад от Каппы:

– Еще одного пристрелил, командир.

– Парламентер? – уточнил я, успокаивающе маша ладонью вскинувшимся бойцам.

– Он самый. Белая как молоко. Высокая и усатая.

– Сначала черный. Теперь белая. Они тупые, но толерантные, – усмехнулся я.

Еще пара шагов, и я остановился рядом с тихо повизгивающим Стивом, что был примотан к высокому колесу грузовой платформы. Беззвучно дрожали рукояти вбитых в его бедра шил – я насчитал восемь. Еще по две рукояти торчали из его неподвижных плеч, засев где-то в суставах. Сидящая рядом на пустом ящике из-под боеприпасов Кассандра аккуратно затачивала край черпала обычной ложки. Часто сглатывающий зверолюд никак не мог оторвать завороженного взгляда от ее размеренных движений.

– Выну глаз сученку. – пояснила мне пифия, и на ее порозовевших щеках заплескали крылышками разноцветные яркие мотыльки. Черную жирную бабочку я заметил на ее шее – она боязливо выглядывала из-за высокого кольчужного воротника.

– Вынь, вынь. – покивал я, усаживаясь рядом. – Ты очень радостна.

– Перехватила полчаса. Может, чуток больше. Спала мертвым спокойным сном. – широко улыбнулась Кассандра. – Никаких видений! Никакого присутствия в холодильнике с разлагающимися трупами…

– Уже неплохо.

– Я снова становлюсь собой… и это прекрасно. Хотя уже скучаю по Угольку.

– И этот, вижу, дозрел?

– Я дозрел! Я, сука, прямо самый дозрелый! – захрипел Стив, боясь шевельнуться. – Эти шила воткнули зря! И без того я уже был готов рассказать всю подноготную! Все, что знаю и помню!

– Начинай.

– Спасибо! Спасибо, что хочешь выслушать! Так вот… я Стив. Родился я давным-давно в гребаном Зомб…

– Стоп. – я удивленно поднял ладонь. – Че за хрень ты несешь, псина?

– Рассказываю все, как есть, – удивленно вякнул зверолюд. – Всю свою биографию…

– Да в жопу твою биографию, кретин. Ты правда решил, что вот сейчас, пока за холмом стреляют, а мы пытаемся подзарядиться от хренового солнца, я буду сидеть и слушать про твои скучные будни? Может, еще про свой первый сексуальный опыт расскажешь? Каким там способом бурили тебе жопу и как долго длилось веселье? А?

– Э… ну… не понял что-то я…

– Ты хитрожопый ушлепок. Ты пронырливый. И прекрасно понимаешь, что ради выживания в суровом мире надо либо уметь шустро подлизать нужную жопу, либо сохранить язык от чужого жопного аромата, но тогда придется жить вечным бродягой. Так ты и жил долгие годы, скитаясь по Чистой Тропе. Но раз ты умудрился выживать так долго – значит, понимаешь, что знание ситуации и знакомство с сильными мира всегда подарят дополнительные шансы на жизнь.

– Это так…

– Значит, без дела в той клетке в городке Приветливом ты не сидел. Терпеливые пихали в тебя со всех сторон огромную морковку, а ты, млея от кайфа, рассказывал им о внешнем мире, не забывая и сам задавать вопросы. Так?

– В-верно…

– Вот и рассказывай. Все, что ты узнал о Непримиримых. Не придумывай. Не додумывай. Просто выблюй нам свои недавние воспоминания как есть.

– Так вот что ты хотел знать. А я думал ты про мое прошлое…

– Расскажешь позже. Сжато и по пути.

– А я-то уж столько всего из старого припомнил…

– Начинай! – рявкнула Кассандра, полоснув отточенной боковиной ложки по шерстистой щеке зверолюда.

– А-А-А-А-А-А-А-А-А…

– Начинай!

– Да! Да! Уже начал! Начал я!

Тряхнув головой, сбрасывая с намокшей шерсти тяжелые капли крови, Стив торопливо заговорил, вытаскивая из башки все, что он успел узнать о Непримиримых. Кое-что я уже знал, кое о чем слышал впервые. Неподалеку заходилась криком терзаемая орком пленница, испортив своим поведением отдых бойцам. Хотя самые непрошибаемые продолжали спать, торопясь восстановить потраченные силы.

Болтать Стив закончил минут через двадцать. Следом

замолкла и «Пчела», а от рощи тяжело зашагал Рэк, утирая окровавленное лицо и волоча за собой обмякшее голое тело, оставляющее мокрый след на иссохшей земле.

Разжевав еще одну горькую таблетку, я запил ее коктейлем из шизы и энергетика, пополнил внутренний термос экза компотом и дал отмашку:

– Подъем, гоблины! Подъем! Выступаем через пять минут!

Бегом спустился с холма Каппа, тяжело бухая стальными ногами глефы. Затормозив рядом, он доложил:

– Тихо и пусто. Отступили назад. В той и той стороне, – мечник дважды ткнул рукой в сторону, откуда мы сюда явились, – появились столбы дыма. Пожар. И какая-то нехорошая для местных заваруха. Мое предположение – Кевин нанес визит в два небольших хутора рядом с городом. И это заставило подошедший к нам отряд поторопиться на спасение гражданских. Мы снова сами по себе, лид.

– Зомби веселятся, а гоблины дрыхнут и жопы чешут. – проворчал я. – Поторопи остальных.

– Что делать с девкой, командир?

Глянув на орка и на изрезанное женское тело у его ног, я ткнул в одну из тощих березок на холме:

– Привяжи так, чтобы ее видно было. Пусть Кевин и Непримиримые сыграют в лотерею. Кто первым увидит – того и приз.

– Есть!

– Закидывай желтый экз на платформу. И сразу ко мне на доклад.

– Ага!

– А с этим что делать? – вытащив последнее шило из обмякшего Стива, Кассандра вопросительно уставилась на меня.

– Тоже на платформу. Эй! Псина! Готовь сочинение на тему «Как я был трахнутым сурвером и почему я ушел в отрыв».

– А-аг-га… прямо моя любимая тема. С-спасибо за проявленный интерес, командир…

– Я тебе не командир.

– А я готов! Готов воевать под тобой!

– Воевать подо мной? Нет уж, мохнатый. Тут ты мимо.

– Да я не про это! Я…

– Заткнись пока. И думай над сочинением. Бойцы! Ускоряемся! Следующие двадцать километров в бодром темпе! Приказа на обед не ждать. Жуем и пьем на ходу. Хотите срать? Не проблема! Висните на платформе, раскорячиваетесь – и удобряете дорогу! Никому не отставать. В поля с высокими посадками не заходить, держаться центра дороги, оружие держать наготове!

Стрелять на любой, сука, шорох! Не раздумывать, не приглядываться – сразу стрелять! И мне плевать, кто там шуршит в полях – боевая подкрадывающаяся тварь или тупой любопытный крестьянин. Повторю – никому не отставать! Держаться сплоченно! Всем все ясно?!

– ТАК ТОЧНО!

– Выполнять!

Одновременно с шумом заработавших моторов в движение пришел весь отряд, плотным ядром устремившись по дороге, что вела нас все ближе к безжизненным скалам. Стремительно уходила в отрыв пятерка разведчиков с Тигром во главе. Вторая кошка уводила еще одну пятерку влево – правильно поняв мой жест и отправившись на гребни тянущихся сбоку холмов, чтобы проверить нет ли засады. А для них сейчас самое оно. Если противник грамотен в обороне, то на первую неприятность мы должны наткнуться в ближайшее время. И даже действия Кевина не смогут этому помешать – рыцарь-зомбак оттянет и уже оттянул на себя немало вражеских сил, но даже он не сможет заставить Непримиримых забыть про действующий на их территории боевой отряд чужаков.

– И поглядывайте в небо! – рявкнул я в динамик, мельком глянув на облезлый серо-синий небосвод. – Шустрее, шустрее, гоблины! Баск!

– Да?

– Давай на фланг за разведчиками. Держись поодаль, чтобы не выдавать шумом. Но будь готов поддержать огнем, если потребуется.

– Понял, командир!

Развернувшаяся глефа утопала за умчавшимися разведчиками, а я подпрыгнул и с лязгом приземлил стальную жопу рядом с открытой спиной желтого экзоскелета, с интересом заглянул внутрь, одновременно велев орку:

– Излагай. Не думай, не додумывай, просто блюй словесно мне в уши.

– Это я с радостью!

– Я тоже уже готов, командир! – робко вякнул лежащий на боку зверолюд, слизывая с губ кровь. – Сочинение на пять баллов!

– Завались, скунс! – взвился орк, показав Стиву кулак со сбитыми костяшками.

– Жду… жду… и молчу…

Сплюнув, орк окинул небо быстрым цепким взглядом, подтащил к себе поближе автомат и только затем заговорил, рассказывая все, что поведала ему усатая гордая девка. Я внимательно слушал, привычно отфильтровывая не несущие

полезной информации выражения вроде «сучье вымя», «тощежопая», «высранная зомбаками сука» и прочие. Рэк не скрывал своего намертво въевшегося в ДНК жестко пренебрежительного отношения к женщинам. Он терпимо к ним относился только в одном случае – если они были шлюхами в борделе. Пытаться исправить его натуру я не собирался. У каждого из нас своя застарелая боль в башке, порождающая не только наши фобии и пристрастия, но и саму нашу личность как таковую. Я подумал что-то умное? Или наркота опять пискляво заявила о себе?

У Рэка ушло десять минут на доклад и еще одна секунда на то, чтобы дать в рыло попытавшемуся влезть в его монолог Стиву. Поперхнувшись, зверолюд облизал разбитые губы и затих, обиженно поблескивая глазенками. Странные все-таки эти… гоблины, как кожаные, так и шерстяные. Сначала не хотят ни о чем говорить, скрывают до последнего, а потом, когда ненадолго наступишь им на глотку, подержишь так, а затем уберешь ботинок… их начинает аж рвать на части от желания без утайки исповедаться. А если ты не торопишься послушать их захлебывающуюся болтовню – горько обижаются.

За это время я успел многое. Выдрал из нутра желтого экза все лишнее и навешанное там только ради красоты – какие-то браслетики, ниточки, рисунки, плетеные сеточки из проводов… Отыскал и бросил на платформу пару мешочков с арахисом – судя по запаху сладкий и острый. Как же гоблины любят превращать боевые механизмы в обжитой дом! Права они, что ли, свои тем самым заявляют на экзоскелет? Типа, если я, мол, повесила сюда красную гирлянду и спрятала мешочек орехов за техническим лючком – то это моя нора, моя земля, моя территория и пошли все нахер! Так, что ли? Не для уюта же это все.

В ком-то из нас живет убийца.

А в ком-то обитает сраная белка.

Убедившись, что лишнего не осталось – не считая подсыхающих потоков пота, крови и чутка рвоты – я принялся за вскрытие внутренних панелей, обнажая электронную начинку и часть сервоприводов. Покинувший место водителя и перебравшийся ко мне Рокс воткнул в гнезда штекеры тестеров и присел в паре шагов, деловито подтащив к себе ногой мешочки с арахисом. Хрустя орешками, старый механик задумчиво глядел на экраны приборов, приткнувшийся за его спиной один из бойцов звена Гиппо, получивший передышку, смотрел туда же, давая тихие комментарии и подворовывая орешки подыхающей на березе тупой усатой девки.

Не выдержав, я поинтересовался:

– А если это ее последняя месть?

– М? – оба жующих удивленно вскинули на меня головы.

– Если она зарядила в орешки отраву и спрятала эти сраные мешочки как раз на такой вот случай – когда она мертва, а ее экз как трофей достался жадным до орешков врагам. Универсальное ведь лакомством – всем по душе.

– Ну вы дебилы! – проворчал Рэк, осуждающе глядя на лакомок.

– Они гостей не ждали. – пожал плечами Рокс и закинул в пасть еще горсть орешков. – Ух хорошо… пробирает…

– Пробирает. – подтявкнул сидящий за его спиной боец. – Но я больше по сладким.

Вздохнув, я покачал головой и выдрал из экза еще одну упущенную ранее тряпичную тесемку.

– Так вот… – закончил не затыкавшийся все это время Рэк, прекрасно знающий, что я слышал каждое его слово. – Нам все это заковыристое дерьмо только на пользу, да, лид?

– Да. – подтвердил я, припоминая рассказы остальных. – Нам это только на пользу. Ладно, орк. Подсаживай жопу к Роксу и помогай. Заодно осваивайся с техникой – отныне это часть твоего тела.

Не скрывая радости, орк одним прыжком переместился на пару метров, приземлившись на корточки рядом с механиком и тут же запустив лапу в один из мешочков с арахисом, злобно заорав на топающего рядом с платформой чуть косоглазого бойца:

– Не тянись к орехам, сука! Это для экзоводов! Нам мозги питать надо!

Боец испуганно отдернул лапу, огорченно вздохнул и ускорился, поравнявшись со мной. По его глядящим мимо меня глазам я понял, что у него созрел важный вопрос.

– Говори, гоблин.

– Лид Оди… в чем сила?

– О чем ты?

– Ну… я вот раньше добросом был. Кроликов выращивал. Ну – в этом мире. А до этого… ну… судя по приходам моим наркоприливным… раньше я тоже кроликов выращивал. В той прежней жизни.

– И что?

– Потому и бросил со злости это дело – кроликов растить. Разбил клетки и ушел из деревни.

– Жуй сопли быстрее, гоблин.

– Там мыкался… здесь мыкался, – заторопился мужичок,

поднимая забрало и торопливо вытирая пот по моим заветам нашитой на рукав мягкой и хорошо впитывающей губчатой черной лентой. – Сюда вот попал почти случайно. Себя постарался показать, как следует. И вот я здесь – в Мире Монстров!

– И что?

– А теперь… хлебнув кровушки… наглядевшись на мясо развороченное… я уже и думаю, что пора бы на покой – если выживу, конечно. И вот думаю на покое кроликов агликанских разводить… пушистые, жирные… ну… выгодно, одним словом. И глаза радуются на их мордочки сытые глядючи.

– Я уже на грани, гоблин.

– Так это! Вот почему я такой? Такой… бессильный, что ли? Ты вот – легенда! Скоро горы ворочать начнешь! А я как жопой не крути – все рядом с кроликами оказываюсь. И мысли мои лишь о кроликах… Почему одни люди монстров валят одной левой, а другие лишь кроликам глотки резать способны? Почему я кроличье дерьмо убираю, а ты с Высшими на равных… и даже, может, того ее… или ты наверняка ее того… придавил раз восемь… хотя может, она сверху была… и я…

– Эй! К сути!

– В чем сила?! Ты идешь и идешь вперед. А я… я больше оглядываюсь назад… и хочу уже назад… к кроликам. Но я бы тоже хотел быть таким как ты! Вот и скажи мне – может, есть какой секрет, лид Оди? В чем сила? Или просто родиться надо под нужной звездой? А? Расскажи!

– Рассказать… – усмехнулся я и, порывшись в одном из карманов разгрузки, вытащил и показал гоблину толстенную плитку черного шоколада с изюмом и орехами. – Выбирай. Мой рассказ… или шоколадку. Но только что-то одно.

– Да что тут думать, командир! Беру шоколад!

– Держи.

Схватив плитку, гоблин резко замедлился и отстал, жадно пихая в рот бодрящую и сладкую энергетическую подпитку. Один из даров Высшей – целый ящик различного шоколада.

– Можно уже рассказывать? – связанный зверолюд Стив с оханьем подобрался ко мне чуть ближе. – Я жажду опростаться…

– Хочешь срать?

– Да нет! Душевно опростаться! Считай, жизнь свою обсказать желаю…

– Ты! – я ткнул пальцем в бойца рядом с водителем, а затем перевел палец на Стива. – Развяжи его, снабди перевязкой и лекарствами, дай жратвы, питья и кирасу с каской. Потом ко мне его. И не торопись.

– Есть!

Зверолюда бесцеремонно отволокли в сторону. Еще одной помехой для размышлений меньше.

Машинально наблюдая за колдующими над начавшим подергиваться трофейным экзом бойцами, я мысленно оценивал и сортировал узнанную информацию, сразу отбрасывая явные преувеличения и всякие ненужные славословия Непримиримых.

Интересная у них тут картинка бытия вырисовывается…

Терпимые, они же крестьяне, они же «быдло, смиренно кормящее», как выкрикнула страдающая от воткнутого в почку шила пытаемая Пчела, представляли собой единую крупную и самую многочисленную общину. Их вполне можно было назвать добросами этого мира. Те два старика не соврали. Терпимые действительно предпочитали держаться в стороне от любых маломальски шумных событий, к месту и без всячески подчеркивая свою нейтральность и безобидность.

Непримиримые же… тут, как и всегда в подобных случаях, где есть власть, оружие и привилегии, был в наличии слегка упорядоченный хаос, недоверие, соперничество и одновременно фанатичное поклонение одной единственной уродливой фигуре – Даурре Великой. Ну конечно же, сука, Великой. А как иначе? Не будет же она называться Даурра Презренная или там Даурра Поганая. Что еще хреновей – эта Даурра сидит на троне уже очень давно и покидать насиженное место не собирается. А раз она и дальше хочет править – вполне логично, что она тайно поощряет разобщенность Непримиримых, подстегивая их соперничество и помогая довести любую мелкую ссору до настоящей вражды. Умная тварь. Хитрая. Живучая. И стремящаяся все и вся контролировать – чего только стоят запускаемые в грудь шипастые гусеницы.

Всего у Непримиримых семь боевых отрядов, что изредка называются «корпусами», а куда чаще – Спектрами.

Официально – Спектры Великой Радуги Даурры.

Причина – Даурра выглядит как разноцветная… некто…

Ее тело покрыто прочнейшей гладкой шкурой, а местами прикрыто пластинами хитиновой брони. Это факт.

Ее тело окрашено повторяющимся радужным узором, что иногда светится в ночное время. Это факт.

Как на самом деле выглядит Даурра Великая – толком не знает никто.

Это точно не змея, не многоножка, плюс у нее прекрасное человеческое лицо, которое она изредка, в моменты хорошего настроения и благоволения, изволит показать фанатично любящей ее общественности.

Еще вроде у Даурры имеются огромные прекрасные сиськи. Но это уже не факт, а сплетня.

Еще Даурра обычно бесстрастна, но очень редко на нее нападает непреодолимое желание совокупиться, и тогда она призывает к себе особо понравившегося мужика. Тот проводит с царицей ночь, а на следующий день его уже остывшее мертвое тело хоронят с почестями. Подобная смерть считается наивысшей наградой.

Даурра обитает в огромной пустотелой скале, поросшей вечно багряным плющом. Имеется вход, пройдя которым, оказываешься в темноте – там и происходит внедрение в тело «слезы», что однажды может убить тебя, если вовремя не получишь снотворное для поселившейся в груди гусеницы.

Радужная тварь…

Отсюда и существования семи боевых корпусов.

Отсюда и их названия – Спектры.

Цветовые спектры радуги. И вроде как они чуток подправлены.

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, серый и фиолетовый.

Красные – личная гвардия Даурры. Ее бессменные охранники. Лучшее вооружение, лучшее снаряжение. Часть из них всегда находится рядом с Атулардусом – скалой-обиталищем Даурры. Именно из «красных» бойцов чаще всего выбираются «любовники на ночь».

Оранжевые, желтые и фиолетовые – регулярные, можно сказать войска, без какой-либо жесткой специализации. Обучены военному делу. Постоянная муштра.

Серые – в основном занимаются выращиванием боевых тварей, помогая им психически и физически пройти неизбежные трансформации, а затем обучают их полноценно владеть своими новыми телами, используя их на всю катушку. Среди серых находится подавляющее число зверолюдов. Серые же поставляют уже обученных призмов в остальные спектры. Поэтому у серых особое положение среди всех корпусов – никто ведь не захочет получить в свои ряды злобную неуравновешенную тварь, что в любой момент может походя снести тебе башку с плеч.

Синие и зеленые – пограничники, разведчики, дальний патруль. Они выполняют важнейшую функцию этого мира – защищают его обжитые рубежи от совсем уж «дикой» части, что расположена к северу от города Возмездие.

Защищают от кого?

От тварей. От спятивших призмов, что пусть редко, но приходят откуда-то из-за скал и почти безводных пустошей. Куда

чаще прибывают другие «гости» – бешеное зверье. В буквальном смысле этого выражения – пораженные какой-то мозговой болезнью звери. Вроде бы не слишком серьезно звучит, но дело в том, что звери эти непростые – прошедшие генную модификацию, внутреннее и внешнее бронирование самых уязвимых мест, по уши напичканные электроникой и даже снабженные своими собственными вполне активными «звериными» аптечками, что позволяют этим существам сражаться буквально до последней капли крови.

К зеленым и синим никто не рвется. Особенно к зеленым.

Синие… их можно назвать единственным среди спектров корпусом с упором на легкую бронетехнику. В их распоряжении защищенные стальными решетками багги, пара гусеничных вездеходов, переделанные под их нужды бывшие рабочие экзоскелеты. Куда легче воевать со всякой мерзотой, когда сидишь внутри стальной коробки и знаешь, что эти твари не смогут швырнуть в тебя гранату, подложить мину или пальнуть бронебойным зарядом. Но даже среди синих довольно часты потери личного состава. И техника порой прибывает с рейдов в таком виде, что на нее и смотреть страшно – сплошные рваные пробоины, вырванные защитные решетки, глубокие борозды, залитые кровью стены, валяющиеся под сиденьями части тел…

Что уж тут говорить про зеленых… там воюют одни отморозки.

Весь упор – на личные возможности. Тренируются они нещадно, понимая, что в их делах от доли секунды зависит жизнь. И не какая-нибудь чужая – на такую можно и хер положить – а жизнь своя, любимая и единственная.

И зеленые, и синие обласканы мудрой Дауррой, прекрасно понимающей, что, если постоянно не чистить границы ее царства от прибывающих тварей всех мастей и видов, очень скоро всем гоблинам Мира Монстров придет конец.

Итого, примерная иерархия среди официально равных, но нихера не равных Спектров такова – красные, зеленые, синие, серые, а потом все остальные.

Мы на текущий момент столкнулись с желтыми, что находились ближе всего к городку Приветливому, когда к ним поступила весть о заявившихся в гости чужаках. Желтые и понесли первые потери среди Непримиримых, заодно прикончив и ранив нескольких из нас.

– Нас потрепали рядовые ленивые вояки. – подытожил я вслух. – Дерьмо!

Флаг.

По этому поводу сейчас шли вялые споры, а Даурра особо не

вмешивалась. Так что официального флага у Непримиримых не имелось. Была одна идея про радужный флаг, что вместит в себя все цвета корпусов… но почему-то эта идея особых эмоций у Непримиримых не вызвала, не считая смутного тяжкого беспокойства. Каждый из корпусов гордился своим цветом, старательно отражая его в обычной одежде и боевом снаряжении.

Ах да. Был еще один цвет, еще один даже не корпус и не отряд, а так, считай обычная группа.

Кобальтовые.

Они же технари, они же компьютерщики.

Раньше в каждом из корпусов были свои личные яйцеголовые, но недавно Даурра решила поменять эту ситуацию и, выделив эту подкасту в отдельное образование, поместила их поближе к себе, вплотную занявшись их делами. Именно Кобальтовые ответственны за то, что открылась дорога во внешний мир. Они же отвечают за все электронные устройства, за экзоскелеты и даже за колесную и гусеничную технику. Туда теперь отправляются те, кто проявляет понимание в технике. И там же ремонтируются старые и давным-давно отработавшие свое трактора, плуги, бороны и прочее подобное.

Мудро…

Сидя на платформе, я с понимающей усмешкой качал головой.

Мудро.

Старая сука Даурра очень хитра.

Теперь, если у тебя встала машина, сдох трактор посреди поля или замер в неудобной позе экзоскелет, ты уже не сможешь кликнуть своего технаря и с помощью его знаний, двух ударов кувалдой и десятка крепких словечек, починить сломавшееся. Хрен там. Теперь ты будешь вынужден обращаться к Кобальтовым – которых полностью контролирует Даурра. Захочет она – и починят твою технику. Не захочет…

В мире с жестко ограниченными и порой невосполнимыми ресурсами подобный контроль дорогого стоит.

Сам город Возмездие – заброшка.

Не полностью, но большей частью. Этот некогда достаточно большой «театральный» город служил красивой достоверной декорацией средневекового процветающего поселения, что находилось в беде из-за пробудившихся страшных монстров древности – которых и прибыли уничтожить доблестные герои, чтобы потом дать своим изнуренным телам и душам отдых в кабаках, борделях и банях. Там же, само собой, проживал обычно незаметный многочисленный персонал. После Стирания и закрытия Мира Монстров, случилось много бед. Город не раз

горел, подвергался атакам, в нем бушевали монстры… короче – некоторые кварталы полностью разрушены. Все остальное, что смогли, обжили как сумели. При этом боевые корпуса Непримиримых друг друга не очень любят, поэтому и обитать стараются подальше друг от друга. В результате появился Цветок Войны.

Что это за хрень с уродским названием?

Все просто – если глянуть на город сверху, то увидишь сплошное, считай, полотно из заброшенных и разрушенных зданий. А поверх этого «полотна», как начерченная, находится этакая семицветная «ромашка» с красной серединой. Каждый лепесток – место квартирования одного из Спектров. Их любовь к личным цветам отрядов выплеснулась и на обжитые постройки, в результате чего Цветок Войны действительно выглядит гигантской детской раскраской. Мутировавший уродливый цветок, причем один из лепестков очень маленький и полосатый – Кобальтовые решили выделиться, окрасив свои здания и цеха сине-белой зеброй.

Никакого охранного периметра город не имеет. От кого защищаться? Самые страшные звери этого мира – они сами. Кто сунется?

Уборка территории, вынос нечистот – всем этим ведают Терпимые.

И нет, к ним как к равным никто не относится. Низшая каста работяг, что годны только на то, чтобы пахать поля и выносить ночные горшки из-под кроватей. Но вслух этого никто и никогда не говорит. Никогда. Более того – Непримиримые всячески подчеркивают свое доброе и равное отношение к Терпимым. Так приказала Даурра.

И снов – бинго.

И снова – браво.

Мудрая хитрая Даурра, что прекрасно понимает еще одну прописную истину – как бы метко ты не стрелял и каким бы жестоким кровожадным ублюдком не был, тебе все равно не выжить без жратвы. И без одежды. Каста Терпимых невероятна важна для выживания этого мирка. Их надо холить и лелеять. Пусть и дальше живут себе тихо и счастливо.

Как далеко отсюда город Возмездие?

Недалеко. Чуть меньше двадцати километров. Туда тянется одна хорошо наезженная широкая дорога, годная как для техники, так и для всех видов тварей. Это главная транспортная магистраль, хотя существует с десяток узких и куда менее удобных троп, но они проходимы уже далеко не для всех. Колесные машины не пройдут. Гусеничные вездеходы смогут

пробраться, но и им придется немало попетлять по руслам пересохших ручьев.

Пленными и Терпимыми было рассказано еще немало. Но эту слащавую туфту про величественность и мудрость Даурры я сразу отбросил. Мусор, не несущий пользы.

Пещеры Мрака?

До них тоже примерно километров двадцать, но в другую сторону. Учитывая, что мы в движении – очень скоро окажемся на нужном месте. И вот там нам, якобы, придется столкнуться с очередными мелкими проблемы.

Немного зеленых, чуток синих, столько же кобальтовых – эта сборная солянка всегда находится у Пещер на боевом дежурстве.

А еще где-то же там обретается Брассарра – мифический ужас и кошмар Пещер Мрака.

– Где местный бог – там и здешний дьявол. – проворчал я, снова нарушив молчание. – Ладно… ладно… Эй! Дайте сюда беглого пса!

– А он задрых… – удивленно глянул на меня «дрессировщик-кормильщик». – Ща я его…

– Погоди, – остановил я занесшего ладонь для оплеухи бойца и поднялся, отрубая кабель питания, что успел закинуть на борт моего экза с десяток капель драгоценной энергии – Это еще что за хрень…

Сработавшая электроника услужливо укрупнила изображение, выведя на внутренний экран забрала картинку с двумя… хрен поймешь, чем. Несомненно, что-то живое – вон удлиненные и чуть сплющенные головы, а вон болтающиеся яйца в потных тканевых кулечках. Стараются, машут крыльями, восходя на нужную высоту.

– Воздух! – заорал один из разведчиков, стоя на гребне холма и маша руками.

Придурок… Поморщившись, я погрозил дебилу кулаком и тот, сообразив, перестал изображать собой радостную мишень для снайпера, упав на корточки и затихнув под чайными кустами.

– Кто выстрелит по пташкам – прибью нахрен! – рявкнул я, и внешние динамики экза передали мои слова всему отряду. Тут же опустился десяток стволов, столько же дурных гоблинов сделали вид, что просто любовались в прицеле облезлыми облаками.

А летающие уроды продолжали взбираться к небу, суматошно дергаясь и чуть ли не обсираясь от натуги. Было видно, что призмы не рождены для долгого полета. Но они старались.

Перестав приближаться, перейдя на параллельный нам курс и держась на расстоянии километра, в воздухе повисли две твари с кожистыми огромными крыльями, что ну никак не сочетались с

тощими, костистыми телами со сдавленными грудными клетками. Они почти обнажены, торсы и ноги покрыты чем-то вроде короткой шерсти или очень густого пуха, гротескно вспухшие задницы чем-то похожи на полосатые пчелиные брюшки, на чреслах цветные набедренные повязки – синяя и зеленая. Повернув к нам уродливые бородатые хари, они странно повели шеями и с обтянутых банданами лбов им на глаза опустились какие-то очки с толстенными линзами. Щас заплачу… хотя в целом технология рабочая. А судя по плоским странным ранцам на их спинах, а также паре антенн – длинной и короткой – они могут и видеозапись сейчас вести, передавая ее куда-нибудь в штабной центр. Прямиком под очи любимой правительницы и старших усатых офицеров.

Распахнутые и замершие крылья поймали воздушные потоки, и ушлепки перешли в режим парения, зависнув в воздухе.

– Если это пчелы – то нахрен нам ваш мед. – пробормотал я, замерев на платформе и наблюдая за теми, кого с абсолютной уверенностью можно было обозначить как профессиональных разведчиков зеленого и синего корпусов Непримиримых.

В голове разом появилось море мыслей.

Откуда приперлась воздушная разведка? Из города, что от нас не так уж и далеко? Или же прилетели от тех самых особо оберегаемых границ?

Нет…

Вспомнив, как тяжко и медленно они поднимались, я сразу отмел все варианты и рыкнул в передатчик:

– Тигр!

– Слышу! Вижу птах…

– Забей. С птахами мы тут сами. Видел, как медленно они взлетали?

– Видел. Еле-еле ползли. – в голосе зверолюда слышалась откровенная насмешка. И его можно понять – он сам мало чем уступал настоящему тигру, а скорей, превосходил его по всем статьям. – Чуть ли не зубами и херами себя по воздушным ступенькам втаскивали.

– Верно. – подтвердил я его наблюдение. – Парят они еще более-менее. А вот летуны их них дерьмовые.

– Что надо сделать, командир?

– Они не могли прилететь издалека. Их привезли. Либо на твари, либо на машине. Радиус – два-три километра от нас. И вряд ли их доставлял целый боевой отряд. Скорее, одна машина или крупная тварь, плюс сколько-то рыл вооруженного сопровождения. Где именно – искать уже тебе. Возвращайся, бери двойку резервных разведчиков, к ним добавится Каппа с пятеркой

стрелков. И на поиски.

– Найдем. – уверенно пообещал Тигр. – Уже в движении. А как найдем этих тварей?

– Оцените, доложите. Но их желательно шлепнуть.

– Понял.

– Тигр… не забывай – эти лупоглазые смотрят сверху. Проделать все тайно не получится. Они поймут, что вы ищите их сопровождение и предупредят их. Понял, что надо делать?

– Действовать быстро. Очень быстро.

– Да. Как пуля. Пусть видят, куда вы двигаетесь, пусть сообщают об этом визгливо. Если все проделаете реально быстро – их предупреждение ничего не изменит.

– Понял, лид. Начинаем.

– Каппа встретит тебя.

На этом я закончил. Предупреждать самого мечника нужды не было – он и так все слышал благодаря электронике своей глефы, и пока мы продолжали трепаться с Тигром, он успел отобрать бойцов из своего десятка и двинулся прочь от отряда, заодно уводя с собой пару разведчиков. И маршрут он выбрал самый многообещающий, верно поняв, где именно могла скрываться спешно прибывшая от Возмездия разведгруппа. Мы же, весь основной отряд, продолжая двигаться, уходили все дальше, «утягивая» за собой парящих вражеских разведчиков.

Снова опустившись на платформу, я занялся проверкой игстрела, что после последней модернизации превратился в настоящее гибридное чудо. Следуя изгибам дороги, мы миновали последние ухоженные поля и вступили на территорию, что еще не превратилась в пустыню, но уже во многом походила на нее. Почва серая, местами почти белая. Из растений какие-то колючки – причем они растут правильными рядами и широкими полосами тянутся по периметру полей. Их предназначение понятно – неприхотливые и способные жить в засушливых местах растения сдерживают цепкими корнями почву, в буквальном смысле не давая ей сдвинуться с места и валом мертвого песка двинуться на поля-кормильцы. Терпимые проделали гигантскую работу и каждый день продолжают биться не на жизнь, а на смерть с этим консервированным бездушным миром. Вот настоящие герои. А Нетерпимые… они просто пафосный мусор.

– Вот бы их поменять местами. – задумчиво произнес я. Динамик передал мой голос наружу и копающийся в нутре желтого экза Рокс заинтересовано вскинул голову:

– Кого с кем?

– Сраных Аммнушитов с Терпимыми. – ответил я. – Здешних усталых работяг в те леса и сады с изобилием воды. А долбаных

фанатиков и насильников – сюда загнать всем скопом лет на триста. Вот настоящее наказание. Вот настоящее испытание веры. Дерьмо…

– Ха, – усмехнулся старый механик. – Поверь, Оди – они бы приняли это как божественное провидение. Нет уж. Вот сейчас они правильно наказаны – всех на эшафот! Кого-то шлепнули, кому-то стерли память и обратили в призма. Пусть ползают! Пусть пресмыкаются детоубийцы и насильники!

– Может, и так. – не стал я спорить и снова взглянул в небо.

– Они нас всех уже наверняка пересчитали и куда надо доложили, лид, – прохрипел Рэк и принялся неумело забираться в трофейный экзоскелет.

– Да. – кивнул я. – Да… но с этим поделать нечего. Да и незачем.

– Можно вякнуть? – робко осведомился Стив, чуть поостывший и пока не рвущийся излить мне на колени свою мохнатую душу.

– Давай.

– Это те самые… дракониды, про которых я говорил.

– Вот эти мохнатые чудила в грязных трусах? – я ткнул стальной рукой в небо.

– Ну да. Божественное племя драконидов. Так про них Терпимые рассказывают. Рожденные, чтобы летать. Их всего четверо, но двое уже очень стары и не могут больше подняться в воздух.

– Придурки отправили к нам всех крылатых разведчиков сразу? – поразился я и врубил передатчик.

– Похоже на то…

– Тупоголовые дерьмоеды. – вздохнул я. – Вот уж точно взяли да сунули все яйца в одну давилку…

– Тот, что зеленый – раньше был Кобальтовым. Но что-то пошло не так, вроде как его электричеством шарахнуло… и началась трансформация. Ну как почти всегда… вот так и рождаются настоящие супергерои, да?

– Поспи пока. – велел я и Стив, надвинув поглубже каску на ушастую голову, приткнулся рядом и замолк, глядя на серо-синее фальшивое небо и парящие в нем неподвижные точки драконидов.

Минута… другая… отряд в ровном темпе двигается дальше. Мы уже миновали защитные колючие полосы, и под колесами машин захрустела мелкая покрытая серой пылью галька. По сторонам дороги растрескавшаяся земля, кое-где встречаются кучки мелких костей. За нами потянулось густое облако пыли, что медленно окутывала нас удушающим одеялом. Никого

предупреждать не пришлось. Все на автомате вытащили из подсумков полумаски, надели, а затем снова захлопнули прозрачные забрала шлемов. Ни к чему дышать этим дерьмом. Я сам невольно задержал дыхание, хотя понимал, что фильтрующие системы Шила уберут всю эту срань из подаваемой воздушной смеси. Это в инстинктах. Это в обрывках воспоминаний о том старом мире, где было одинаково смертельно опасно вдыхать клубящуюся пыль или стоять под зеленовато-синим дождем…

Как там только что вякнул зверолюд?

Так и рождаются супергерои?

Ну да. В Мире Монстров спящее в тебя «зернышко» трансформации может пробудить любая сильная травма, увечье, удар электротоком, укус ядовитой твари. Получивший серьезное повреждение организм врубает дополнительные мощности для исцеления и… это пробуждает засевший в тебе чуждый генокод, что с холодной деловитостью начинает превращать тебя в мохнатую зверушку или в насекомое.

Надоела скучная обыденная жизнь крестьянина? Хочешь стать сильным героем или страшным злодеем? Сунь палец в розетку! И если не сдохнешь – есть все шансы начать необратимое превращение. Это случается далеко не всегда, но все же довольно часто, что заставляет здешних гоблинов быть куда более осторожными в обращении с топорами и розетками.

Неподвижные и будто нарисованные точки воздушных разведчиков вдруг вздрогнули и начали расходиться. Приказав выдать увеличенную картинку, я впился глазами в задергавшихся драконидов. Уродливые призмы действительно расходились в стороны. Зеленый остался на месте и что-то торопливо бубнил щелястым ртом в микрофон у рта. При этом он удерживал кожистые крылья распахнутыми, умело их чуть довернув, благодаря чему продолжал плыть вперед. А вот синий драконид, усиленно работая крыльями, уходил в сторону, явно начав сопровождать совсем другую цель. При этом, не в силах совладать с воздушными порывами, он смещался на нас, сам того не замечая из-за сфокусированности на Тигре и Каппе.

Дракониды достаточно оперативно сработали. По моим подсчетам, объединившееся звено разведчиков и бойцов только с минуту назад легло на поисковой курс. Секунд тридцать дракониды обдумывали эти наземные маневры, после чего сообразили, чем это для них пахнет, и тут же начали оповещать и нервничать.

– Тигр?!

– Пока не видим врага. – чуть запыхавшись отозвался бегущий разведчик.

– Сейчас помогу. – ответил я, тоже уже в движении.

Четыреста двадцать три метра на максимальной скорости до достаточно высокого холма. Взлететь по его осыпающемуся мертвому склону. Это еще на двадцать метров ближе к цели. Замереть на вершине. Вскинуть игстрел и поймать в электронный прицел смещающегося синего. Выстрел. Мимо. Выстрел. Мимо… вот дерьмо… Выстрел…

Тонкий крик…

Драконид крутнулся, задергался и начал постепенно проваливаться, уже гораздо медленней работая крыльями. Я целился в живот, стараясь не убить, а серьезно ранить и заставить пойти на контролируемую экстренную посадку. Но что-то я не видел следов крови на мохнатом животе. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы по смешным ужимкам раненого призма понять, что игла угодила ему в синий аккуратный кулечек, болтающийся между тощими ляжками. В яйца влетела, родимая. А какой иглой я стрелял?

Проверив картридж, я тихо рассмеялся и двинулся обратно к отряду, на ходу бросив в передатчик:

– Синего подранил. Спускается. Что-то орет и пищит в микрофон. Сейчас его прячущаяся поддержка должна проявить себя – им надо успеть к месту его посадки, чтобы подхватить и убраться.

– Меткий выстрел, лид, – ответил мне Каппа. – Враг деморализован, испуган и… его страх нарастает.

– Нарастает, – с хохочущим рыком выдохнул Тигр. – Дерьмо! У него яйца дымят! Яйца дымят! Вражеский дрон горит, лид… аварийная система пожаротушения не сработала. Время отстреливать яйца ради спасения всех на борту.

От жопы спускающегося разведчика тянулась струя едва заметного дыма.

– Не расслабляться! – рявкнул я, обрывая веселье разведчиков.

– Есть!

Истошный вопль в небе повторился. Обернувшись, я глянул на закувыркавшегося синего, что прекратил махать крыльями и, сложив их, что есть сил бил себя ладошками по дымящемуся паху, пытаясь потушить пожар на борту. Еще через миг от дымящихся яиц потянулась дрожащая череда капель. Ну вот и сработала система пожаротушения.

– А-А-А-А-А-А-А!

Выгнувшийся от боли тощий призм рухнул за гребнем полого холма, угодив на колючки. К нему уже спешило фланговое звено разведчиков.

– Багги! Пятеро рыл! – рявкнул в эфире Тигр. – Атакуем!

Остановившись, я навел прицел игстрела на продолжающего парить и взобравшегося чуть повыше драконида. Убедился, что он смотрит на меня, и приглашающе указал на землю неподалеку от себя. Садись, пташка.

Рванувшийся в сторону драконид особо не преуспел в маневрах, что-то сделал и с кончиков его распахнутых крыльев потянулись густые красные дымы, что быстро затянули его завесой.

Красный дым… это больше похоже на сигнал тревоги, чем на защитные противодействия врагу. Красиво летит…

– Лид! Птичка тут! Сильно побилась.

Повернувшись, я посмотрел на добычу лыбящейся тигрицы, что шутя удерживала на весу безвольное обмякшее тело драконида.

– На платформу его. Пусть окажут медицинскую помощь. Сами возвращайтесь к патрулю.

– Яйца рубить?

– По ситуации.

– Рубить так рубить. – разведчица показала клыки и тут же ее усы огорченно поникли. – Ой… сдох он…

– Выкини. – приказал я и неспешно зашагал к парящему второму разведчику, что, несомненно, наблюдал за происходящим.

Он не мог не видеть мой второй приглашающий жест, приказывающий приземлиться, равно и то, как на мертвую землю упало дохлое тело его другана. Но проигнорировал мой добродушный призыв и продолжил трепыхаться, пытаясь уйти в сторону. Прикинув его маршрут, я зло ощерился – судя по направлению, летун старался убраться за далекую гряду покрытых колючками холмов, что находились в четырех с небольшим километрах от нас. Вот только, судя опять же по его движениям и тому, как выворачивало крылья набегающими порывами, воздушные потоки были против и толкали его назад. Ему бы сейчас круто развернуться, поймать жопой и крыльями этот толкающий ветер и на солидной скорости, почти без усилий, рвануть прочь. Одна беда – для такого маневра ему придется пройти над нами. И он понимал, что мы не позволим ему этого сделать. Потому и бился сейчас потной харей о безжалостный воздух. А я продолжал неспешно шагать, прижимисто экономя энергию экзоскелета.

Раздавшиеся звуки ожесточенной стрельбы я, считай, проигнорировал, не став задавать тупых вопросов в эфир. Умные бойцы не ответят. А ушлепки, решив обрадовать или огорчить

командира, заорут в передатчик и… словят говорливой башкой пулю. Пусть воюют. А я пока пройдусь…

– Зеленая Стрела… – закряхтело у меня в шлеме незнакомым задыхающимся голосом. – Зеленая Стрела обращается к наземному отряду чужаков… прием… прием…

Глянув на высветившиеся цифры, я убедился, что антенны экза поймали открытую и никак нами ранее не используемую частоту.

Зеленая стрела?

Чуть поиграв с настройками, я глянул в небо и произнес:

– Наземный отряд слышит тебя, зеленая жопа. Вижу в прицеле твои яйца. Готов стрелять зажигательными или разрывными на твой выбор. Прием.

Летун поспешно скрестил ноги, завалился в сторону, уходя в странный маневр, что, надо признать, сработал, частично скрыв дракониду в красном дыму.

– Наземный отряд… не стреляйте… обсудим… обсудим условия моей достойной сдачи…

– Ты уже выдохся, гнида, – поморщился я. – А твою группу прикрытия уже покрошили.

Тут я почти не импровизировал – стрельба стихла, а еще спустя несколько секунд передатчик ожил, выплевывая скороговорку Тигра:

– Группу положили, босс. Троих взяли живьем. Двое наших в минус.

– Как? – внешне равнодушно поинтересовался я.

– Одному не повезло – выскочил перед багги, а водитель вдавил газ. Второй налетел на призма. Что-то вроде жирной гусеницы, лежащей в прицепе и плюющейся ядовитой какой-то кислотой. Везем это гусеничное дерьмо к отряду.

– Она говорить может?

– Гусеница?

– Да.

– Нет. Да и нечем.

– В расход ее.

– Принято. Будем через пару минут.

– Наземный отряд… Зеленая Стрела…

– Даю тебе минуту, урод, – буркнул я, круто останавливаясь. – Либо ты садишься сам, либо я посажу тебя. Хван!

– Да?

– Зеленая жопа спускается с облезлых небес. Прими урода и притащи мне. Если через минуту он не будет на земле… пусть его пристрелят.

– Есть!

– Я Зеленая Стрела! Прием! Готов спуститься! Не стреляйте! – прерывистый хрипящий голос летуна выдавливал слова с такой мукой, что сразу становилось ясно – он на пределе.

Я промолчал. А толку что-то говорить, когда разведчик уже сам валится с небес, пытаясь выдержать пологую спираль.

– Н-не стреляйте… не убивайте…

Подпрыгнувший на невероятную для простого смертного высоту Хван сграбастал обмякшего драконида и с ним подмышкой приземлился на вершине пригорка. Легко ломая колючки своим чуть ли не трижды бронированным телом, призм потопал к платформе, правильно поняв мой жест.

Уже на нашей шифрованной частоты я приказал:

– Разоружить, бережно снять с него оборудование. Трусы не сдирать, крылья не щупать, сиськи не мять. Дайте отдышаться. Дать воды. А я подойду…

Шагая рядом с отрядом, я дождался подошедшую к нам пятнистую черно-зеленую чужую багги, тащащую за собой небольшой прицеп, со стекающими с него густыми потеками и ошметками бледного студенистого мяса. Пыльные колеса давили это падающее дерьмо, и на покрышках ненадолго появлялись черные влажные пятна.

– Дело сделано, командир.

– Что за дерьмо в прицепе?

– Гусеница проглотила самодельную гранату. Под собой прятала вот это дерьмо, но я вовремя углядел и вырвал нахрен с корнем. – докладывающий Тигр перегнулся через бортик прицепа и вытащил оттуда нечто похожее на очень длинную сучковатую толстую ветвь.

Приглядевшись, я понял, что это рука. И в принципе, человеческая рука, просто аж с четырьмя суставами, очень тощая, но при этом крепкая, оканчивающаяся обычной ладонью. Что меня чуток зацепило – даже покрытая пылью и слизью ладонь казалась очень ухоженной. Ни мозолей, ни ссадин, ногти очень аккуратно подстрижены и покрыты розовым лаком. Охренеть… гусеница с маникюром. Не удивлюсь, если при жизни эта тварь очень дорожила единственной своей частью, сохранившей вид чего-то… человеческого.

– Вытащила из-под себя и попыталась швырнуть?

– В точку. Я, считай, по наитию схватился за запястье и как дернул… а она как заорет «РУК-А-А-А-А» … Я тут же разворачиваю эту хрень с мигающей лампочкой – и в пасть поглубже. И в сторону… хотя хлопок совсем слабый был. Но хватило, чтобы… сам видишь.

– Вижу. – подтвердил я и покосился на двухметровую руку. – Выкинь это дерьмо. Кто у тебя сегодня лажанул? Кто у Каппы или Рэка?

– А что?

– Кто налажал больше всего – на очистку прицепа. Чтобы ни капли студня не осталось. Багги проверить. И в строй. Все делаем на ходу.

– Есть.

– И сам передохни на одной из платформ.

– Да я не…

– Я сказал!

– Понял.

– Вторую кошку туда же. Успеете еще набегаться.

– Есть, командир.

Тигр умотал выполнять мои приказы, а я, раздавив ухоженные пальцы гусеницы стальной подошвой, догнал платформу – мне уже надоело вокруг нее круги наворачивать – и навел забрало на распластавшегося пленного летуна.

Даже непонятно, в кого эта тварь. Пчела? Летучая мышь? Может, какой-нибудь таракан? Кожистые крылья, но гротескно увеличенная задница так и просит сравнения с брюхом пчелы. Треугольное мохнатое лицо. Странные уши. Чересчур раздвинутые глаза. Между серых тонких губ видны обычные зубы и почти черный язык. Изломанное трансформацией тело, живот прикрыт до смешного хлипкой хитиновой пластиной, что не остановит пулю, хотя может и отведет слабый удар ножом. Излишне длинные ноги оканчиваются так вывернутыми ступнями, что сразу ясно – нормально ходить летун не может. Можно не связывать, не убежит. Руки сопряжены с крыльями, но сейчас крылья сложены, и видны ладони с очень тонкими когтистыми пальцами. Неподалеку, на его плоском ранце, лежат толстые браслеты с несколькими разноцветными цилиндрами. Вот где его дымовухи скрывались.

Вдоволь насмотревшись, я откинул забрало, заглянул в странные черные глаза без зрачков и радужки, выдержал пару секунд паузы и, убедившись, что меня очень внимательно слушают, заговорил:

– Прямо сейчас ты расскажешь мне о ваших частотах. О всех паролях к этим частотам. Ты не утаишь ничего. И взамен пока еще поживешь. Получишь жратву, тебе подложат под башку и жопу что-нибудь мягкое, сможешь нормально отдохнуть. Заодно вспомнишь все, что только можешь, о терминалах, путеводных зверушках, Кобальтовых и прочем важном. Когда у меня появится время – все расскажешь. Ты меня понял, зеленая жопа?

– Меня зовут Коля. Или Николас. – заговорил драконид, оставаясь неподвижным. – Я передам тебе все коды. Я расскажу все. И с радостью.

– Откуда радость? Ты предаешь своих.

– Моих там нет! Своей гребаной мрачной историей грузить не хочу, но моих среди Непримиримых нет! Они убили Ксюшу!

– Ага…

– Мою любовь!

– Ты говорил, что не хотел меня грузить…

– Короче – я расскажу все, что знаю! Без всяких пыток. Без всяких условий. Но хочу сразу попросить…

– Заткни пасть. И больше не открывай ее просто так. Следующее, что ты мне скажешь – это коды. И ничего больше. Понял?

– Д-да…

– Тогда начинай уже говорить.

Услышав коды, я выбрал нужные настройки и активировал канал. Сначала в динамиках раздалось лишь шипение, но затем зазвучали нервные голоса, что рявкали, рычали, орали и всячески засирали эфир. Речь шла о подавших сигнал тревоги летунах и пропавшей связи с ними и группой поддержки.

Двигаясь к голове колонны, я шагал и слушал, запоминая голоса, пытаясь понять суть происходящего и надеясь, что они не сразу догадаются сменить пароли своих частот. Чем больше они говорят, тем легче их будет убить.

– Миновали упомянутый валун у дороги, лид. До Пещер где-то десять минут хода.

– Принято. – машинально ответил я, продолжая слушать далекие голоса в динамике.

Глава шестая

Охраняющую пещеры группу мы уничтожили походя. Все было проделано настолько лениво и при этом небрежно быстро, что меня невольно передернуло, когда представил себя на их месте – можно ли вообразить себе более паскудную смерть в бою? Вот ты старательный бравый служака, что исправно несет свой пост, высматривает врагов и готов умереть, но выполнить поставленную задачу… и тут кто-то, кого ты даже не увидел, мгновенным ударом вспарывает тебе глотку, сдирает с разом ослабевшей руки автомат и уходит, бросив тебя скрести ногами и наблюдать чужие удаляющиеся ботинки. И подыхая, ты понимаешь, что ты даже не проигравший, ты… ты просто ничтожество, что лишь зря испачкало своей кровью чужой нож. Для чего ты был рожден? Для чего жил? Для чего тренировался? Чтобы умереть вот так?

Дерьмо… наркота все меньше дарит воспоминаний, но все больше мутных мыслей.

Я готов поменять сто к одному – отдам сто сраных эльфийских слез в обмен на одну таблетку мемваса. Даже все эти хваленные уколы лайма ничего не дают. Или доза уже маловата? Организм выработал иммунитет к этим четвертинкам и третям от таблеток? Пора хавать слезы горстями? Если и так – то не здесь, где нет и намека на медблоки системы, способные поставить на ноги чуть ли не любого доходягу-наркомана.

Опустившись на колено рядом с тлеющей железной жаровней, где догорали мелкие корешки и лишенные зерен початки кукурузы, я медленно осмотрелся, в то время как к уничтоженному нами лагерю подтягивались машины. Тяжко шагающий Гиппо преодолел небольшой склон и уронил на песок длинное многоногое тело. Изломанные останки пару раз дернулись и затихли. Остановились машины, тут же попадали на песок бойцы, справедливо полагающие, что раз представилась возможность передохнуть, то надо воспользоваться ею по полной. Суетились только обозники, разворачивая дополнительные солнечные панели, торопясь поймать остатки уже слабеющего солнечного света.

Стена…

Здесь, у подножия не слишком высоких пыльных скал имелась достаточно солидная и относительно ровная площадка. С двух сторон ее зажимали холмы, с третьей имелся склон, по которому поднялся основной состав. Последний край упирался в вертикальную скалу. В скалу, изрытую выбоинами и сколами

старых взрывов. Чуть ниже завал из огромных каменюг. И с краю завала, там, где камней явно было поменьше, создали что-то вроде прохода, затем перегородив его аккуратной каменной стеной, снабженной запертой на два засова стальной дверью.

Вот откуда запертым в пещерах и Мире Монстров обезумевшим от такой подставы героям доставляли еду, вот откуда выволакивали позднее трофеи, что стали частью вооружения Непримиримых. Тут же нашли ту путеводную зверушку, что открыла им двери во внешний мир.

На железной раме установлена наклонная солнечная панель. Жгут проводов тянется от нее мимо завала и уходит под дверь. На камнях и скалах старательно намалеваны белым и красным черепа со скрещенными костями, какие-то прочие замысловатые знаки. Из костей сложено нечто вроде пирамиды, со вставленными в ее грани скалящимися черепами.

– Терпил пугать… – обронил остановившийся рядом Каппа.

– Терпил пугать. – кивнул я, вставая и направляясь к двери. – Открывайте.

Проворный мечник справился с засовами и распахнул дверь еще до моего к ней подхода. Он же первым и сунулся внутрь, разом пропав в густой черноте. Следом вошел я, на ходу отдав несколько приказов, чтобы остальные пока не дергались – не считая тигров и Баска.

Как и следовало ожидать, узкий проход между скалой и укрепленными металлической решеткой валунами длился недолго. Пяток шагов, и мы оказались в широком коридоре, где уперлись в изрешеченный стальной труп. Этот трехметровый гигант был смутно знаком, но названия его модели я вспомнить не смог. Мощные и чересчур короткие для такого роста ноги, невероятно длинные гориллоподобные руки, могучий торс с толстенной броней, чрезмерно большая рогатая голова. Этот экз одновременно напоминал и быка, и гориллу. Там, где некогда торчали оружейные стволы, сейчас чернела пустота. Из экза вывернули все, что только возможно. А причина, по которой остов бросили здесь вполне очевидна – дыра на дыре. По боевому механизму херачили из множества стволов, причем били бронебойными, фугасными, не забывая подкидывать на этот праздник жизни гранаты. Этот хлам только на переплавку. Но такой металл в допотопной кузнечной печи не расплавить. Выпотрошенный экз бросили у стены, оставив внутри разбитый череп и кости, а в свободное пространство установив несколько батарей и рубильник, торчащий из сквозной дыры напротив сердца. Его я и ткнул ногой.

В проходе вспыхнул тусклый желтый свет. Череда огней

потянулась вдаль, убегая по слишком уж прямому для природного образования коридору. Метрах в двухстах впереди блеснула стальная решетка. К ней я и направился, на ходу отдавая новые приказы. Грех не воспользоваться столь надежным укрытием.

Десяток стрелков на скалы, и пусть найдут укрытия понадежней. Ближе к вершине еще тройку наблюдателей с хорошей оптикой. Основную часть бойцов в коридор, под надежное прикрытие стен – не придется бояться поймать иглу или пулю. Технику и Гиппо выставить заслоном у входа в пещеру, причем поставить так, чтобы они служили отличными позициями для стрельбы. И еще три двойки дозорных отправить на скрытые позиции в пятистах метрах от нашего лагеря. Наши датчики не позволят подобраться незамеченным любому теплокровному призму и, само собой, не менее тепложопым гоблинам. Ну и напоследок пусть проверят проход на наличие взрывчатки – не удивлюсь, если здесь под потолком отыщется несколько мощных зарядов с удаленным способом активации. И я не хочу быть тем тупорылым ушлепком, что мнит себя самым умным, а затем позволяет обрушить на свою голову целую гору.

Пока там снаружи ворочался отряд, начавший выплевывать из себя двойки, тройки и десятки гоблинов, мы с Каппой спокойно добрались до решетки. Еще два толстенных засова. И на этот раз их опутывала крепкая цепь с несколькими навесными замками. Пока мечник возился с цепью, я просмотрел содержимое удивительно неподходящих к этому месту нескольких стальных шкафчиков, скромно приткнувшихся у скальной стены. Здесь же имелся длинный металлический стол, покрытый пылью. Над столом схема проходов, что явно дополнялась в различные времена и различными цветами. Судя по схеме, тут целые километры проходов. Настоящий лабиринт, но большая часть коридоров рано или поздно сходится в центре, где нарисовано что-то вроде бутылочной тыквы с большой нижней и малой верхней частями. Верхняя часть закрашена тревожно красным, а нижняя лишь заштрихована эти цветом. Им же отмечены некоторые проходы, что на противоположной от входа стороне пещер. По части ходов тянется жирная зеленая линия – уверен, что по этому маршруту здешние ходоки и передвигались в поисках всяких хороших штук.

В шкафчиках обнаружились не менее обыденные грубые куртки, защитные каски, несколько старых боевых шлемов без забрал. Рядом стояли кирки, лопаты, ломы.

– Лид, – проронил разобравшийся с засовами Каппа. – Наверху.

Подняв глаза, я увидел старую и уже с трудом читающуюся надпись-предостережение:

ГЕРОИ КОВАРНЫ! НЕ ПОДПУСКАТЬ СУК К ЧЕРТЕ!

А чуть ниже:

МЫ ДЛЯ НИХ ЛИШЬ ШЛЮХИ И МЯСО! ПОМНИ! НЕ ВЕРЬ ИХ ЛЖИВЫМ СУЧЬИМ УЛЫБКАМ!

Толчком ладони открыв дверь, я первым прошел за решетку и через три метра наткнулся на ту самую черту на полу – чуть не полуметровая полустертая красная линия. И надпись, обращенная к тем, кто подходил к решетке с той стороны.

СТОП! ЧЕРТУ НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ! ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ!

Здесь я невольно остановился. Не из-за предупреждения. Нет. К этому мне не привыкать. Я остановился, чтобы получше разглядеть стены, пол и даже потолок. Все изрешечено пулями, выбито взрывами. Позднее весь мусор выгребли, обнажив каждую рану, каждую трещину и подпалину. Уверен, что немалую часть убранного мусора составляли расплющенные пули и осколки. Тысячи выстрелов оставили следы в этом проходе. Давно уже сдохли те, кто стрелял, их тела разложились, а кости послужили материалом для той пирамиды у входа. А следы от пуль все еще отчетливы…

Что ж. По крайней мере одна легенда оказалась не лжива. Пьяных брошенных ревущих героев высшего ранга действительно оттеснили сюда и здесь они дали последний бой, пытаясь вырваться из Пещер Мрака, ставших для них мышеловкой. Я будто воочию увидел частые вспышки выстрелов, вздрагивающие под ударами пуль рвущиеся наружу экзоскелеты, перекошенные за прозрачными забралами рты идущих на штурм бойцов, трясущиеся в их руках автоматы. А вот тут прошелся пламенной косой смерти огнемет. Здесь же скальная стена рассечена ударами чего-то острого.

– Они сдались… – заметил успевший осмотреть один из боковых проходов Каппа. – Откатились назад. Спрятались.

– И на этом для них геройство кончилось. – кивнул я. – Превратились в покорных узников с редкими вспышками гнева. Плененные коварные суки, что покорно прибредают к черте для получения жрачки. Сдали оружие и броню. Перестали скалить здешним жителям клыки и научились униженно улыбаться, а затем и покорнейше благодарить за тарелку жидкой каши.

– Они трусы…

– Они трусы. – согласился я, приходя в движение. – И, скорей всего, их предала система. Они полезли в эту пещеру не просто так. Здесь находилось око системы, наверняка здесь можно было пополнить энергозапас экзов, а может, даже купить жратвы и

патронов в торгматах. Они думали здесь защищенная подземная база, где после того, что они натворили с перепугу и горя наверху, можно будет спокойно отсидеться. Герои высшего ранга могли не задумываться о бабле – у них всегда карманы ломятся от крон. Так… а здесь могильник? И сральник?

– Похоронены под пулями и дерьмом врагов… – задумчиво обронил азиат, осветив нагрудным фонарем достаточно небольшое замкнутое пространство. – Не могу понять – это круто или позорно?

Усмехнувшись, я не ответил.

Вот куда сволокли весь мусор. Каменная крошка, булыжники, пули, осколки. Их сгребли сюда. В тупиковое ответвление. А затем из мусора же создали погребальные насыпи, под которыми нашли свой покой погибшие герои. В могильные холмы были вертикально установлены разбитые автоматы и винтовки, щиты, сломанные и проржавелые мечи. Гораздо позднее все эти украшение были порушены – и явно не героями, что к тому времени уже наверняка либо сдохли, либо покинули пещеры, сумев вымолить себе амнистию. Тут поработали пинками и тычками гораздо позднее, заодно использовав старые могилы в качестве туалета. Засохшие кучи дерьма поверх пуль и поверженных героев… почти поэтично, мать вашу…

– Дальше. – бросил я и мы зашагали по медленно понижающемуся проходу.

– Лид!

– Ускорься, Рэк, – произнес я в передатчик. – Ты, Баск и прихватите рядовую Кассандру.

– Щас будем. Но я не об этом, лид. Ты слышишь тишину?

– Да. – понял я, о чем он. – Непримиримые очухались.

Долго же до них доходило, прежде чем они наконец-то сменили канал связи. Мы успели услышать и понять немало.

– Промедление губительно для воинов. – неодобрительно обронил мудрый мечник.

– Они неопытны. – ответил я, медленно меряя шагами отвечающий приглушенным эхом проход.

– Они воюют уже очень долго. Воюют постоянно.

– Воюют. – кивнул я. – Но воюют против спятивших зверей и прошедших дикую трансформацию призмов. Они привыкли сражаться против животных. Но не против хорошо обученного боевого отряда с достаточно опытным командиром и офицерами. Ты же слышал рассказы пленных. У Непримиримых все и всегда шло по одному и тому же боевому привычному шаблону. Разведка парит в небе или сидит на скалах. Обнаруживает монстра. Если в состоянии справиться сами – валят его. Если нет – вызывают

подмогу. Затем зверя берут в клещи, зажимают экзами и послушными призмами, после чего щедро шпигуют свинцом. Может, не стреляют, а рубят топорами и раздирают на части ради экономии боеприпасов, и чтобы потом из вкусного мяса не выковыривать свинцовые маслины. Вот и вся их наработанная тактика.

– А их вылазки во внешний мир?

– Именно что вылазки. Достаточно хорошо проработанный план по нападению на беззащитные мирные поселения, а следом столь же быстрое отступление. Чего у них не отнять – они могут быть быстрыми. Привыкли здесь гоняться за тварями и от них же убегать. Умеют выбирать верные маршруты, легко справляются с бездорожьем, знают, как затеряться на местности. Но диверсионная вылазка… это одно. А открытое боевое противостояние – совсем другое. Ну и самое дерьмовое – у них эти странные Дома, Спектры, Корпуса. Вроде бы есть единая власть, но при этом… как-то херово эта единая власть держит все под своим контролем. Каждый отряд делает что хочет.

– Потому что баба тупая у власти! – весело рявкнул голосом Рэка подбежавший желтый экз. – Будь мужик у руля – давно бы под расстрел самых резких да дерзких пустил!

– Тебя бы я расстреляла. – тихо заметила подбежавшая следом Кассандра и отступила в сторону, пропуская бегущего за ней Баска. – Мразота и сексист.

– И трахаюсь неплохо. – заржал Рэк, медленно осматриваясь.

Несмотря на всю внешнюю беззаботность и шумность, выдрессированный орк успел занять место впереди, прикрывая меня своей бронированной тушей. Разумно. Если оттуда прилетит чем-то убойным – лучше, чтобы попадание принял на себя наименее опытный в обращении с экзами боец. Это даст шанс другим определить, где угроза, и рвануть на ее ликвидацию.

– Спальни. – снова ожил Каппа, направляя луч фонаря в очередную небольшую пещеру. – Казарменного типа. Двухъярусные кровати, шкафчики, столы… Осмотреть получше?

– Нет. Дальше. Дальше, гоблины, – приказал я, одновременно прислушиваясь к оживлению на нашей отрядной волне. Следуя моему приказу, все, кто имел доступ к передатчику, каждые десять минут поочередно давали в эфир сжатый доклад, показывая, что с ними все в порядке. Плюс я знал, что сейчас происходит у меня за спиной.

– И чего они так теснились? – задумчиво спросила поравнявшаяся со мной Кассандра. – Кровать над кроватью. Едва можно протиснуться. Тут ведь хватает места…

– Вот почему, – ответил Баск, врубая фонарь и направляя его

на пол. – Вода… а с ней сырость и болезни…

Все понижающийся центральный проход уходил здесь чуть в сторону, а на стенах и полу появились первые темные пятна.

– Затхло, – сморщилась пифия. – Затхло… Зачем ты потащил меня сюда, командир? Железным мальчикам нужна беззащитная женская компания?

– Связь с системой. – произнес я. – У тебя она есть.

– Ты про мою магию? – рассмеялась пифия. – Ну да… Мама разговаривает со мной и шлет видения.

– Если здесь есть хоть что-то активное и с присутствием системы…

– Я поняла. – кивнула Кассандра. – Если вдруг меня накроет вспышкой видения – я сообщу. Но так, чтобы Мать послала мне что-то наяву, а не во сне… это запредельная редкость.

– Увидим. – проворчал я, ступая в плеснувшую мелкую лужу.

Это была первая лужа из многих. Стекающая со стен, капающая с потолка, сочащаяся из щелей вода все прибывала. Лужи становились больше и глубже, а всего через сто шагов мы оказались в конце ступенчатого склона и на берегу неглубокого широкого канала.

На миг мне почудилось, что я просто надышался влажных вонючих паров и на самом деле все еще нахожусь где-то в сердце Клоаки или Зловонки… Слишком уж схожие декорации. Хотя поправка… в Зловонке не было никаких декораций. Плавающие в дерьме трупы – реалии того крохотного мирка, порожденного взрывом.

Так и здесь – никаких декораций. Все естественно.

Коротенький канал десять метров в ширину и двадцать один метр в длину – видимая нам его часть. Проход здесь резко расширялся, образуя еще одну сквозную пещеру. Выходя из темной дыры, медленные воды пробегали через пещеру и уходили в другую дыру. С обоих берегов пологие склоны – мы стояли в конце одного из них, от другого нас отделяла ровная как зеркало мутная гладь потока. Несколько валунов с обеих сторон как раз и были единственными декорациями, что, несомненно, были помещены сюда в очень давние времена. За этими валунами мы и скрылись. Из этого укрытия я и наблюдал за тем, что сейчас происходило на том берегу.

А происходило, честно говоря, там мало чего.

Два связанных голых гоблина. Один дохлый и уже далеко не в полном комплекте, направил обглоданное до костей лицо прямо на нас. Все конечности на месте, но при этом они представлены только костями, но не мясом – а вот его прямо в недостатке, хотя при жизни дохляк был тем еще пухляком. Пусть его сейчас

раздуло, и зелено-синее пузо живет своей загробной активной жизнью и вот-вот лопнет, отчетливо видно, что при жизни гоблин весил под сто кило и большая их часть была жиром.

Второй гоблин, что вяло шевелил перетянутыми цепями ручонками и что-то невнятно бормотал, был столь же упитан, хотя выглядел каким-то чуток сдувшимся, будто последние дни ему приходилось голодать. От его пут тянулась еще одна цепь, что крепилась к кольцу, вделанном в бок здоровенного валуна.

Гоблин шевельнулся и с протяжным стоном разинул пасть, ненадолго оттянув на себя наше внимание. С высоко потолка сорвалось что-то вроде коротенького, но бурного ручейка, окатившего водой харю гоблина и залившегося ему в пасть. Сомкнув губы, он проглотил воду и снова затих. Ему достался один большой глоток, остальное залило ему рожу, плечи и стекло к жопе, откуда, окрасившись в цвет дерьма, по склону двинулось к ручью.

– Дерьмо. – без малейшей брезгливости, но с изрядным удивлением пробормотала прижавшаяся к камню пифия. – Что дальше, командир?

– Ждем. – столь же тихо отозвался я. – Выше. Видите?

– Видим. – отозвался за всех Каппа. – Темная канава? Косая черта…

– Да. – подтвердил я. – Ждем. Наблюдаем.

Мы снова затихли в безмолвии, наблюдая из укрытия за похрипывающим гоблином и его не менее оживленным дохлым собратом по несчастью.

«Косая черта», «темная канава» – мечник говорил про прочертившую склон темную борозду, что под небольшим углом спускалась к телам на берегу канала. Начиналась канава от темного прохода на той стороне. Прохода, перегороженного сразу двумя мощными решетками, что были наглухо вделаны в скалы и для верности еще и подперты здоровенными стальными и каменными балками. Такое впечатление, что те, кто строил эту преграду, пытались сдержать наступление боевого шагохода.

«Наш» берег был чист, а вот противоположная сторона просто завалена чистенькими костями. Их тут валялось множество. Что примечательно – из примерно сотни костей лишь одна несла на себе следы повреждений. Другие же прямо удивляли своим прекрасным состоянием.

– Он нас не слышит. – заметила Кассандра.

Я не ответил, а пифия продолжила:

– Шум капания и журчания блокирует.

– Верно. – выдохнул я из динамиков, глядя на впавшего в забытье голого жирного гоблина, что так живо напомнил мне

откармливаемых свиней Зловонки. – Тигры… тише!

Задержавшиеся разведчики, что появились на вершине склона, тут же присели и в считанные секунды оказались рядом. Пока Каппа вводил их в курс дела, я продолжал наблюдать и первым заметил движение на противоположном берегу.

У двойной решетки мелькнуло нечто белесое, быстро укрупнилось, обрело четкие очертания и под конец распалось на три отдельных пятна, что еще через пару метров превратились в силуэты.

Гусеницы.

Огромные белесые гусеницы с торчащими из спины и боков длинными шипами.

Двигаясь точно по темной «колее», эти твари с деловитой поспешностью спускались к прикованным у канала гоблинам. Еще через минуту следом за этими показалась следующая тройка гусениц, двигающихся по тому же маршруту. Еще через минуту – третья тройка.

Каждая жирная тварь достигала в длину около метра, при этом казалась короткой – настолько толстыми они были. Изначально они показались мне очень знакомыми, а еще через несколько секунд я вспомнил, где видел точно таких же – только поменьше в размерах. Очень похожих насекомых подселяли в грудь каждого Непримиримого. Так эти паразиты все же могут жить вне носителя? Или это другая порода?

Пока я лениво размышлял, гусеницы шустро преодолели весь путь. Две тройки замерли у дохлого пухляка. Последняя тройка, поднажав, проползла мимо и окунула хари – или жопы? – в первую попавшуюся лужу поглубже. Первые же шесть принялись объедать тухлый труп, достаточно быстро сдирая, измельчая и пихая в свои полупрозрачные тела мягкое мясцо. Тут наконец очнулся прикорнувший гоблин и до наших ушей донесся его перепуганный хрип. Засучив ножками, извиваясь всем жирным телом, он чуток отполз в сторону и затих, поскуливая. Мог бы и не стараться – ни одна из гусениц не обратила на него внимания.

Через десяток минут гусеницы закончили с набиванием тел, увеличившись чуть ли не вдвое, и лениво двинулись обратно вверху по склону. Одновременно с этим к ним навстречу уже двигались еще три тройки гусениц, направляясь по тому же маршруту.

Мясо. И вода. Жратва и питье. Вот только тут не гусеницы жрут. Тут налицо какой-то конвейер по доставке жратвы. Кормят свое потомство? А разве сами гусеницы не являются потомством?

– Убить всех. – скомандовал я, выпрямляясь. – Но тихо.

Всех опередил Каппа, что, явно только и ждал возможности

вдоволь помахать огромным тесаком, что временно заменял ему сберегаемый любимый меч. Перемахнув одним прыжком канал, едва не раздавив труп, приземлившись на краю кучи костей, мечник рванулся вперед и одним взмахом разрезал первую троицу, вскрыв их переполненные тухлой человечиной тела. Бегущий следом желтый экз Рэка запнулся и рухнул в воду. Приземлившись на его поясницу, я прыгнул дальше и еще до прибытия на тот берег успел всадить десяток игл в торопящихся к решетке водоносов, заставив их притормозить. Больше делать ничего не пришлось – вошедший во вкус Каппа живенько нашинковал насекомых, для верности раздавив дергающиеся ломтики стальными подошвами.

С лязгом опустив ногу экза в миллиметре от сморщенных недостоинств ошарашенного гоблина, я поднял забрало и ласково спросил:

– Как ты, сука?

Вместо ответа гоблин вдруг подался вперед, раздирая кожу о камни и смачно приложился губами к моей ноге, принявшись покрывать ее поцелуями, в промежутках причитая:

– Спасители! Спасители! Умоляю! Помогите бежать! Я не хочу… не хочу… СУКА-А-А-А! Я не ХОЧУ УМИРАТЬ! Не хочу! Трахни меня, но спаси! Трахни и быстро убей – тоже сойдет! Только не бросайте так! Только не так подыхать! Не так! Как он мучился… бедный Срульваджо… он так любил горячую кашу со сметанкой… а сметанку ох и трудно достать… но он старался…

– Срульваджо? – переспросила Кассандра, нависнув над полусъеденным тухляком. – Горячая каша со сметанкой?

– Вколи ему чего-нить успокоительного. – приказал я. – И пихни таблетку слезы. Каппа! И ты… подводник…

– Не освоился еще, командир, – повинился вылезший из потока грязный желтый экз, сжимая клешню и дробя вытащенный из воды череп. – Споткнулся… дерьмо…

– Освоишься. – буркнул я. – Скиньте шинкованных гусениц в поток. Залейте водой их кровь. Затем распотрошите этого сраного Сруля…

– Срульваджо. – поправил меня жирный гоблин и охнул, когда ему в жопу воткнули сразу два шприца.

– … и залейте его жижей оставшуюся кровь гусениц. – добавил я. – Эти твари должны иметь хорошее обоняние. Так пусть не учуют пролитую кровь предыдущих… носильщиков мяса.

– Есть! А наш запах?

– Для них мы пахнем как еда. – мрачно произнес я, пытаясь подсчитать, сколько черепов я вижу.

Бортовая система услужливо помогла, назвав цифру в сто

тридцать восемь. Ровно столько черепов компьютер засек вокруг – лежащих на виду и полускрытых костями. А сколько еще в воде? Сколько полностью под костями или разбиты на мелкие куски?

– Грязь. – заметил Тигр, сидящий с подругой на валунах. – Нам…

– Не пачкайтесь. – качнул я головой внутри шлема Шила. – И ближе не суйтесь – ваш запах другой.

– Мы не гоблины. – кивнула тигрица. – И не трусливые свиньи. – кошка брезгливо глянула на исцарапанного блаженно улыбающегося жирного гоблина. – Как он так отожрался при их всеобщем недостатке жратвы?

– Хороший вопрос, боец, – кивнул я. – Прямо хороший вопрос…

– Лид! – добравшийся почти до самых решеток Каппа замер, повернулся ко мне с поднятым забралом.

– Ну?

– Слышал?

– Слышал чт… – я осекся и замер, вслушиваясь в слабое хриплое знакомое эхо, донесшееся от шлема Каппы. – Ни хрена себе… это…

– Голос Джоранн. – подтвердил мечник и захлопнул забрало. – Бубнит что-то вроде «как слышите меня?» … рыжая дает о себе знать. И сигнал добил до нас… а у меня в шлеме закреплен…

– Системный передатчик. – закончил я за него. – Работающий только при условии системного присутствия в этой области. Живее, Каппа. Забрызгай там все кровью и свали от решетки нахрен.

– Есть.

Остановившись рядом с чуть ли не пускающим слюни гоблином, принявшимся правой рукой лениво теребить свой отросток, сколупывая с него застарелую грязь, а левой поглаживать себя по бедру, я зажал его нос меж стальных пальцев и резко повернул.

– А-А-А-А-А-А!

Затуманенные наркотой и успокоительным глаза прояснились, хлынул поток слез.

– Не надо! Не надо! Я мирный! Мирный! А вы герои, да?

– Рассказывай. – велел я. – Нахрена вы здесь?

– Похитили нас…

– Кто?

– Непримиримые. А ведь мы были друзьями! – с обидой заметил безымянный гоблин и покосился на вязкую лужу на том месте, где минуту назад лежал уже разодранный и взорвавшийся

труп Срульваджо. – Мы были друзьями! Они приносили нам еды. Много вкусной еды! Кашу со сметанкой…

– Непримиримые?

– Да! Мы ведь пастухи на дальнем кордоне – совсем-совсем рядом с границей! Но там такая хорошая трава… для овечек самое то. А ведь если ты с добротой к овечкам – так и они к тебе так же со всей лаской и любовью. – гоблин покрепче сдавил свой отросток. – Овечки они ведь такие нежные и…

– Дальше! Непримиримые кормили вас. Каждый день.

– Да.

– Как долго?

– До-о-олго. Вкуу-у-сно… кушали мы от пуза. Зеленые и синие – добрые… ну мы так думали. А потом как-то заснули и проснулись уже здесь. А Блунк…

– Блунк?

– Один из зеленых воинов. Он был тут, когда мы проснулись. Весь мрачный… грустный… мы с ним хорошо ладили всегда. Он и говорит – без обид, друзья, без обид. Но вы теперь жертвы. Жертвы Брассарры… Охренеть да? Он так и сказанул! Вы, говорит, теперь жертвы Брассарры! Съедят вас… Мы думали шутка… смеемся… а он… он еще раз попросил прощения и убежал… а потом… потом приползли эти твари! И начали жрать Срульваджу лицо! Заживо! Они выжрали ему глаза! Как он кричал… мамочка… как же он кричал… а они жрут и жрут… а меня не трогают…

– Что еще ты знаешь?

– Жрут и жрут Срульваджо! А он… он кричит и… потрескивает! Потрескивает как кожура колбасы, когда рвешь ее зубами… а я всего один раз в жизни кушал колбаску… вместе с кашицей… так было вкусно…

– Вы видели Брассарру?

– Ее? О нет! Нет… только этих тварей… они сожрали Срулика!

– Усыпи дебила. – устало вздохнул я. – Тигры. Оттащить его тушу к началу коридора. Как очнется – пусть расспросят. И в темпе задайте пару вопросов тому крылатому ушлепку с раздутой жопой – что это, нахрен, за жертвы такие? Прихватите с собой пятерку бойцов и тащите сюда. Похоже, мы здесь задержимся чуток. Так что не забудьте принести щиты, немного жратвы, резервные батареи для экзов и чего-нить еще такого… душевного… чтобы и им и нам приятно было.

– Огнемет и говяжьих сосисок?

– А давай. Еще компота и десяток зажигательных гранат.

– Принято, лид.

С легкостью подхватив обмякшего гоблина под руки, тигры с брызгами рванули через мутный поток, спеша доставить вонючую посылку адресатам. Вряд ли там будут особо рады жирному терпиле, но здесь мне этот беспомощный кусок говна точно не нужен. Пусть его цепи пришлось рубить Каппе – оковы прямо крепкие – но… но это же, сука, полный мрак! Гребаный позор! Он даже не пытался освободиться! Не сражался за свою жизнь. Просто лежал рядом с тухнущим дохлым другом, глотал капающую с потолка водичку и тупо ждал своей очереди. Ладно в Зловонке свиньи не сопротивлялись – они прошли лоботомию и чаще всего не имели ни одной конечности. При всем желании не сбежишь. Но эти?

– Да я бы, сука, цепями их в брызги, гусениц этих сраных! – за меня высказался Рэк, с презрением глянув вслед уносимому тиграми гоблину. – Дерьмоед трусливый! Чего боялся? Шипов? Тьфу! Бей! Дави! Грызи! Вырви зубами один из шипов, перехвати – и им же коли мерзоту прямо в рыло!

– Тихий мирный доброс. – пожала плечами Кассандра и принялась протирать забрало шлема. – Я насмотрелась на таких тихонь.

– Забудьте уже сраного гоблина! – рявкнул я, невольно добавив в голос стального лязга. – Думайте, бойцы! Думайте! Какого хрена тут происходит? Кассандра? Как поняла это дешевое зрелище?

– Ну… Непримиримые откармливают на дальних кордонах пастухов. Это логично.

– Почему? – поощрил я ее.

– Почему именно пастухов? Потому что они там постоянно – вдали от города. Потому что их не бывает толпа – двое-трое и не больше. Удачное количество. Плюс их никто не видит по несколько месяцев. Жратву доставляют Непримиримые.

– Дальше.

– Они откармливают пастухов до неприличия кашкой со сметанкой и прочим. Когда те набирают достаточно жира и когда подходит срок – в жрачку добавляют снотворного. Раздевают бедолаг, сковывают, доставляют в Пещеры Мрака, проносят через решетку и коридор, после чего бросают на камни и приковывают к валуну, перед этим убрав костяки предыдущих жертв. Готово. Потом, наверняка Непримиримые быстренько линяют – ну чтобы не так стыдно и стремно было. Проще уйти незаметно и затем забыть. Но в этот раз один из зеленых особо совестливый попался. Дождался пробуждения живых котлет и сообщил им грустную новость. После чего извинился и красиво ушел…

– Дальше, леди, дальше.

– А дальше совсем просто. То ли по запаху, то ли как-то иначе, но гусеницы получают информацию о появлении на обеденном столе пары новых котлеток. – ответила пифия и задумчиво окунула окованный металлом носок ботинка в густую мясную жижу на том месте, где лежал дохляк. – Гусеницы оперативно прибывают. Жрут мясо, плюс напитываются водой. Все это тащат за те двойные решетки – думаю, там и ждет их упомянутая Брассарра, что получает от своих ручных питомцев разные вкусняшки. Как они в нее все это вливают, не знаю. Может, отрыгивают, может, она их целиком жрет – а новых гусениц для нее наплодить не проблема. Короче – там что-то вроде муравьиной матки. Жрет, срет и рожает. Заткнись, Рэк! Не вздумай щас вякнуть, что бабы только на это и годны!

Дернув клешней, Рэк с презрением промолчал и продолжил вытряхивать воду и грязь из дула дробовика.

Я же, чуть подумав, одобрительно кивнул и от себя уже добавил:

– Она их как-то программирует. Возможно, на простейшем уровне, но все же программирует и довольно четко.

– С чего ты взял? Тут налицо простые инстинкты. Как муравьи-работяги таскают жратву матке – так и здесь.

– Не, – качнул я головой. – Нихрена не так все просто. Вот у плуксов нижнего мира – все так. Набросились, напились крови, нажрались мяса – и назад в гнездилище. Часть сожранного сами переварят, часть отдадут в гнездо. Но и плуксами можно управлять – натянув их на себя как мясные комбинезоны.

– Слышала я эти истории… Хм… Брассарра выступает в роли мозгового центра? Как по мне, так бред. Тут голые инстинкты. Почуял мясо – хапнул мясо.

– Почему тогда второго гоблина даже не надгрызли? – спросил я, и пифия осеклась на полуслове.

– А вот этого не знаю… – призналась она. – Но в принципе, и тут могут сработать инстинкты.

– Да в целом насрать. Просто будем еще чуток поосторожней. Ладно… вот вам самый главный вопрос, гоблины. И звучит он так – на кой хрен вообще Непримиримым кормить Брассарру? Она ведь главная страшилка этих пещер. И вообще она главный злодей этого мира. Все ее боятся, все жаждут ей смерти…

– Удерживая Брассарру в живых, Непримиримые могут держать Терпил в страхе и под это дело выжимать из них еще больше соков. – предположила пифия, задумчиво наблюдая, как я обмазываю грудную броню и плечи трупной жижей, зачерпывая ее из лужи.

– Зачем держать Брассарру для этого в живых? – прошелестел

динамиками Каппа, замерев в полной готовности в десятке метров от решетки. – Терпимые не смогут проверить. Они сюда не пойдут. Поверят Непримиримым на слово.

– Верно. – согласился я. – А если сюда и сунется какой-нибудь отважный крестьянин… просто расчленить смельчака, дать подтухнуть, затем вытащить из пещеры оторванную голову и пару самых сочных вонючих кусков. Показать этот гербарий другим селянам… и дело сделано. Надолго отобьет желание лезть в страшные, мать их, Пещеры Мрака…

– Да крестьянин сюда бы даже не зашел. – вклинился в разговор Рэк, выбравшийся ненадолго из экза, чтобы закончить чистку дробовика. – На входе патруль. Не! По другой причине они Брассарру голодом не уморили. Может, она им нужна?

– Для чего? – повернулся я к орку.

– А хрен его знает. О! Гусеницы! Может, это Брассарра гусениц растит?

– Как вариант. – кивнул я.

– Движение. – оповестил Каппа и присел, скрываясь за одним из валунов.

Вмешиваться я не стал, жестом указав пифии место за моей спиной, а сам принявшись наблюдать за Каппой. Это сочетание – меч и экзоскелет – против подобных врагов было предельно эффективно. Выждав, когда неполный десяток гусениц преодолеет половину расстояния и почти поравняется с его укрытием, заодно убедившись, что из решетки пока не лезет иная живность, Каппа встал и трижды взмахнул мечом. Все заняло секунд семь и походило при этом на простой, но достаточно красивый танец. Разрезанные гусеницы, выпуская тягучую слизь, задергались на полу. Каппа же, убрав меч, принялся их давить, а потом подхватывать раздавленное месиво и швырять в поток, причем каждый из этих снарядов проходил в опасной близости от желтой башки Рэка.

– Эй! Раскосый! – прорычал орк. – Смотри куда дерьмо швыряешь!

Гордо промолчав, Каппа ударом ноги швырнул на место смерти гусениц кусок дохлого Срулика или как там его. Раздавил, чтобы выдавить как можно больше вонючего сока. И снова занял позицию за валуном, поджидая следующих.

Вот только будут ли они? Следующие?

Если там, за решеткой, скрывается кто-то разумный, то ему не составит труда понять, что здесь происходит что-то странное, раз уже второй отряд гусениц не вернулся с рейда за жратвой. И следующий отряд на убой уже не пошлют. Ну или сюда двинется небольшая армия. Вот только медлительных гусениц, несмотря на

все их грозные шипы, бойцами не назвать.

Долгий протяжный и определенно не из человеческой глотки крик прилетел из-за решетки и эхом отразился от потолка приютившего нас уголка Пещер Мрака.

– Она что-то сказала. – заметил я, поворачиваясь к пифии.

– Определенно, – кивнула Кассандра. – Какие-то слова… это точно были слова. Она кричала что-то… и пара слов были мне смутно знакомы…

– Жопа! – Рэк удивленно взмахнул клешней. – Реально! Голос вроде как бабский, и она точно проорала «Жопа». Вернее, «жопы». Наш человек!

– Я услышал «ваши жопы», «хренососы» и «порождения шлюх». – проинформировал нас сидевший ближе всего к решетке Каппа. – Еще, но не уверен, вроде как прозвучало «сосите, суки, сосите!»

– Это интересно. – оживился я, покидая облюбованное местечко и шагая к решетке. – Каппа за мной. Остальные выжидайте. И поглядывайте на канал.

Следующей моей остановкой стала прислоненная к решетки широченная и неплохо отесанная каменная плита. Остановившись, я прочел несколько никому нахрен не интересных строчек, выбитых на камне:

«Мы высшие герои, что были заключены в Матерью проклятом и забытом Мире Монстров, желаем поведать тебе, о читающий, наши имена и нашу историю. Мы, не совершившие плохого и всегда стоявшие за слабых горой, уничтожающие мерзких тварей и бесстрашно сражавшиеся со сгущающейся над миром тьмой, явились в эти земли высоко неся трепещущие на ветру знамена. Мы пришли с миром, мы пришли с добром, гордо держа руки на рукоятях верного смертоносного оружия. Мы верили, что очистим этот мир от скверны – хотя бы на время! – а затем столь же тихо и мирно покинем его. Но все сложилось иначе и нам пришлось остаться здесь навсегда.

Я, крестоносец Даведар, убивший немало тварей на своем веку и сделавший сотни засечек на цевье верного пулемета, расскажу тебе, о читающий, нашу горестную историю. То было чудесное утро вторника… мы только что повергли и сожгли серую многоножку, двух скорпиусов и черепанга. Сразу после неплохо перекусили жареным мясом и пустили по кругу пойманную на полях зверолюдку. Кто ж знал, что столь чудесное утро завершится самым черным и страшным днем…»

На этом я прервал занимательное чтение – долгий и теперь куда более отчетливый крик-проклятье повторился:

– Хватит уже, сука, издеваться, гребаные ублюдки! Чтоб ваши

жопы все, кому не лень поимели! Чтобы вы, сука, дерьмо захлебнулись, ублюдки! Ненавижу! Убейте уже меня! Просто убейте! Какие вы нахрен Непримиримые? Только сосать и умеете! Только Терпимых объедать и умеете! Дерьмоеды! Ненавижу!

Когда затихло звенящее эхо, я повысил громкость динамиков и произнес, обращаясь к тому, кого скрыла густая чернота за решеткой:

– Ты кого Непримиримым назвала, сука?

– Да она вконец оборзела! – радостно проревел Рэк, понявший, что можно не сдерживаться. – Ах ты, давалка гребаная! Потаскуха пещерная! Настолько уродлива, что только в темноте насасываешь?! А?! Мы тебе не здешние! Поняла?! Ща зайдем и расчленим нахер!

Увидев подбегающих к воде бойцов с тиграми во главе, я жестом показал, что приближаться пока не стоит. Хрен знает, чем эта тварь с диким голосом может нас удивить. Плюнет чем-нибудь едким…

– Хватит вам орать! – завопила не выдержавшая Кассандра. – Эй! Ты там! За решеткой! Да, это мы убили твоих гусениц. Почему? Потому что нехрен людей жрать! Ты кто такая? Имя?!

Сначала ответа не последовало. Где-то с минуту за решеткой молчали, а когда прокричали ответ, он прозвучал уже куда спокойней:

– Вы кто?!

– Я Оди. – ответил я, и мой многократно усиленный голос унесся в глубину пещер.

– Какой еще, нахрен, Оди? Кто такой?

– Я тот, кто сегодня убьет тебя. – спокойно произнес я.

– Так зайди и убей! Я буду рада! Рада! Убей! Если это не гребаная шутка… Умоляю! Убейте меня! Убейте! Только не вздумай сказать, что это очередная шутка! Мрази! Хватит издеваться! Вы Непримиримые? Гребаная охрана моей гребаной тюрьмы?!

– Мы убили тех, кто стоял у входа. Ты Брассарра?

– Да… я она… я никто… убейте меня!

– Обмен. Сначала поговорим. А потом я тебя прикончу. Пойдет?

– Коснись решетки. – велел кричащий голос.

– Зачем?

– Непримиримым не велят подходить к решетке ближе, чем ты стоишь сейчас.

– Видишь меня?

– Вижу решетку. Вижу плиты, блоки. Видела твой силуэт, что тут же скрылся за плитой. Это ведь был ты?

– Да.

– Подойди к решетке. Ударь ее. Хотя бы просто коснись…

– Да в жопу. – буркнул я, выходя и парой выстрелов сшибая одну из многочисленных цепей.

Не удовольствовавшись этим, я перешиб еще три цепи, сдернув и отбросив их. Следом уперся в один из блоков и, накренив его, уронил на каменный пол.

– Ну что? Я Непримиримый?

– Нет! Они бы никогда…

– Так поболтаем мирно перед тем, как я тебя грохну?

– Да! Да, мать твою! Конечно же, да! Да, делай со мной что хочешь, но потом убей! Разговаривай, лапай, трахай, сдирай кожу, сжигай, а затем снова трахай… но убей в конце! Убей! Обязательно убей!

– Настоящая женщина. – прогудел Рэк, цепляя клешней цепь. – Все бы такими были…

– Помоги-ка, – глянул я на Каппу и уперся руками в плиту с никчемной «летописью». Кому нахрен нужна твоя история, гребаный дохлый крестоносец?

Поддавшись нашему напору, плита оторвалась от решетки и рухнула на скалистый пол, расколовшись на несколько кусков. Повернувшись к двери, что так долго была заперта, я дождался, когда Рэк сдерет последнюю цепь, принял от подбежавшего Тигра стальной щит, одним пинком снес преграду и без малейших колебаний окунулся в темноту логова Брассарры.

Попадая в обиталище мифического монстра – воспетого словами трусливых терпил – хочешь или не хочешь, начинаешь нервничать. Еще бы – про эту тварь столько всего наговорили.

Дай трусам один только шанс – они и тебя трусом сделают.

То, как держались оставленные у решетки бойцы, как нервничала Кассандра – я не мог видеть за зеркальным забралом ее лица, но зато прекрасно видел ее силуэт, отмечал ее движения. Даже Рэк нервничал, шагая нарочито широко. А Каппу выдала неспешность – мечник так сильно хотел доказать, что его нисколько не волнует и не пугает купающаяся в темноте ужасная Брассарра, что шагал чуть ли не как на прогулке. Тигры… вот кошки своих эмоций не скрывали вообще. Дергаясь, припадая к стенам и полу, изредка испуская тихое шипение, они то рвались вперед, то стремились найти укрытие, тревожно посверкивая расширенными глазами.

Фонарей мы не включали. Держались по возможности порознь. Экзы прикрывали менее защищенных. Как бы там не стонала Брассарра, обещая огненный экстаз любому, кто согласится ее прикончить, верить ей на слово я не собирался.

За решеткой нас ждал длинный и немного извивающийся коридор. Через тридцать метров он раздвоился, но еще через двадцать снова сошелся, а мы уперлись в очередной каменный завал с несколькими широкими дырами, достаточными, чтобы пропустить сквозь себя не только гусеницу, но и тощего гоблина. Экз не пролезет.

Брассарра ничего не говорила. Но и не молчала – из тьмы за завалом доносилось разное. Всхлипывание, короткие бессвязные крики, изредка ругань, снова плач. Не став мешать ей, мы занялись завалом. Оценив свод, выгребли с полтонны мелких осколков, следом осторожно достали верхние обломки и, убедившись, что потолок не собирается обрушиться немедленно, двинулись дальше.

Дальнейший путь лежал по частично заваленному битым камнем коридору, и чем дальше мы продвигались, тем больше мелкой щебенки встречалось. Но шагать было относительно легко – темнота сменилась желто-красным сумраком, среди камней извивалась отчетливо видимая даже без приборов ночного видения узкая тропа гусениц-несунов. И чем дальше мы шли, тем светлее становилось.

Шаг…

Другой…

И я остановился у нового невысокого завала, перегородившего проход лишь наполовину. Поверх груды пыльных камней я глянул вперед и увидел огромную пещеру, пронизанную несколькими тусклыми световыми столбами. Свет приходил сверху, но его источником явно было не солнце Мира Монстров. В любом случае, света было достаточно, чтобы разглядеть все необходимое в самых мелких деталях.

– Глиста, придавленная комком дерьма. – пробормотал я, прыжком перемахивая через завал и приземляясь рядом у края щебеночного поля.

Вот откуда все эти завалы – или большая их часть. Их породил вот этот огромный кусок скалы, что рухнул с потолка величественной пещеры, с неимоверной силой ударив в пол. Кусок скалы, чем-то похожий на уродливое веретено или тощую юлу. Упав, пробив пол, вызвав волну сотрясений всего пещерного комплекса, он рухнул набок, бесцеремонно придавив собой гигантскую змею с едва заметно светящейся серой чешуей. Пусть это был непрямой удар, но он все же был страшен – хотя бы из-за чудовищной массы упавшей скалы. Змею попросту раздавило к хренам – в особенности пострадала ее частично виднеющаяся из-под обломка расплющенная чуть ли не в лепешку башка. Если с ней это и не сразу произошло, то уже позднее оно было

неизбежным – сыграл свою роль никуда не девшийся многотонный вес скалы, что очень долго давил на череп змеи.

Змея огромна. Такая тварь вполне сможет проглотить багги целиком. Не представляю какой у неё длины тело. Мы видели острые почернелые змеиные клыки, что пробили верхнюю часть челюсти и вылезли наружу. Видели столь же черные замершие глаза. Вываленный язык передавлен посередине. Судя по сморщившейся Кассандре, снова потянувшейся за полумаской с фильтрами, вонь здесь страшная.

И это удивительно…

Судя по всему, даже по нетронутому толстенному слою пыли на обрушившейся скале, это произошло очень давно. Так какого хрена тут до сих пор воняет тухлой жопой змеи? Она давно должна сгнить до костей.

И кто с нами разговаривает?

– Как слышите меня? Джоранн на связи. Прием, гоблины. Как слышите меня.

Повернувшись к Каппе, я требовательно протянул лапу и вскоре бережно сжал в стальных пальцах хрупкий передатчик:

– Джоранн. Оди на связи. Как слышишь меня.

– Оди! Сука! Живой! – в охрипшем голосе рыжей плеснулась искренняя радость. – Живой! Как там Хванчик?

– Гнида жив. Как база?

– Сейчас в норме. Вчера мы подверглись атаке двух экзов и небольшого отряда хорошо вооруженных гоблинов. Дерьмово было…

– Вы пришли… – выдохнула пыльная скала. – Вы пришли…

– Заткнись! – рявкнул я на камень. – И пару минут помолчи!

– Охренеть… – изумленно выдохнула скала и затихла.

– Джоранн! Полный доклад по нападению!

– Как я сказала – два экза и двенадцать бойцов с автоматическим оружием. Атаковали с двух сторон. Экзы бежали по мостам к центральному острову, отряд гоблинов подошел на катере. Их целью было центральное здание. Но до него они не добрались. Гоблинов мы положили всех. Завалили одного экза. Второго серьезно потрепали, но он рухнул в воду и теперь не понять – сдох там или ушел по дну. Но левую ногу мы ему можно сказать оторвали.

– Ясно. Есть сведения кто их послал?

– Нет.

– Система?

– Выдала нам всем поочередные задания по патрулированию окрестностей. И спросила меня о твоем местонахождении. Я ответила – Мир Монстров.

– И система?

– Опять спросила о твоем местонахождении. Я повторила – Мир Монстров. Больше ко мне вопросов не возникло, но система так же поочередно опросила каждого гоблина, призма и зверолюда базы.

– Принято. Булки не расслабляйте там.

– Стараемся, командир. Хван точно в порядке?

– Да.

– А Баск?

– Передаю передатчик Каппе.

– Э… – мечник недовольно дернул лапами и попятился от протянутого устройства.

– Ну да. – вздохнул я и сунул прибор Кассандре, что с готовностью приняла его, присела на один из камней, не забыв прикрыть спину стальным щитом, и тут же обрушила в эфир кучу слов.

Я же потопал к тиграм, что с крайней задумчивостью пялились куда-то под камень, чуть в стороне от раздавленной змеиной башки. По перекошенным от вони мордам разведчиков я понял, что меня ожидает сюрприз, и не ошибся.

Здесь из-под камня выпирала часть изогнутого змеиного тела. Все та же почернелая многослойная, облетающая огромными пластами змеиная шкура, а на ней что-то вроде закостеневшего бугром гнойника или опухоли, перечеркнутого узкой трещиной. По сторонам от этого желтоватого мутного купола в змеиной коже видны суженные отверстия, чем-то напоминающие сомкнутые сфинктеры. Из одного полураскрытого отверстия медленно выползает белесая гусеница с уложенными по спине шипами, толкая перед собой волну прозрачной слизи.

– Если это не жопа, … то почему глисты лезут? – поинтересовался подошедший Рэк, опуская вскинутую клешню. – Вот дерьмо.

– Дерьмо. – подтвердил и Каппа, бросив беглый взгляд на обрамленное дырами вздутие и продолжив осматривать сумрачную пещеру.

– Взгляните на меня. – прошептала опухоль, с ее краю мелко задрожала крохотная мембрана, что, похоже, и служила проводником звука. А может, через этот гнойник и она «дышала».

Плеснув вонючей слизью, опухоль начала медленно открываться как раковина, хотя мне пришло на ум иное сравнение – чем-то напоминало открытие бронированного кокпита тяжелого боевого шагохода.

Излив еще немало литров тягучей вонючей плаценты, гнойник раскрылся, показав нам свое главное сокровище –

вживленную в змеиную тушу часть голой бабы. Широко раздвинутые бедра, раскинутые руки – первые есть по колени, а вторые по локти. Прилипшие к истощенному лицу волосы небрежно обкромсаны – уже настораживающий факт, заставивший меня еще раз оглядеться.

– Мен стригут красные ублюдки. – правильно поняла меня Брассарра, с трудом вытолкнув из себя слова вместе с солидной порцией слизи. – Сваты.

– Сваты? – изумленно пробормотал Рэк, пялясь на сиськи Брассарры. Взяв себя в руки, орк двинулся прочь, буркнув: – Огляжусь.

Я продолжал осматривать распятое тело женщины, что напомнила мне одну из гномьих жриц, что натягивали на себя пальто из живого плукса. Это и есть мозг змеи? Она управляет огромной змеиной тушей?

Но все равно это никак не поясняет, почему раздавленная змея до сих пор не сдохла и не сгнила – хотя вонь тухлого мяса в наличии.

Это не поясняет, каким боком сюда относятся гусеницы, что то ли живут, то ли рождаются в змеином теле и усердно носят хозяйке жратву.

Опустившись на камень неподалеку от Кассандры, я еще раз оглядел пещеру, мельком пробежавшись взглядом по фигурам вышедших на патруль экзов и тигров. Убедившись, что пока все в порядке, поднял забрало и, взглянув в желтые глаза трясущейся от холода голой тощей бабы, сказал:

– Давай сначала о главном.

– Я Брассарра… была перерождена для…

– Эй! Я сказал – о главном. Где активный системный терминал?

– Большой стальной гриб… материнское око…

– Да.

– Я придавила его. – мокрая от слизи баба растянула губы в жутковатой радостной усмешке. – Чтобы добраться до него… тебе придется прорубаться сквозь скалу и мое тело.

– Да с радостью. – дернул я щекой. – Где конкретно?

– Как я помню… в сторону моего хвоста. Метрах в десяти от тебя, герой Оди. Уже готов убить меня? Или хочешь услышать мой рассказ?

– Ты придавила цель моей миссии. – усмехнулся я. – Твоя жопа лежит на моем пути… а я гоблин занятой. У тебя пара минут, Брассарра. Так что говори быстро.

– Еда… можно мне послать детей за едой? Еще немного пожрать перед смертью…

– Ты жрешь гоблинов…

– Это не в моей власти. – дернулась и зашипела Брассарра. – Задумайся, тупой герой! Похоже, что я стремлюсь сохранить свою жизнь?! Похоже?!

– Нет. – признал я, смотря на раздавленное и гниющее змеиное тело. – Не похоже.

– Трупный яд бушует в моей крови! Вечная агония! Вечная головная боль – ведь моя голова раздавлена гребанной горой! Мозги всмятку! Ты можешь представить себе, каково это жить с никогда не утихающей головной болью? Ощущать вечную боль… вечную тошноту… и понимать при этом, что мое тело настолько крепко и живуче, что все это дерьмо продлится еще очень долго! Думаешь, я жру тухлую человечину, смакуя каждый кусок?

– Сказал же – нет, не думаю.

– Гусеницы затаскивают жратву прямо в мой желудок. И я не могу им помешать… не знаю, слышал ли ты о двойной нервной системе у призмов… о разумах насекомого и человека, заключенных в одном теле…

– Слышал. – кивнул я, вспомнив Хвана и о том, как над ним брало контроль насекомое, что в любой ситуации думало лишь о выживании любой ценой.

– А у меня не два, а три разума в одном теле! Три нервные системы! И кроме меня сдохнуть не хочет ни одна из моих сущностей! Змея расплющена… мозги тухнут… но нервная система жива и пытается оживить все это раздавленное дерьмо, продлевая мои страдания. Бабочка, что тоже во мне, порождает гусениц, посылая их за жратвой. Я могу контролировать их… но лишь отчасти. Когда голод становится слишком сильным… я теряю контроль, теряю сознание! А когда прихожу в себя – я уже пожрала…. В меня уже натащили жирного жеваного мяска и воды… Учитывая замедленный метаболизм и почти летаргию… мне этого хватает надолго. Хватает, чтобы чуть подстегнуть мою невероятную регенерацию, чуть замедлить гниение и на то, чтобы породить пяток новых ползучих детишек…. И снова боль… снова сонная агония… а затем мне снова доставляют визгливых жирных гоблинов… Вот и сейчас – гусеницы чуют запах жратвы и рвутся… рвутся за едой…

– Вперед. – разрешил я, поняв, что толку от запрета не будет. Разве что раздавить всех гусениц.

Брассарру трудно назвать каннибалом. Людоедом – да. Но не каннибалом. Она давно уже не человек. Она… это что-то вроде искусственно выведенного древнего высшего хищника. Гребаный динозавр, что пролежал в обвалившейся пещере хрен его знает сколько лет.

Пока из приоткрывшихся дыр в змеином теле с хлюпаньем лезли новые гусеницы, а закатившая глаза Брассарра мелко потрясывалась внутри раскрытой бронированной опухоли, я решил глянуть чего это там Рэк так изумленно пялится за край камня, маша при этом мне клешней.

– В ней живет бабочка, – тихо произнесла продолжающая сидеть на камне Кассандра, не сводя глаз с рождающихся гусениц. – В ней живет красивая бабочка…

– Нашла родственную душу. – хмыкнул я.

Пифия мне не ответила.

А вот Рэк, повернувшись ко мне, развел руками и потрясенно выпучил глаза:

– Лид… у ней жопу сперли!

– А? – скривился я, заглядывая за камень. – Хм… вот дерьмо…

Из-под камня торчал заросшей молодой кожей обрубок змеиного тела. Хвоста не было. И судя по форме обрубка, он скорее был «обрывком» – гигантскую змею кто-то разорвал. Рваные ошметки уже обросли тонкой кожей, здесь не было того облака тухлой вони, что окружало раздавленную змеиную голову. Сейчас туловище истощенного монстра достигало в толщину метра три. На пике здоровья, змея наверняка была куда толще.

Что за тварь могла разорвать подобное туловище на две части? И куда делся хвост?

Если предположить, что оторванный хвост кто-то сожрал – то почему не выжрал и остальную часть беспомощной змеи, придавленной каменюкой?

– Брассарра! Где твоя жопа?! – это первое, что я спросил, вернувшись к «опухоли» после того, как осмотрел ту часть пещеры и убедился, что слой пыли там никто не тревожил уже долгие годы.

– И только теперь тебе стало интересно? – прерывающимся голосом выдохнула Брассарра, медленно открывая желтые глаза.

По ее губам пробежала короткая злая усмешка, но я не стал напрягаться по этому поводу – понял, что усмешка относится к далекому прошлому.

– Герой Оди, – продолжила искалеченная тощая баба, что так долго была страшилкой Пещер Мрака. – Чтобы ты потом не обвинял меня… скажу сразу – Даурра сделает все, чтобы спасти меня! А значит, скоро она бросит на атаку Пещер все свои силы, а может, даже явится сюда сама. Как давно вы у Пещер Мрака? Как давно Даурра поняла, что вы направились именно сюда?

– Мы нигде не задерживались. – ответил я, не став выделываться и разыгрывать из себя беззаботного придурка. –

Прошли маршем от входа в Мир Монстра до самых Пещер. Здесь мы минут сорок… может, час. Не больше.

– Ладно… у вас еще есть время. Но ждите атаку! Даурра явится! Обязательно явится! Умоляю – даже если будешь подыхать, убей меня, а потом сдохни сам!

– Сколько у нас времени?

– До прибытия Непримиримых? Не знаю… со мной никто не делится сведениями о технике и новых тварях. – горько усмехнулась Брассарра.

Повернувшись к верным усатым курьерам, я буркнул:

– Тиграм пора на волю.

– Разведка?

– В точку. И проверьте, как высоко сидят дозорные и как широк их обзор.

– Есть!

Кошки умотали, а я вернулся к разговору. Задумчиво пройдясь перед опухолью-кокпитом, я посторонился, пропуская мерзкую крошку-гусеницу, поползшую за жратвой.

– Твоя чешуя… она темная. Но если глянуть чуть сбоку – она переливается всеми цветами. Прямо радугой. Как у Даурры, если верить слухам. Твоя чешуя чуток светится – как у Даурры, опять же, по слухам. Ты плодишь детишек-гусениц – и она делает так же. Ты какой-то сраный мутантный гибрид змеи с гоблином и тараканом… и она, похоже, точная такая же, хотя старается не показываться на глаза. Несмотря на размеры, Даурру регулярно потрахивают – и, судя по этой вот сраной опухоли и твоим сиськам, тебя тоже вполне можно поиметь обычному мужику. Знаешь… так вполне можно поверить, что вы родственники. Харя у тебя хоть и сморщенная, но это больше от голодухи и трупного яда. Но как оценить возраст древнего монстра? Вы, случаем, не сестры? Брассарра и Даурра… мерзкие и прекрасные… М?

Ответом был захлебывающийся смех. Трясущаяся Брассарра, вживленная в полумертвую змеиную тушу, содрогалась от рвущего ее на части хохота. По ее щекам текли то ли слезы, то ли остатки слизи, вытекшей из-под век.

Гигантская змея рыдала в истерике, одновременно хохоча и рожая гусениц…

Этот гребаный мир настолько безумен, что я уже ничему не удивляюсь.

Выругавшись, я вытащил из набедренной разгрузки брусок резервной аптечки и прижал его к животу Брассарры. Аптечка ожила, присосалась, запустила тонкие щупы и тут же замигала тревожно красным, с отрывистым шипением принявшись что-то вкалывать.

Заткнувшись на полуслове, Брассарра прислушалась к своим ощущениям и прохрипела:

– Боже! Боль уходит… сучья вечная боль уходит! Еще! Еще! Дайте еще обезбола, твари!

Не дожидаясь моего приказа – потом накажу за это дерьмо – шагнувшая вперед пифия отодрала опустевшую за секунды аптечку и прилепила другую, вытащенную из рюкзака. Снова россыпь огней, снова шипение, выгнувшаяся Брассарра в голос ревет, пытаясь мотать приваренной к змеиному телу башкой, кривя искусанные губы в уродливой ухмылке.

– Что еще есть? – поинтересовался я у пифии, глянув на ее рюкзак.

– Витамины. Энергетики. Шизы навалом. Слез десяток. Успокоительные. Восстановители. Я девушка с галеликами. И потому запасливая…

– Коли ей все, кроме слез.

– А куда шизу пихать?

– А вон, – кивнул я на ряд склизких дыр, что оказались путями, ведущими в желудок.

Кассандра не заставила себя ждать, за секунду ополовинив содержимое своего рюкзака. Я чуток помог, зашвырнув в жадно хлюпающие дыры десяток протеиновых батончиков. Рэк добавил от себя. Каппа остался безучастным.

– Дай змее пощечину. – велел я пифии.

Она глянула на мою стальную руку и, поняв, что если вдарю я, то башка Брассарры разлетится, тут же влепила й звонкую оплеуху. Рыдания прервались.

– С-спасибо. – разродился благодарностью монстр. – Вам не понять… вам не понять, что такое не кончающаяся десятилетиями головная боль!

– Из пещер есть второй выход?

– Нет. Один вход. Один выход.

– Так что там про родственные связи?

– Ты почти угадал, герой Оди. Чтоб тебя… ты хитрый, умный и злой ублюдок, верно?

– Вы сестры или нет?

– Мы больше, чем сестры! Я и Даурра – близнецы! Сиамские близнецы! Две головы, два туловища, четыре руки… одна жопа и две ноги на нас обоих. Такие похожие… и такие разные! Ты думаешь я злодейка? Ну нет, герой Оди!

– Мне насрать.

– Я не злодейка! Я добрая тихоня, которую в тысячный раз поимела ее куда более хитрая, умная и злобная сестра-близнец! Ты очень напоминаешь мне Даурру – она столь же безжалостна.

Ей так же на всех и вся похер! Она всегда думает лишь о себе!

– Сиамские близнецы, – ошарашенно глянула на меня пифия. – Господи…

– Погоди-ка… – поморщился я. – Дай мне подтверждение той безумной мысли, что только что посетила мой усталый мозг… вы были слипшимися сиамскими близнецами в обычной жизни, а потом? Когда стали монстрами… по-прежнему были единым целым?

– О да! Двухголовая змея-мутант! Почти бессмертная тварь с невероятной регенерацией! Со сложнейшим ДНК… Мы, сестры со стертой памятью, были самым страшной тварью Мира Монстров! Скольких тупых героев мы порешили! Сколько раз мы сами были на грани смерти… но благодаря гусеницам, мы продолжали жить – забивались в черную глубокую дыру, затихали на недельку-другую, а нас кормили верные гусеницы, притаскивая мясо и воду. Не сказать, что я была в восторге… знаешь, когда в прежние времена сеструха любила глотать пачками наркоту – вместе с мертвыми телами – мне тоже доставалось чуток наркотических воспоминаний. Так я и поняла, что всегда была второй в этом гребаном тандеме. Я всегда любила читать… была домоседом… а вот Даурра любила жить ярко… была властной… и обиженной на весь гребанный мир – ведь она считала, что к ее жопе прилип какой-то унылый трусливый паразит… и этим паразитом была я!

– Когда тебя придавило скалой?

– Тот проклятый день! Когда мы поняли, что Мир Монстров закрылся… что наши аттракционы выключены, а оставшиеся здесь герои сошли с ума, мы решили спрятаться. Отгадай, где мы скрылись?

– Здесь.

– Да… да… здесь… о как же мне хорошо… регенерация ожила… голова не болит… я даже не чувствую веса этой гребаной скалы…

– Что дальше?

– Мы решили переждать поднявшийся шум. Для огромной твари сложновато найти подходящее логово. Я хотела уйти в дальние скалы. Но Даурра решила пересидеть здесь – рядом с терминалом Матери. Переспорить Даурру не дано никому… мы засели в этом логове. Притащили с собой дохлую тварь, что должна была стать нашим пайком на следующую неделю. Спокойно пересидели несколько дней. Ну как спокойно… вечная ссора с Дауррой… вечная ссора с самой собой по сути… мы шипели и кусались. А затем в пещеры заявились убегающие от разъяренных местных жителей герои. И устроили здесь гребаную войну! Пещера сотрясалась до основания от взрывов и выстрелов.

И когда шум достиг пика, сюда влетели несколько ублюдков, что спешили к терминалу. Но вместо терминала увидели нас – Даурраброссу, легендарную тварь Мира Монстров.

– И?

– И разом шарахнули из всего оружия, что у них было. Затем мы их убили. Я помню, как дотянулась пастью до наглой сучки в синем четырехруком экзоскелете. Помню, как с ее плеч полетели ракеты, ударившие в потолок. Взрыв над головой… на Даурру полетела скала, но я успела оттолкнуть сестру в сторону. А затем дикая боль и чернота… Я очнулась быстро – я тварь для боя, и нервная система быстро вывела меня из шока. Но лучше бы я, сука, так и оставалась в беспамятстве… знаешь, что я увидела, когда очнулась? Знаешь?

– Догадываюсь.

– Я увидела сестру, что уперлась в скалу своей тушей и с треском, с воем, с шипением, с болью, что терзала нас обоих, отрывала себя от меня! Отрывала прямо в развилке – там, где уже была нанесенная еще одним камнем глубокая рана! Она отрывала себя от меня! И оторвала! Двухголовая змея превратилась в обычную… а я осталась под камнем! Я рыдала! Умоляла! Но Даурра уползла, не оглянувшись! Больше я ее никогда не видела. А в тот день я, погружаясь в беспамятство, слышала, как сестра прорывается сквозь тыловые ряды охреневших от такой нежданности героев, убивая и пожирая их. И снова чернота… я умирала… вот только… – Брассарра с широченной и на этот раз и горькой и торжествующей одновременно ухмылкой, глянула на меня – Вот только знаешь, что выяснилось?

– Удиви меня, обрубок.

– Тот орган, что отвечает за мою сумасшедшую регенерацию и обновление клеток – за нашу сумасшедшую регенерацию и обновление клеток! – находится в моем теле! Понимаешь?! Даурра оторвала свою жопу не только от бесполезного балласта! Она заодно оторвала свою жопу от жизни! А без этого органа… гигантское тело долго не протянет. Его постоянно нужно обновлять, постоянно нужно снабжать особыми ферментами, гормонами, прочими странными химическими соединениями, что вырабатывает фабрика, скрытая в змеином теле за моей спиной. И эта фабрика только у меня. Когда Даурра поняла это… она прислала сюда своих верных ублюдков сразу же, как только сопротивление засевших в пещерах героев было сломлено. Когда герои превратились в узников, ко мне, расчистив многочисленные завалы, пришли те, кто позднее станет Красными. Верные охранники Даурры. Они и наладили весь этот гребаный мучительный вечный круговорот! Я продолжаю лежать под

камнем, мне притаскивают жратвы ровно столько, чтобы я не сдохла, а раз в неделю ко мне приносят гусеницу Даурры, что пьет мою кровь. Этот живой бурдюк с моей живительной кровью относят к Даурре – тем самым она перезапускает свой механизм регенерации. Ну как тебе сказка, герой Оди?

– Охренеть. – выдохнул Рэк.

Я задумчиво оглядел змеиное тело и промолчал. Пифия тоже молчала. Каппа и вовсе отошел, показывая, насколько ему неинтересны откровения оторванной от жопы змеи.

– А теперь убей меня! И тем самым ты прикончишь Даурру! Тебе ведь все равно нужен доступ к терминалу, а он придавлен моим телом. Прорубись сквозь меня! И начни с уничтожения клятого органа, что обрек меня на вечную жизнь…

– Слушай, змея… а ведь ты до сих пор длинная. И у тебя медленно отрастает что-то вроде новой жопы.

– И что?

– Твоя регенерация фантастична. С такой скудной кормежкой… ты продолжаешь жить и регенерировать.

– И что с того, мудак?! Убей меня уже! Убей!

– А если мы снимем с тебя все камни, дадим тебе пожрать, а затем еще и подарим чуток времени на восстановление. Ты сможешь выползти нахрен отсюда?

– Зачем?

– Ну как зачем… – улыбнулся я. – Разве ты не хотела бы снова увидеться с любимой сестренкой?

Губы Брассарры медленно растянулись, показав злой оскал.

– О… эту встречу я много раз представляла себе, когда загибалась от боли…

– Так ты сможешь оживить раздавленную змеиную башку?

– Да! Но мне нужна еда! И надо убрать этот гнет…

– Как долго ты будешь восстанавливаться?

– Не знаю… не знаю… но с терминала сползти сумею. А дальше уж как повезет… так что мы делаем? Ты убиваешь меня? Или… освобождаешь меня?

– Каппа. Рэк. Начинайте растаскивать камни – велел я и повернулся к пифии. – Лети к бойцам у канала. Пусть тащат сюда все съестное. И те трупы у входа в пещеры.

– Есть! И с радостью! – захлопнув забрало, Кассандра умчалась.

– Я помогу тебе убить Даурру! – хрипло пообещала змея.

– В задницу твою помощь, уродина. Закрой броневую защиту – сейчас с потолка полетят камни. Как бы сиськи не помяло.

– Но зачем я тогда тебе?

– Чем больше мы создадим проблем Непримиримым – тем

проще. – ответил я. – Ты… ты просто мелкий дополнительный фактор и не более того.

– В свое время мы с Дауррой вселяли ужас в геройские сердца…

– Закрой пасть. Хотя нет… то, что Даурру регулярно потрахивают избранные красавцы – как-то связано с рождением гусениц.

– Да. Если в нас нет спермы – нет и гусениц.

– Очаровательно. И раз ты до сих по рождаешь гусениц…

– Избранный сначала трахает мою сестру. Потом его привозят к моему логову. Он заходит один И трахает уже меня. Ну конечно же я получаю все только после сестры – она всегда первая, когда надо кусать шоколадку или раздвигать ноги. Он заходит сюда и трахает уже меня. Заодно он же приносит с собой гусеницу Даурры. Когда гусеница напьется моей крови, он уносит ее. Вскоре он умирает.

– Его убивает Даурра?

– Нет. Его убивает яд наших вагин. Мы ядовиты насквозь. Незащищенный секс с нами – верная смерть спустя десяток часов. Все происходит быстро, но мучительно.

– Огнемет. – вздохнул я. – Большой огнемет. И выжечь нахрен.

– Меня? Даурру?

– Всех и каждого в этом гребаном мире. – буркнул я, поднимаясь с камня. – Держись, змея. Тебе будет больно, когда мы начнем сдвигать обломки.

– Больно? Ты не знаешь, что такое боль. А вот мне не привыкать… разгребайте камни, дайте пожрать и попить… а затем я поползу убивать любимую сестренку…

* * *

Мы быстро сумели справиться с придавившим змею камнем.

Когда знаешь, что благодаря безумной силе регенерации этот монстр не подохнет, даже если будем взрывать неподатливый камень прямо над ее башкой, мы не церемонились, расширяя трещины, выламывая крупные обломки и отбрасывая их. Первые изменения стали заметны, когда мы отвалили в сторону тяжеленный обломок скалы, что лежал аккурат на сплющенной змеиной башке. Сделав передышку на замену батарей – и тут же отослав их на подзарядку к багги – мы ненадолго замерли, оценивая оставшийся фронт работ. И увидели, как дохлая и гнилая голова начинает меняться и делает это очень быстро.

Первым делом из пасти целиком выпал гнилой иссохший язык. Следом голова вздрогнула и… в голос заорала Брассарра. Неудивительно – пусть обезболивающие гасят проводимость синапсов нервной сети, но все равно невозможно полностью купировать болевые ощущения, когда гигантский череп с гнильем внутри, начинает выпрямляться как надуваемая консервная банка, одновременно выдавливая из глазниц сморщенные глазные яблоки, а следом черно-серую вонючую кашу. Полное впечатление, что мы смотрим видео о том, как некий доброс прихлопывает камнем змею. Но камера не выключается, остается у змеиной морды на дни и недели, показывая весь процесс гниение в прекрасном разрешении и максимальном укрупнении. Только мы смотрим это видео с конца – пущенное вспять. Убитая тухлая змея возвращается к жизни…

Как?

Как в лабораториях Высших сумели вырастить настолько живучий гибрид? Эта тварь попросту не желала подыхать. Пока в ее туше тлеет хотя бы крохотный огонек жизни – она будет продолжать регенерировать, будет продолжать жить. Более того – эта регенерация максимально «умная», расчетливая. Пример – одна глазница осталась пуста, а вот во второй дыре быстро вспух белесый пузырь, что стремительно увеличился в размерах, а затем «лопнул», показывая вполне зрячий и тут же уставившийся на нас глаз с холодным взглядом хищника. Голова чуть «усохла», кожа прижалась к черепу, подчеркнув всего его бугры и впадины. Некоторые раны не зажили – например, раны от пробивших верхнюю челюсть нижних клыков.

Глаз вырос за минуты – а кости черепа соединялись с томительной неторопливостью. И регенерации, хозяйке этого огромного тела, было плевать, что вживленная Брассарра заходится диким ревом боли, перемежаемым руганью.

Потрясающе. Охренеть как потрясающе. Завидки берут так, что аж зубы скрипят.

Вдоволь наглядевшись на оживающую тварь, хлебнув чуток компота и зажевав все сосисками, мы вернулись к работе и сбросили остатки раздробленной скалы. Пара тонн мелких обломков осталась, но гигантская змея шевельнула показавшимися кольцами, и камни с грохотом посыпались вниз.

– Мой плен заверше-е-е-ен… – с хрипом выдохнула мокрая от пота и слизи Брассарра, после чего ее гнойник-кокпит начал закрываться, пряча такую уязвимую плоть под толстенной броней.

Вскинувшая искалеченную хрустящую голову змея разинула пасть и, роняя ошметки тухлой плоти, пронзительно закричала, наполнив пещеру воющим эхом. Ударил по полу обрубок

туловища, дернувшись еще раз, Брассарра начала отползать, с хлюпаньем давя заметавшихся гусениц, уволакивая целые горы дробленного камня.

Едва только тварь сместилась на десяток метров в сторону, я увидел его – верхушку вжатого в пол стального гриба системы. Пусть в спящем режиме, но то, что в наши передатчики вернулась связь, то, как удивленно потянулась к спрятанным под стальным шлемом вискам пифия Кассандра, говорило о присутствии здесь системы. Терминал активен. Надо только его поднять.

Я сделал первый шаг. И замер, остановленный спокойным и одновременно каким-то отрешенным голосом Кассандры:

– Оди. Я поняла…

– Поняла что? – я нехотя повернулся к пифии.

– Почему судьба в твоем лице привела меня сюда.

– Не будь тупой дурой, пифия. Судьбы не существует. Мы сами торим свой путь в этой жизни, рвя шкуру на колючей проволоке жизненных препятствий. Или просто сидим на унитазе свесив ножки и просираем свою жизнь. Но нет ничего предрешенного.

– Ха! Я пифия! И… во мне тоже живут бабочки… так же, как и в ней… – Кассандра указал рукой на замершую у стены гигантскую змею.

– Чего ты хочешь, Кассандра?

– Отпусти меня, герой Оди. Пожалуйста. Я поняла… понимаешь? Я нашла свой путь. С порхающими в душе бабочками… я хочу убивать… хочу любоваться фонтанами брызжущей крови врагов… наслаждаться вкусом кровавой победы, что стекает по губам…

– Ты под наркотой. – понял я.

– Я под судьбой… ее длань нависла надо мной…

– Ты твердо решила?

– Да!

– И думаешь, что тебе по пути с разорванной змеей?

– Да!

– И Брассарра примет тебя?

– Мы души, отмеченные бабочками… мы договоримся. – солнечно улыбнулась пифия.

– Уходи. – кивнул я и шагнул к наблюдательной сфере системы.

– Спасибо, Оди! Ты… ты не зря…

– Заткнись и вали! – рявкнул я и зло повел хрустнувшей шеей. – Еще одна сдалась на полпути… Дерьмо…

– А я говорил, лид, – не скрывая удовлетворения, произнес подошедший Рэк. – Бабы! Они с тобой, пока им это выгодно. Они

верны тебе, пока сами этого хотят. Забрать бы у этой суки снаряжение… но она с ним пришла.

– Оставь. – поморщился я. – Ты помнишь – я никого силой здесь не держу.

– Я помню, командир. Я помню. И не забуду.

Вернувшиеся во второй раз бойцы притащили еще пару трупов и трехметровый кусок многоножки. Разинувшаяся змеиная пасть с хрустом сомкнулась, разом проглотив подношение. Прижавшаяся к желтому бугру «кокпита» пифия замерла в неподвижности.

– Нет, – усмехнулся я, отворачиваясь и поднимая руку. – Нет… в этом сраном мире мы все однажды проснемся с гребаной амнезией и рваной дырой в душе.

Резко опустив стальную ладонь, я со звоном припечатал ее к мертвому пыльному металлу:

– Система! Герой Оди прибыл для доклада! Задание Дикая Эволюция выполнено! Система! Эй! Подъем! Подъем! Подъем!

Вспыхнувший свет окрасил наши фигуры в зеленый, а затем в красный цвета. По пыльным облакам полоснули разноцветные лучи лазеров. Миг, другой, третий… и с ахающим воем сирены гриб системы начал подниматься, крутясь на выходящей из пола стальной колонне.

Герой Эрыкван!
Внимание!
Немедленный полный вербальный доклад в свободной форме!

– С радостью! – ощерился я в улыбке, снизу-вверх глядя на ожившую полусферу. – Мы находимся на территории закрытого огромного аттракциона Мира Монстров! Именно отсюда здешние жители осуществляют грабительские рейды в верхний мир! Для этого они используют компьютерные терминалы и так называемых путеводных зверей. Этим же путем мы пришли сюда! Здешние призмы проходят несколько трансформаций – так называемых диких эволюций, превращаясь в огромных тварей! Они называют себя Непримиримыми! Их армией руководит древняя тварь-призм называющая себя Даурра! Она выглядит почти так же, как вон та здоровенная змея у той стены! Следи за рукой! А эта змея – Брассарра – она наш союзник! Должна иметь в себе опознавательный чип! Хотя хрен его знает… после стольких-то боев и жизни под прессом горы… В любом случае – она союзник! Далее! – я аж зажмурился от удовольствия, понимая, что не зря все же осуществил свой план, притащив сюда самое страшное существо. – В этом прежде изолированном мирке

возникла новая угроза – больные гнилью! Зомби! Их с каждым часом становится все больше. Они невозбранно… слово то, сука, какое! Не иначе в летописи дохлого крестоносца подсмотрел! Зомби невозбранно нападают на мирных жителей, убивая их или превращая в себе подобных! Скоро этот мир окажется поглощен зомби-эпидемией, что затем выхлестнет во внешний мир по уже известным им тайным тропам! Итог доклада – источник дикой эволюции обнаружен! Главный враг – обнаружен. Это тварь Даурра! Дополнительная еще большая угроза – стремительное заражение Мира Монстров гнилью! Доклад окончен!

Вот теперь… когда ты знаешь, что здесь полным-полно зомбаков, что здесь давно открыты тайные дорожки наружу – давай, система, попробуй проигнорировать эту угрозу. Не зря же я тащил сюда зомби-рыцаря Кевина. Не зря же я давал ему свободу – ему и его будущей гнилой рати.

Давай…

Думай…

Сможешь проигнорировать? А?

Доклад принят.

Задание: Дикая эволюция!

Награда:

Статус Героя пятого ранга герою Эрыквану

Повышение статуса всем членам сквада.

+ 150000 тысяч крон.

+ Недельный отпуск всем личному составу сквада в особой зоне отдыха «Пляжные Зори».

+ Бонусная награда

+ Бонусная награда

+ Бонусная награда

+ Бонусная награда

+ **Боевой экзоскелет + все остальное личное имущество героя Эрыквана!**

Доступно ознакомление с перечнем бонусных наград!

Немедленно ознакомиться с новым заданием, герой Эрыкван!

Выбрав ознакомление, я наспех просмотрел весь не такой уж и длинный перечень и ткнул пальцем.

Боевой экзоскелет + все остальное личное имущество героя Эрыквана!

А следом выбрал опцию:

Немедленная доставка.

И мне насрать, как именно система это осуществит.

– Ночную Гадюку… сюда – произнес я. – Немедленно! А к ним…

Я щелкнул по наградам еще дважды, выбрав доставку медблоков и десяток аптечек.

– А что там с недельком в зоне отдыха Пляжные Зори, командир? – скромно поинтересовался Рэк. – И мне ранг героя подняли на единицу!

– В жопу отдых, орк – прорычал я. – На выход!

Немедленно ознакомиться с новым заданием, герой Эрыкван!

Задание: Обеспечение успешного запуска СОНФ-ММ-Альфа 221-0Е!

Описание: Обнаружена неизвестная помеха, не позволяющая развернуть СОНФ-ММ-Альфа 221-0Е!

Определить проблему и ликвидировать.

Обеспечить успешное развертывание СОНФ-ММ-Альфа 221-0Е!

Место выполнения: У входа в аттракцион Пещеры Рока. Сектор 1.

Время выполнения: Нет.

Награда:

+ 15000 тысяч крон.

– На выход! – громогласно повторил я. – На выход, гоблины! Каппа! Когда я выйду из этой долбанной пещеры – пусть я увижу успешно поднявшийся и радостно бибикающий гриб системного наблюдения!

– Есть!

Лязгая, Каппа помчался вперед, а я, глянув на трясущуюся под стеной змею Брассарру, захлопнул забрало и тоже перешел на бег. Остальные не отставали.

Пещеры Рока…

Дерьмоеды тупые. Надо же было так назвать! Их бы на пару деньков туда – еще на этаж ниже. Где сочится серая слизь, где рыщут плуксы. Вот, мать их, настоящие Пещеры Рока. А здесь просто сраная хрень, что, как и все в этом мире, донельзя фальшива и сплошь опутана пугающими страшилками.

Немедленно ознакомиться с новым заданием, герой Эрыкван!

– Что тебе еще, железяка?

Задание: Ликвидировать матерую тварь Даурру!

Описание: Обнаружить и ликвидировать тварь Даурру,

предводительницу грабителей, убийц и каннибалов, называющих себя Непримиримыми. Уничтожить или доставить к прибывающим эшафотам столько Непримиримых,

сколько представится возможным.

Место выполнения: Неизвестно.

Время выполнения: Нет.

+ 50000 тысяч крон.

+ 1000 крон за каждого уничтоженного или доставленного к эшафоту Непримиримого.

+ **Бонусная награда**

+ ***Бонусная награда***

Внимание! Задание повышенной сложности и опасности!

Внимание! Отказаться от задания невозможно!

– Вот теперь узнаю холодный глас главного палача. – на бегу усмехнулся я, в прыжке перемахивая канал с мутной водой. – Гоблины! Охота за головами начинается! Покажем им, кто здесь настоящие монстры!

В динамиках зазвучал восторженный рев бойцов. Но он тут же был заглушен пронзительным криком гигантской змеи, снова сотрясшим многострадальную пещеру:

– ЖДИ! ЖДИ МЕНЯ, СУКА! Я УЖЕ ГРЯДУ!

Рассмеявшись, я ускорился, не желая оказаться на пути живого громадного тарана, направляясь к показавшемуся впереди солнечному свету.

– Разъяренные женщины это… – голос Каппы в динамиках задумчиво умолк.

– Ну нахер. – не менее задумчиво произнес Рокс…

Глава седьмая

Первое, что я услышал, выходя из зева Пещер Рока – торжествующий вой сирены.

Первое, что я увидел – поднятый на огромную высоту стальной гриб системного наблюдения и фиксации. Настоящая махина с соответствующими возможностями. В верхней части гриба открылось несколько небольших люков, до моих усиленных микрофонами экза ушей донеслось едва слышное фырканье пневматических трамплинов, и в воздух взмыло три дрона. Два успешно запустили двигатели и начали наворачивать вокруг гриба восходящие спирали. А третий, потрепыхавшись, перекосившись, с трудом вернулся обратно на гриб и замер там прилепившейся сонной мухой. Что-то не так с двигателями или электроникой. И неудивительно – столько лет провести в консервации. И удивительно – два из трех ведь все же взлетели и вполне уверенно.

А чего я, охренеть как, не понимаю – что за победный рев сирены? Предупреждать вроде не о чем, молча бы поднялся, но нет – надо на весь мир заорать, привлечь к себе внимание.

Герой Эрыкван!

Внимание! Внимание! Системное предупреждение!

Зафиксирован пуск боевой ракеты!

Направление – область входа в аттракцион Пещеры Рока!

Время до удара…

– Воздух! – взревел я, не став тратить время на дальнейшее чтение. – Код семь! Живо! Живо! Живо, мать вашу! Хрена вылупились?! Бего-о-ом! Врассыпную! Гиппо! С платформы прочь! Платформу с ранеными к тому холму! Бегом! Бегом!

Сработало, и бойцы рванули от техники. Какой-то идиот сунулся под уже двинувшуюся платформу, но я проигнорировал его, метнувшись к Роксу, что уже сидел на водительском месте и, суматошно крутя руками, выворачивал руль.

– Система! Прикрой нас! Сбей гребаную ракету! Сбей!

Ответа я не ждал, но он пришел:

Боезапасс отсутствует. Ожидайте. Ожидайте.

– С-сука!

Дальше все было рвано. Моя рука стискивает стальные пальцы на краю кирасы Рокса, чуть цепляя и сминая плоть. Я прыгаю, в уши рвется дикий вопль Рокса, подо мной мелькает платформа, затем голые камни и…

УДАР! УДАР! УДАР!

Воздух наполняется свистящим гулом и… Взрыв…

Подтолкнутый взрывной волной, я лечу кувырком, из моих пальцев выворачивается кираса, и я теряю механика над глубокой расщелиной. Динамики с радостью льют мне в уши многоголосицу криков боли. Что-то кричит Каппа, воет орк, я что-то отмечаю и даже кричу в ответ, но…

Герой Эрыкван!

Внимание! Внимание! Системное предупреждение!

Зафиксирован пуск боевой ракеты!

Направление – область входа в аттракцион Пещеры Р…

– КОД СЕМЬ! – мой вопль вылетает из врубленных на полную мощность динамиков. – КОД СЕМЬ!

Прыгнув обратно, успеваю подхватить с земли окровавленную оглушенную девку с намалеванным на груди кирасы оттопыренным средним пальцем, ухожу в сторону, успев увидеть тяжело идущего Гиппо, толкающего перед собой одну из платформ с ранеными бойцами. Мохнатый пес Стивен, высунув язык, тащил на себе сразу двух жестоко израненных бойцов.

УДАР! УДАР! УДАР!

– УКРЫТЬСЯ!

Взрыв…

На этот раз ракета ударила в скальный массив над входом в пещеру, выбив огромное количество каменной шрапнели, что ударила по нам подобно граду.

– Убью… – прохрипел я, швыряя раненного в ту же расщелину и возвращаясь за следующим – Убью…

Герой Эрыкван!

Внимание! Внимание! Системное предупреждение!

Зафиксирован двойной пуск боевой ракеты!

Направление – область входа в аттракцион

Пещеры Рока!..

Из наполовину заваленного зева пещеры с пронзительным, яростным и ликующим одновременно воплем вырвалась гигантская змея. Дернув башкой, изогнувшись, Брассарра подхватила с песка разорванный труп и помчала дальше. На ее спине, зацепившись за шипы и гребень, висела что-то орущая пифия Кассандра. Секунда… другая… и они исчезли, оставив длинный извилистый след на дымящейся земле.

Я все это дерьмо видел лишь мельком, будучи занят тем, что помогал Гиппо перетащить платформу с ранеными через каменные обломки. Нам на помощь пришли остальные экзы. Вытянувшись в немыслимом прыжке, над головами пронесся Хван, уронив за скальным вздутием заходящегося криком лишившегося ног бойца.

УДАР! УДАР! УДАР!

– Я вас всех расчленю. – выплюнул я, бесцеремонно сгребая раненых и швыряя их Каппе, Хвану и Рэку.

Обе ракеты снова ударили в скалу над пещерой. И на этот раз ушлепки добились своего, намертво закупорив Пещеры Рока, отрезав от нас терминал. Вот только поздно! Да и не ради терминала они так жопы рвали, тратя, несомненно, крайне редкие в этих краях ракеты. Они стремились перекрыть выход из пещеры, чтобы мы не смогли добраться до Брассарры. Или чтобы Брассарра не смогла вырваться наружу.

Кретины!

Насколько же надо бояться придавленную скалой беспомощную змею, чтобы атаковать камень, а не живую силу противника!

– Ти-и-игр!

– Тут!

– Че рыдаешь?

– Тигрелла…

– Ну?

– Ее больше нет…

– Сегодня мы многих не досчитались, боец, – рявкнул я. – Приди в себя! Давай на ту возвышенность – и наблюдай! Доклад в эфир каждые три минуты! Вперед!

– Есть! Ее бы… похоронить… камнем голову…

– Быстрей, Тигр! Быстрей!

– Есть!

С яростным рыком двуногая кошка умчалась к указанной скале, а я продолжил орать в эфир:

– Всем! Вколоть себе бодрящего из красной зоны! Поднять жопы! Затем поднять раненых и тащить по направлению к Рэку! Проверить каждое тело на предмет жизни! Каппа! Хван! Проверить багги! Гиппо… какого хрена ты тянешь опору?

– Нога повреждена, лид! Левая! Теряю смазку. Потеряла двоих из звена – накрыло осколками спину, легкая броня корзины не…

– Сэбл! Толкай гребаную платформу! К Рэку!

– Есть!

Глянув на висящий над нами гриб системы, я убедился, что он на месте и, судя по полосующим дым и пыль лазерным лучам, активен. Значит, следующего ракетного пуска пока можно не опасаться.

– Герой Оди!

– Говори.

– Эта техника была мертва! – крикнул мне лежащий среди раненых пленный драконид. – Всего пять ракет с мертвой электроникой! Еще сегодня с утра эти ракеты были мертвы!

– Всего пять?

– Да. Но! Это древние реликты. И они не работали! Вообще! Мы пытались долгие годы оживить – там тотальная блокировка и…

– Заткнись. – выдохнул я и драконид захлопнул пасть. – Раз ракеты прилетели – блокировки больше нет. Ладно… ладно… а ну быстрее, мясо! Нам надо убрать отсюда свои задницы! Пока не прилетели следующие гостинцы…

– Да нет у нас больше ракет! Всего пять и было! – не выдержал драконид. – Жизнью клянусь! Что за дерьмо сегодня происходит… во имя Матери…

Крича, рыча, истекая кровью, отряд собрал подранков, следом подобрал и трупы. Мы погрузили все на одну из платформ, затем вытолкали из месива обломков изрешеченную багги, что чудом осталась на ходу. Вторая машина была мертва – как и одна из искореженных платформ. Вспомнив о мелочах, я наведался к расщелине и с помощью Хвана вытащил из нее заброшенного туда бойца, после чего оттуда же добыли потерявшего сознание Рокса с вывернутым бедром и сломанной левой рукой.

Покинув пещеры, мы двинулись к виднеющейся впереди хилой березовой роще, где белые деревца перемежались приземистыми елками и все было густо замешано на валунах.

– Лид! Вижу противника!

– Как далеко? Сколько их? – поворачиваться я не стал, продолжая толкать платформу, на которой спешно латали раненых. Сквозь решетчатый бортик стекала густая кровь, пачкая

руки экза.

– Отряд! Скорость развили очень большую! Двигаются напрямую к Пещерам! Нас пока не видят – мы скрыты за холмами!

– Принято. Меняй позицию, Тигр. Смещайся ближе к нам.

– Я задержусь, командир. Позволь задержаться.

– Еще успеешь отомстить, Тигр! Смещайся!

– Прости, командир… прости…

– Вот дерьмо! Тигр! Ко мне! Немедленно!

Ответом была длящаяся несколько секунд тишина, затем снова послышался хриплый голос разведчика:

– Пять многоногих шустрых тварей. На них четыре экза. Два из них похожи на глефы. Еще два – какие-то странные переделки. Это первый отряд. За ним движется еще один – на багги. Там больше гоблины, плюс два экза, второй отряд в красной броне, повторяю, в красной броне.

– Принято. Тигр! Не дури!

– Я любил эту дуру… я просто ее любил… Полкилометра до меня. Километр до вас. Я привлеку их внимание.

– Твою мать, Тигр! Хватит строить из себя трахнутого романтикой ушлепка! Хочешь отомстить? Живи назло!

– Двести метров до меня…. Меня заметили. Прощай, командир. И спасибо.

– Тигр!

– Рацию уничтожаю. Чтобы не досталась врагу. Всем вам тоже удачи, ушлепки! Сдохните красиво!

Еще через минуту с холма, где занял позицию Тигр, послышался частый автоматный огонь. По его укрытию ударили из нескольких стволов сразу, загремел крупный калибр, яростно застучал пулемет. Мы продолжали двигаться к роще, оставляя на песке дороги темные пятна крови и смазки. Уже едва двигающийся Гиппо замедлился еще больше, начал отставать.

– Командир… я экз не брошу. – выдохнула в эфир Сэбл. – Умру с ним. Сейчас развернусь и…

– Захлопни пасть и шагай дальше. – ровно произнес я, и на этом разговор завершился, с воем поврежденных сервоприводов жирный шагоход продолжил трамбовать дорогу.

Когда мы достигли первых деревьев и нырнули за рощу, получив новую преграду между нами и разведчиками противника, автоматный огонь со скалы уже затих, а вот противник продолжал палить из всех стволов. Еще через десять секунд ахнул сдвоенный взрыв, воздух разодрал пронзительный и такой знакомый визг призма-насекомого.

– Гребаный кошак. – процедил я. – Гребаный кошак…

Десятники! Считайте своих! Баск! Пересчитай разведчиков! Мне доклад по готовности!

Обернувшись и ожидаемо не увидев преследователей, выругался сам на себя, а затем недоуменно прислушался к внутренним ощущениям – какого хера? С чего я на таком взводе? Успокойся, гоблин! Сбавь обороты заливающегося нервным хохотом разума! Притормози, низушек! Притормози! На обычную боевую ситуацию и реакция должна быть попроще.

С хрипом загнав в легкие побольше пахнущего машинным маслом воздуха – или мне так казалось – я пошел ровней, убрал руки от платформы, что снова встала на узкую грунтовую дорогу, бегущую мимо рощи по каменистому полю. Зашипела аптечка под броней, презрительно плюнув мне в кровь дозой химии. Но я уже и сам успокоился, заставив себя вернуться к самому главному на текущий момент – к действию. К постоянному действию.

– Стивен! Пес!

– Да!

– Я видел, как ты тащил на себе двоих.

Зверолюд промолчал. А я продолжил:

– Броня на тебе уже есть. Надевай остальную снарягу. Хватай разгрузку и бери в лапы автомат, закидывай за плечо дробовик. Пользоваться умеешь?

– Да. Какой приказ?

– Сопровождай раненых, мохнатый, – отозвался я, кивая на платформу.

– Я могу и повоевать, командир. Эти ушлепки забрали мишку. И они… реально пафосные ублюдки. Таких всегда ненавидел…

– Ты не притерт к нам, не знаешь, как мы воюем, – качнул я головой. – Займись платформой. Вместе с теми, кто может двигаться, поднимите повыше ее борта, уложите раненых поудобней, прикройте их сверху кирасами, убедись, что всем хватает воды и аптечек.

– Понял, командир.

– Баск! Что там?

– Три разведчика целы. У двух легкие ранения – задета рука у одного, почти отрезана пятка у второго, он уже не ходок. Еще два тяжелораненых. Остальные…

– Принято. Бери под командование платформу и багги. Обложите борта заплечными мешками, наберите камней и туда же – под борта. Возьми Стива и займитесь ранеными, Баск! Заставьте дышать даже подыхающих – медблоки системы на подлете!

– Есть, лид!

Оглядев вздрагивающую мясную кучу, что местами уже подыхала, а местами только задумывалась об агонии, заранее напустив в глаза обреченности, я злобно заорал:

– Эй! Мясо стонущее! Слышите меня, гоблины?! Система уже выслала по наши души медблоки и торгматы с сучьими шоколадками! Дотяните! Не сдохните! И тогда, уже подлеченные, сможете увидеть, как гребаные Непримиримые один за другим поднимаются на эшафоты – те из них, кого мы сами не прикончим! Поняли?! Вот ваша цель на следующий час – дышать! Дышать всем назло! Они ждут, что вы подохните – а вы, кашляя кровью и злобой! – живите им назло! Все сдохнут – я останусь! Поняли?! Все сдохнут – я останусь! Запомните! И знайте – мы уже победили! Эти их ракетные пуски… агония! Их замкнутому мерзкому мирку уже пришел конец! Слышите меня?! Непримиримые уже сдохли – и знают это! Пытаются укусить напоследок, в то время как с земли поднимается их гибель! Эй! Кто может ворочать шеей – посмотрите туда! – я указал рукой на пригорок, с чьей вершины, взметая пыль и мелкие камни, поднимался к ободранному небу очередной гриб системы. – Видите?!

Ответом мне была мешанина из криков, стонов, хрипов и сипов. Бодрости чуть больше, чем слюней и крови – что ж, уже неплохо.

– К полусфере! – скомандовал я, обращаясь к спине водителя.

Может, хоть там есть боезапас. Нам сейчас очень не помешает огневая поддержка.

– Ох, дерьмо. – садясь, простонал Рокс. – Ты мне ногу чуть не выдрал…

– Подлечим.

– Помогите-ка мне в багги перебраться, ребятишки.

Подхвативший старика Каппа перешел на бег трусцой, мигом доставив искалеченного мной механика к багги. Сплюнув, утерев исцарапанное лицо, Рокс ткнул водителя в плечо целой рукой и в голос заорал:

– Левей бери, хреносос тупой! Не видишь яму, дерьмоед?!

– Спасибо за совет, Рокс! – прокричал в ответ водитель.

– Еще один умер… – констатировал Баск и, содрав аптечку с мертвеца, протянул испачканное в крови устройство копошащемуся у бортов зверолюду. – Прилепи к себе.

– Ага… спасибо… – ничуть не смущаясь кровью, он принял подарок и спрятал в один из карманов пыльной разгрузки. Машинально я отметил, что Стив не путался в клапанах карманах и точно знал, в какое именно отделение идеально войдет аптечка.

Сдвинувшись на обочину, я успокаивающе махнул

десятникам и по склонам рванул к поднявшемуся стальному грибу. Вот и оправдалась моя паранойя – солнечные панели в хлам, но у меня еще наполовину залитая энергией батарея в экзе, а еще одна, полнехонькая, плотно сидит в разгрузке, дожидаясь своего часа.

Сможем ли мы подзарядиться?

О да. Если мы протянем еще полчаса-час, то не только выживем, но и сорвем джекпот благодаря прибывающей поддержке от системы. Вот только как долго все это дерьмо будет прибывать?

Это я и собирался выяснить.

– Система! Повторяю запрос на огневую поддержку! Непримиримые висят у нас на хвосте. Несем потери. Нужно время для занятия оборонительных позиций и перегруппировки!

Боезапас отсутствует. Ожидайте. Ожидайте.

– Да чтоб тебя! Кем надо быть, сука, чтобы оставить законсервированные автоматические дзоты без боезапаса! Твою мать! Система! Запрос на огневую поддержку!

Боезапас отсутствует. Ожидайте. Ожидайте.

– Дроны! У тебя есть дроны-разведчики! Отдай их мне! По гранате в лапу, чтобы зажало рычаги – уже с выдернутыми кольцами – и на врага! Перед ударом разжать захват – и все. Да, дроны будут уничтожены – но оно того стоит!

Тишина…

– Система! Сука! Сколько раз мы почти подохли из-за твоих заданий?! Ты хочешь сохранить мой отряд?! Отдай мне сраных дронов!

Запрос услышан и оценен. Запрос принят. Ожидайте.

– Ну надо же, – пробормотал я, опускаясь на колено и «вскрываясь». – Ну нихрена себе…

Выбравшись из Шила, весь мокрый, дрожа в стылом воздушном потоке, я торопливо выудил из подсумка четыре осколочные гранаты оборонительного типа. Подумав, добавил к ним еще две зажигательные. Разложил все на мертвой потрескавшейся земле – смертельное на мертвое – я вскинул голову и увидел неуклюже опускающихся ко мне трех стрекочущих малых дронов. Ага… можно добавить еще гранат, о чем я и заорал Рэку. Пока ко мне бежал орк, таща требуемое, я

успел снарядить два дрона из трех, с радостью обнаружив, что могу надежно закрепить на каждом до четырех гранат.

Когда я, закончив снаряжение дронов-смертников, сообщил системе наметки своего плана, забрался внутрь экзоскелета и выпрямился, три загруженных дрона уже двигались к единственно возможному для них месту засады – все к той же березово-еловой роще, что мы миновали. Снаряжая дронов, я раз за разом повторял равнодушной системе свою простейшую задумку, бросая короткие взгляды то на рощицу, то на невыносимо медленно удаляющийся отряд. Когда летающие самоубийцы скрылись за деревьями и затихли, я задал следующий важный вопрос:

– Когда прибудут медблоки?

Доставка в пути. Ожидайте.

– А точнее?

Доставка в пути. Ожидайте.

– Дожили, – прорычал я, – машина не может назвать точное время доставки… Давай за отрядом, Рэк. Всем! Слушать эфир! Я говорю! И повторять не стану! Так что прочистите уши от дерьма и крови – и слушайте, гоблины! Я излагаю план! А план настолько прост, что даже самые тупые его поймут! Итак!..

Перепрыгивая камни, огибая земляные кучи, я удалялся от отряда, на ходу выплевывая короткие рубленые фразы, поочередно назначая каждому из усеченных десятков свои задачи. Спустившись в узкий овраг облегченно остановился зачадивший Гиппо. Отстали от платформы экзы и двинулись на позиции, уводя с собой бойцов. Оставшиеся побежали за наконец-то нормально двинувшейся платформой – перестала стопориться часть поврежденных колес. Что-то на ходу подкрутили и подшаманили в багги, машина тоже двинулась ровнее, потащив за собой груз.

Хорошо…

Хорошо…

Повернувшись спиной к уходящим подранкам, присев за валуном, я «вскрылся», вытащил из разгрузки бутылку противно теплой воды и жадно выхлебал ее, перед этим раскрошив на зубах по паре таблеток шизы и энергетиков. Заменил батарею в экзе на новую, проверил оружие и, разжевывая сразу два протеиновых батончика, забрался обратно в Шило. Вставать не стал, оставшись на выбранной позиции, слушая хрипящий злой эфир, где лающие голоса бойцов один за другим докладывали о занятии позиций.

Ладно…

Мы готовы, суки. Дерзайте жопами.

Услышь Непримиримые мои слова – может, и приостановились бы. Хотя вряд ли – донесшийся до моих ушей визг тварей громко и четко говорил – мы голодны! Очень голодны! Мяса нам! Трудно себе представить, насколько тяжко прокормить весящих под пару тонн хищных тварей в скудных условиях Мира Монстров. Они всегда на полуголодном пайке, даже невзирая на грабительские рейды во внешний мир. А начиная погоню, заставляя огромные тела двигаться на максимуме, сжигая калории с бешеной скоростью, ты будто даешь отмашку вечно подстерегающему тебя голоду – терзай меня, рви мое сознание на части.

Заметив первые «проблески» движения между корявыми стволами, я замер в ожидании – если система не ступит, то прямо сейчас…

Донесшийся от стального гриба вой сирены дал понять, что система заявила о себе. Не только сиреной – наверняка и яркими зелеными надписями перед глазами атакующих. У каждого в башке чип, каждый может прочесть грозное предупреждение. Но даже если они что и прочли, это их не остановило. Выметнувшиеся из-за деревьев многоножки с безумной скоростью рванули по испятнанной нашей кровью дорожке, продолжая драть воздух короткими взвизгиваниями. Тигр не ошибся – четыре экзоскелета. А вот многоножек на одну меньше – пусть он и глупо погиб, но кого-то все же забрал с собой. Да и на этих успел оставить несколько глубоких дыр от пуль.

Четыре многоножки. Четыре экза.

Преследователи преодолели еще сотню метров, и я приподнял сжатый кулак. Заметив условленный сигнал, система еще раз взвыла сиреной, наверняка послала и письменное уведомление вроде «Тормозите или умрите» и… во вражескую колонну ударили три выскочивших из-за деревьев дрона. Выметнувшись из укрытия, я рванул к противнику, следя за тем, чтобы не перекрывать обзор засевшим позади стрелкам.

Взрывы прозвучали почти одновременно. Взметнулось несколько ярких огненных вспышек зажигательных гранат, воздух разодрали сотни осколков, усвистевших на пару сотен метров. По мне стеганула парочка, но я не обратил на попадания внимания – ожидаемая мелочь. Я смотрел только вперед – туда, где бились на тропе оглушенные, обожженные и посеченные осколками твари, где с трудом поднимались вражеские экзы, где одна из многоножек с оторванной башкой медленно двигалась куда-то прочь.

Прозвучавшие выстрелы ударили в одну цель – как я и приказывал. Три прямых попадания в расположенного ближе всего экза лишили его одной конечности и уронили на землю. Плеснула кровь, добавив грязи. Следующие выстрелы я уже не отслеживал. Вскинув обе руки, я принялся выпускать одну короткую очередь за другой, чередуя иглы и пули. Дергающиеся стволы метались между целями, добавляя хаоса, шума, боли и смерти. Отлетали отсеченные пулями лапы, хрустели панцири, дробным звоном отзывалась броня вражеских экзов. Швырнув две гранаты, я упал за дергающуюся тварь и, выдвинув лезвие, всадил его в брюхо гигантского насекомого, с треском повел к груди, где разрезал будто нарисованное на панцире искаженное человеческое лицо и в этой точке, будто по наитию, вбил лезвие поглубже. Рванувшись, многоножка рухнула обратно. Прозвучавший хлопок гранаты дал сигнал подниматься, но перед этим я успел впихнуть в прорезанную дыру зажигалку и только затем вскочил. Замахнувшийся на меня огромным топором экзоскелет не успел нанести удар – влетевший в него Рэк повалил врага и, рухнув сверху, зажал клешней его и без того поврежденную правую руку. Выстрел. Дикий вой боли сквозь наружные динамики. Клешня со скрипом сдвинулась, сжимая искореженные бронещитки. Рывок. И Рэк вскочил, сжимая в клешне сюрреалистично истекающую кровью стальную руку.

Перекатившись, я взмыл в воздух, пропуская под собой подсекающий удар визжащей алой многоножки. Та крутнулась еще раз, вскинула верхнюю часть туловища в молниеносной попытке схватить меня и… ей в грудь глубоко вонзилось лезвие меча Каппы, следом рявкнул его дробовик, посылая в рану заряд картечи. Призм крутнулся, сбивая мечника с ног и отшвыривая прочь.

На многорукого призма в прыжке налетел Хван, умело всадив сразу оба лезвия в дыру на груди. Экзоскелет дернулся, аптечка попыталась сказать свое веское слово, но Хван вбил лезвия поглубже, и враг начал заваливаться. Но успел ударить двумя манипуляторами. Один пришелся по кирасе Хвана. А второй пробил бедро, с легкостью прорубив хитин. Оказавшаяся рядом многоножка довершила дело, отодрав Хвану нижнюю лапу. На этом ее успех закончился – всей массой я рухнул ей на голову, перед этим успев выпустить пару очередей. Крутнувшись, простучал пулями по спине наседающего на Рэка серого экза, пинком отшвырнул орущего Хвана и присел, не давая израненной многоножке зажать меня жвалами. Не совсем удачно – жвала зацепились за плечо, застонал металл. Вырвавшись, я вскинул руку с игстрелом, направляя его в разинутую пасть…

Еще минута… и бой был завершен.

– Дерьмо! Дерьмо! – орущий Рэк шатался, левая рука оторвана по локоть, из-под желтого металла брызжет кровь. Ползет куда-то замолкший Хван. Дымящаяся земля жадно впитывала в себя кровь, слизь и машинное масло. Недвижимо замерли стальные тела, мелко трясутся в агонии хитиновые туши, выплескивая сипение и жижу.

– Каппа! Хватай Хвана! И за отрядом!

Ничего не ответив, отбросив сломанный меч, азиат подхватил искалеченного призма и рванул по дороге, стремительно удаляясь.

– Рэк!

– Опять я руку просрал!

– Аптечка?

– Пищит паскудно… что-то колет. Вот дерьмо!

– За мной!

Подхватив с разорванной туши дохлого насекомого пару сумок, я побежал за Рэком, крича в эфир:

– Навелись?!

– Навелись, лид! Они точно зайдут с другой стороны рощи?

– Наверняка – просипел я, прикипев взглядом к пригорку, за которым замер бугром Гиппо, прикрывающий два наших уцелевших миномета. – Максимальная скорость! Боеприпас не жалеть!

– Есть!

Добравшись до их укрытия, я послал Рэка дальше, убедившись, что ему навстречу уже двигаются бойцы. Спрятавшись за Гиппо, я упал на склон и замер, жадно хватая пересохшим ртом воздух. Вот дерьмо… когда ж я так вымотаться-то успел?

– Командир? – надо мной навис Баск.

– Каппа занял позицию?

– Занял. Гоблины тоже на местах. Платформа остановилась за холмом с полусферой.

– Ждем…

– Ждем. – подтвердил Баск, опускаясь рядом на колено.

Помолчав, зомби вдруг произнес задумчиво:

– Хорошо…

– Что хорошо?

– Хорошо мне… все стало кристально чистым… ясным…

– Вели аптечке поубавить дозу седативного.

– Ну да… может, и так…

– Вижу цель, лид! – крикнула в эфир Сэбл, глянув на меня сквозь бронестекло кокпита.

– Огонь! – приказал я, со стоном вставая.

Минометы выплюнули по снаряду. Тут же ударили следом крупнокалиберные бронебои. И еще раз. И еще. Пули и мины рвались во вспухшем облаке дыма с другой стороны рощи. Как я и предположил, второй отряд противника решил зайти с другой стороны, резонно предположив, что не стоит идти уже проторенной смертельной дорожкой. Они не могли не знать о гибели первого отряда – передатчики есть и у них. Так что вариантов было не так много – разведка, отсылка малой группы или же все тот же решительный тупой марш-бросок по чуть измененному маршруту.

Из переполненного осколками и криками дымного облака вырвались три стремительные фигуры, понесшиеся к пригорку. Три боевых красных экза. Умело прыгая из стороны в сторону, падая и перекатываясь, качая маятник, они без потерь преодолели двести метров и тут по ним из всех стволов ударил Гиппо. Вскинув громоздкие манипуляторы, поднявшись во весь рост, орущая Сэбл с радостью опустошала боезапас.

Обогнув холм, я снова перешел на бег, зная, что следом бежит Баск, а Каппа чуть в стороне, залег за другим пригорком и прикрывает стреляющих бойцов, выбравших своей целью пехоту врага – редкая цепочка гоблинов потянулась к роще, спеша там укрыться.

С лязгом столкнувшись с первым экзом, что легко выдержал несколько моих очередей, мы покатились по камням, награждая друг друга ударами. С треском разлетелся на несколько частей игстрел, получив прямой удар. Я услышал торжествующий смешок, что сменился бульканьем, когда мой выдвижной клинок вошел в уязвимую точку в броне, достигнув плоти. Дернув лезвие, пропарывая легкие и устраивая в них настоящий кровавый хаос, я выругался, когда понял, что не успеваю парировать удар второго противника, что уже перешагнул через Баска и замахивался чем-то вроде копья, искрящегося электричеством. Еще один экз, хромая, бежал к пригорку.

Перепрыгнув через меня, в копьеносца ударил Каппа, позволив мне выдрать из хрипящей стальной девки лезвие и подняться. Вдвоем мы быстро уронили ушлепка, выбили сучье копье, а затем схватили его за руки и оторвали их нахрен, снова забрызгав себя кровью и смазкой. Через секунду я уже бежал к пригорку, догоняя хромца. Тот обернулся и… сжал стальную ладонь в кулак, что-то сминая.

Взметнувшаяся земля наградила меня пинком, закрутила и подбросила в столбе пыли. В глазах помутилось, в ушах дикий звон… а земля уже летит навстречу. Удар… и я рухнул в выбитую

взрывным устройством солидную воронку.

Вот хитрожопый дерьмоед…

Встать! Встать, гоблин!

С трудом подобрав под себя лапы, я поднялся и, шатаясь, развернулся. Сделал шаг… и рухнул. Перед глазами заплясали алые огоньки, оповещающие об отказе за отказом.

Вскрыться…

Вырвавшись из разошедшейся стальной спины подобно злобному насекомому из кокона, я хлопнул себя по животу, хватая рукоять. Вскинув руку, упер ствол в окровавленную харю подскочившего гоблина в алой броне:

– Пошел нахер. – рявкнувший револьвер откинул ушлепка назад.

Поведя стволом, пристрелил еще одного и рухнул на бок. Дрожащая аптечка вкалывала в меня коктейль за коктейлем, но веселая вечеринка почему-то все не наступала. Глянув назад, я понял причину своей нетвердой походки – перелом как минимум правой ноги чуть выше лодыжки, а левая, странно вздутая, покрыта десятками мелких кровавых дыр.

За пригорком послышалась яростная пальба, раздались крики… и все затихло. К небу потянулось еще один дымный столб.

– Дерьмо. – выдохнул я, глядя в дымное небо.

> Герой Эрыкван!
> **Внимание!**
> **Приготовьтесь к прибытию заказанной доставки!**
> **Внимание!**
> **Боезапас ближайшего СОНФ успешно пополнен!**
> **Активирован защитный протокол.**

– Дерьмо. – повторил я, прикрывая глаза.

– Командир! Командир! Ты слышишь?!

– Дерьмо…

Глава восьмая

Когда я открыл глаза, возникло отчетливое ощущение, что я не проснулся, не очнулся, а включился.

Нет боли, нет ломоты… нет вообще ничего – никаких ощущений. Разве что ощущение странной картонной бодрости во всем теле.

Легко усевшись, я задумчиво глянул по сторонам, задрал лицо к небу, повел глазами по покрытой одеялами земле вокруг себя, прислушался к странному знакомому шуршанию. Прикрыв на пару секунд веки, мысленно подытожил увиденное, услышанное и понятое. Облегченно выдохнул и начал медленно стаскивать с себя тонкое одеяло.

Я в палатке. С одной стороны, храпит Рэк. С другой, неподвижно лежит Хван. Я на почетном месте в центре. На нас, не считая бинтов, пластырей и медицинского клея, никакой одежды. Все снаряжение, включая мертвые экзы, лежит у входа – в просторной палатке, рассчитанной на десятерых гоблинов, нас только трое. Хван больше похож на статую, чем на живое существо. Культя залита прозрачным клеем, темное мясо под ним подрагивает и сокращается.

Шум снаружи – дождь. Там льет как из ведра, непромокаемый тент палатки содрогается от падающих на него потоков воды. Под нами сухо, а это говорит о том, что палатку ставил не абы кто. Тут поработал знающий гоблин. Я бы не справился лучше – учитывая, что мы лежим на одеялах, что постелены на очищенную от камней землю. Сухую землю.

Оценив заплаты на теле, я окончательно откинул одеяло и глянул на ноги. Удивленно хмыкнул – от колен и ниже ноги закрыты чем-то вроде затвердевшей пены, оставившей открытыми темные от кровоподтёков пальцы и пятки. На груди умиротворенно попискивает незнакомая мне аптечка в красно-белую полоску – и аптечка крупная, с такой не повоюешь. Согнув ноги и ощупав странные напыления, убедился, что они достаточно жесткие, при этом сохраняют некую упругость.

Попробую…

Медленно поднявшись, я чуть постоял, упираясь башкой в стучащий по макушке тент. Шагнул. Еще раз.

– Ладно… – удовлетворенно проворчал я, наклоняясь над своей кучей барахла и поднимая с ее вершины упаковку новых трусов – само собой, черного цвета. Там же обнаружился комплект темно-серой одежды – ветровка на липучках и с капюшоном, просторные штаны, а к этому всему обувь, что

заставила меня рассмеяться – шлепки! Сраные шлепки, что так памятны по гоблинской Окраине. Я почти скучаю по тем веселым, беззаботным и таким простым денькам. Какой уже раз ко мне приходит ностальгия? Так вперед, гоблин, – дорогу назад ты знаешь.

Одевшись, впихнув ноги в шлепки, я вышел наружу, натянув на голову капюшон. У входа я остановился, оглядываясь. Неба не видно. Все затянуто сплошным слоем серых облаков, оттуда низвергаются потоки воды, перед входом в палатку сплошное грязевое месиво, что клокочет по ту сторону аккуратных отводных канав. Палаток несколько. Мы на плоской вершине пологого холма, за нами теряющаяся в тумане полусфера наблюдения. Почернелая багги и покосившаяся платформа приткнулись у подножия холма, под натянутым между ними тентом горит зелено-синий газовый костер, облизывая большой котел. Там же знакомые очертания медблоков, еще в шаге светят сквозь туман витрины торгматов.

Первым, кто меня заметил и тут же шагнул навстречу, был Баск. Это тут же заставило меня задать вопрос:

– Где Каппа?

Зная натуру мечника, Каппа бы никому не позволил занять место у моей палатки без веской на то причины.

– Жив. – успокаивающе кивнул бледный Баск.

– Ты сам?

– То чертово копье… мне показалось, что меня зажарило. Хотя думаю, едва-едва пробило защиту. Что-то вроде электрического гарпуна… огромной мощности. Мы забрали его, лежит в трофеях на платформе. Все укрыто от дождя.

– Что с Каппой?

– Вон в той палатке. Спит. Да все, кто выжил, спят. Система обколола по самые брови. И меня в том числе. Я сам вызвался дежурить.

– Я вижу только четыре палатки…

– Ага. Командир…

– Говори.

– Весь личный состав – двадцать четыре гоблина.

С шумом выдохнув сквозь стиснутые зубы, я кивнул:

– Огорчай дальше.

– Из них девять в критическом состоянии. Это по словам системы. Она их обколола, заклеила культи, впихнула в тела зонды от аптечек, кому-то временно заменила порванные органы, которых тупо нет здесь в наличии – в полевой медицине. Система предложила эвакуировать их – наружу, с прямой доставкой на базу. Знаешь, командир… система стала просто невероятно

вежливой и… чуть ли не услужливой, что ли… аж жуть берет, если честно.

– Отсылайте. – отреагировал я и, ежась от сырой прохлады, повернулся к висящей над нами полусфере, что едва проглядывалась сквозь туман.

– Погоди, командир!

– Ну?

– Система сообщила, что вместе с критично ранеными надо отослать и путеводных зверей. Всех. Причем их погрузить в отдельные контейнеры.

– Нет. – резко понизил я голос, как до этого сделал Баск.

– А что сказать ей?

– Я сам скажу. Потеряли мы их при ракетном обстреле.

– Понял. Я пытался расспросить систему, назвавшись твоим заместителем.

– Рисковый ты парень.

– Да я же не ради славы там или…

– Что удалось узнать?

– Система ниппель. Отсюда мы можем отослать наших бойцов. Подкрепления можно не ждать. Даже из нашего отряда, что сейчас на базе. Даже с путеводными зверьми сюда никого не пустят – которые при ракетном обстреле потерялись, ага… – улыбнулся Баск и отер пятерней мокрое лицо. – Вот ведь дождина… Мир Монстров жадно пьет. С чего такой ливень?

– Этот мир умирал от жажды. – пожал я плечами, снова удивившись силе обезболивающих. – Система ведь его, типа, не видела, переведя в консервацию. А сейчас, благодаря нам снова «увидев» мир, спохватилась, что природа здесь подыхает от жажды и срочно открыла водные потоки.

– Природа подыхает? Не люди?

– Да срать ей на гоблинов с пересохшими пастями, – хмыкнул я. – А вот березки и елочки жалко. И животных ей жалко.

– Дерьмо…

– Вернее – так она запрограммирована. Такова реальность системы, Баск. Есть еще новости?

– Да полно!

– Излагай.

– Боеприпасов нам навалили. Все в ящиках сложено у платформы и затентовано. Там же аптечки, продовольствие. Про раненых уже сказал – подлечили их, и прямо сейчас никто не подыхает. Ждут отправки. Система сообщила, что пассажирские дроны за теми, кого мы отсылаем, прибудут в течение десяти минут. Значит, дроны уже где-то рядом и только ждут команды на старт.

– Дальше.

– Я пытался узнать причину, по которой нам нельзя получить пополнение, но добился мало чего. Насколько я понял, система считает, что все выходы должны быть полностью перекрыты. Получается, эвакуация раненых – это, типа, бонуса за нашу героичность и все такое. Иначе все бы здесь остались. И останемся. До тех пор, пока не произойдет ослабления особого эпидемиологического режима. Это ведь она про…

– Кевин.

– Ага. Кевин бродит по степям. – кивнул Баск. – Что еще… везде поднялись грибы наблюдения, так что этот мирок просматривается вплоть до особой дикой границы.

– Там, где раньше патрулировали зеленые?

– В точку. Туда же ушли остатки Непримиримых, командир. Вместе с Дауррой. Туда же нырнула Брассарра.

– Сведения точны?

– Из первых машинных рук. Как я понял, нам намекали, что нужно продолжить погоню и побыстрее…

– Дальше.

– Связь с базой установлена. Все работает идеально. Торгматы и медблоки подключились к вылезшему из земли энерговоду. Нам предоставили бесплатные розетки – я уже оттащил туда все батареи, прокинул провода, все заряжается. Рокс варит перловку со страусятиной, вскрыл еще банку Бункерснаба с барсучьим жиром. Мажет…

– Что мажет?

– Себя мажет… и с другими щедро делится… и про тебя всякое говорит… ногу ему вправили, но ходить долго еще не сможет.

– Дальше.

– Хм…

– Ну?

– Когда наши узнали, что возможно грядет эвакуация самых тяжелых… один из бойцов якобы случайно всадил себя заряд картечи в брюхо. Желудок в клочки, почки, печень, прочую требуху изрешетил. Все случилось впритык с медблоком – меньше метра пронести. И я… как-то не поверил в случайность. Поэтому, пока он был еще в сознании – после операции – я напрямую спросил. Случайно, мол, или намеренно. И сказал, что если мне его ответ не понравится, то им дальше уже займется командир Оди лично…

– И?

– Заплакал. Мужику лет сорок пять… а он в голос воет, слезами захлёбывается… говорит – что-то в нем сломалось… не

может страх больше преодолевать. Но служить готов верой и правдой – где-нибудь на базе. Механиком, например.

– Ясно…

– Что с ним делать?

– До этого как вел себя в бою?

– Не хуже других. Стрелял, попадал, убивал.

– Эвакуировать его к хренам. Подлечить на базе, забрать снаряжение и вышвырнуть с территории и из сквада.

– И все?

– Он прострелил себе живот после заварухи, а не до нее. – буркнул я. – Поэтому пусть дышит. Что еще?

– Стиву щеку порвало. Но жив. Приткнулся рядом с Роксом. Тоже мажется жиром, пьют чай, болтают о разном.

– Ты это к чему сейчас?

– Одна из новостей.

– Дальше.

– Твоя особая посылка там же у платформы. Наших умерших забрала система. Дроны уже унеслись куда-то.

– Всё?

– То и дело над нами проходят патрули. Система глядит во все глаза.

– Молодец, Баск, – медленно кивнул я. – Прямо, сука, молодец… прямо вот, сука, как раньше – там, в первые дни на Окраине, когда ты продвигался ощупью по стенам. Помнишь?

– Помню.

– Что же изменилось? Не Йорка же тебя тряпкой сделала. Ну будем все на баб валить, да?

– Я потерял ясность, командир. На время.

– А сейчас?

– А сейчас все снова кристально чисто.

– Надолго?

– Навсегда!

– Ну-ну… – хмыкнул я и тяжело зашагал вниз по склону. – Про Хвана что-нибудь говорят?

– Еще одна трансформация. Это он мне уже сказал…. И ему уже вкололи что-то – с его согласия.

– Ну-ну. – повторил я. – Отправляйся спать, боец. Передатчик держи включенным.

– Есть, командир! Оди… совсем забыл…

– Да?

– Там под тентом еще пара Терпимых притулилась. Те старики…

– Тоже мажут жопы барсучьим жиром?

– Продолжают наливаться самогоном. И все спрашивают, что

же будет теперь… еще говорят, что готовы и дальше пахать, сеять, растить скот и щедро всем этим делиться…

– Ну-ну. – в третий раз произнес я. – Быстро же они начали искать новую крышу…

– Все хотят жить, командир. Просто хотят жить… Без защиты от монстров им быстро придет конец.

– Жалеешь их?

– Терпимых, что живут сейчас? Не особо. – дернул щекой Баск. – Они знали о том, что творили Непримиримые и молчаливо принимали это, радуясь подаркам. Но…

– Но?

– Но на смену этим подловатым терпилам придут новые – ничего не понимающие, со стертой памятью, посланные сюда работать на полях и в городах, а не убивать.

– Баск… вот тебе мой совет – не задумывайся о судьбах слишком глубоко. По очень простой причине – чем глубже ты нырнешь в поисках смысла и правды… тем быстрее убедишься в том, что каждый по отдельности в этом мире, может и заслуживает жалости, а вот когда они вместе образуют какую-нибудь кодлу вроде Аммнушитов или Терпимых… то быстро превращаются в такую мерзоту, что их хочется истребить всех под корень. Люди пачкают друг друга. Пачкают дерьмом. Когда ты один – ты может, еще и человек. Настоящий человек. Но как только объединишься с кем-нибудь… или войдешь в какую-нибудь группировку – тут же превратишься в хитрого подлого гоблина. И тебя твои новые друзья не только дерьмом щедро обмажут, но еще и вольют в твои уши свои шепотки, радостно пояснив ту придуманную ими вескую причину, по которой вы имеете полное моральное право убивать, воровать, насиловать, грабить, поджигать…

– М-да…

– А ты как думал? – усмехнулся я. – Вспомни сам, Баск! Тут всё и вся в дерьме! Даже добросы – потому что нихрена не делают, оправдывая себя тем, что раз они рождены рядовыми прибрежными гражданами, жить надо тихо и незаметно. Плесень! Аммнушиты – насиловали и убивали собственных детей, считая при этом, что творят правое дело! Терпимые – молча принимали еще окровавленную одежду, орудия труда, мешки с ворованной мукой и семенами! Да еще и благодарили гребаных Непримиримых за такую доброту. Я могу перечислять долго! В этом мире каждая община замазана в дерьме по самую маковку!

– Даже мы? Мы ведь гоблины… помнишь?

– Наш сквад? Гоблины! – кивнул я. – Есть лишь одна причина, почему мы еще относительно чистенькие – нам тупо некогда

пачкаться в дерьме! Я не даю отряду такой возможности. Но позволь я скваду застояться, дай я им отдых в пару недель – и начнется! Пара бойцов отправится выпить в ближайшую деревушку и там по пьяни изнасилуют какую-нибудь селянку. А потом будут ждать, что придет командир и отмажет их перед крестьянами. Ведь мы отряд! Мы едины! И обычные командиры так и делают – приходят, извиняются, откупаются, обещают максимально строго наказать провинившихся бойцов. И мажут, мажут свои хари дерьмом! Еще через неделю перебравший наркоты боец словит галлюцинаций и пристрелит ни в чем неповинного гоблина – и снова будет ждать, что кто-то из его отряда, из его ПЛЕМЕНИ, придет и защитит его, не даст отправиться на эшафот. Мы гоблины, Баск. Мы гоблины! Я полностью уверен, что стоит мне сейчас вернуться на базу – и я разом найду десяток причин, по которым многих бойцов надо либо жестко наказать, либо пристрелить нахрен. А вместе с ними поставить к стенке и Джоранн – раз допустила такое дерьмо. Я уверен, что если я сейчас исчезну на неделю, а потом появлюсь, то сходу наткнусь на воющих Терпимых, жалующихся на моих бойцов. Я прямо сейчас могу предсказать, кто из наших одним из первых пойдет в разнос и чем это дерьмо закончится!

– Рэк? Этот быстро устроит попойку… тут можно и не гадать.

– Да даже ты – слабое звено! – рыкнул я. – Ты слишком задумчивый! Ты предпочтешь сесть где-нибудь в темном уголке и затихнуть, обдумывая судьбы мира и общин! Затем начнешь плакаться сам себе на свою неудавшуюся личную жизнь. И пока ты думаешь, жалуешься и медитируешь – в казарме начнет происходить брожение, что быстро приведет к проблемам. Вот почему ты не десятник, Баск, – ты слишком уж отстраненный от остальных. А любой командир должен уметь две вещи – держать четко выдержанную дистанцию от рядового состава и при этом не вылезать из этого густого и вонючего солдатского бульона!

– А Рэк умеет?

– Рэк умеет. Он с рядовыми гоблинами часами может о жизни балакать, хлебая кашу из одного котла или начищая снаряжение. Но стоит хотя бы одному проявить запанибратство – и гоблин тут же получает в харю с ноги. Главное – Рэк всегда со своими. Он знает, чем они дышат, что они жрут и пьют, чем они срут. Он знает слабые и сильные места каждого своего бойца. А бойцы, в свою очередь, постоянно донимая Рэка, держат его в тонусе, не позволяя сорваться и резко уйти в запой или начать беспричинную драку – чтобы не лишиться наработанного авторитета. Повторю тебе, зомби, – у каждого из нас свои слабые и сильные места. Каппа тоже десятник. Но со своим десятком

ведет себя не так, как Рэк. Дистанция Каппы предельно далекая – он офицер и подчеркивает это. Но его бойцы за своего такого ледяного командира любому жопу порвут! Почему?

– Не знаю…

– Раз ты снова обрел ясность… и захотел воевать дальше… хочешь стать и десятником?

– Ну…

– Значит, хочешь. – кивнул я. – Иначе был бы четкий отрицательный ответ.

– Возможно…

– Я дам тебе пятерых. Как только они придут в себя – начнете притираться друг к другу. Заодно проведете пару бесед, а может, и разминочных тренировок.

– Принято, командир. Я не подведу.

– Хорошо…

– Командир… Оди…

– Ну?

– Не слишком ли рано для тренировок? Мы только что из бойни. Надо бы хотя чуток отдохнуть.

– Бойцы – это мясо, Баск. Что надо делать с мясом, чтобы оно не стухло?

– Ответ прост – держать на холоде. Еще лучше – на морозе.

– Ответ, похоже, нихера не прост. Неверно! Правильный ответ – мясо надо жарить и жрать, жарить и жрать! Оставишь на морозе – кусок мяса замерзнет, это, считай, боец без навыков, без мотивации. Оставишь мясо лежать в тепле – оно стухнет! Итог еще хуже – вялое вонючее дерьмо, что не хочет ничего делать. Нет, Баск. Хочешь умелых и послушных бойцов – херачь их тренировками, стрельбами, авральными побудками. Делай так, чтобы несколько часов отдыха они принимали как великий дар. Чтобы лучшим занятием они считали сон! И вот тогда, эти прожаренные тобой жесткие куски мяса смогут сделать что угодно – главное, направь на нужную цель! И они оценят твою жесткость – потому что ты учишь их выживать! Благодаря тебе, благодаря твоей жестокости, твоей четко отмеренной беспощадности к ним, они получат шанс пройти любой бой и выйти из него живыми! А тупой жалостью ты… убиваешь их, Баск. Ты понял меня?

– Я понял, командир.

– И не обязательно заставлять их отжиматься и нырять харями в грязь. Это глупо. Но сейчас самое время найти тех, кто уже проснулся, кто уже морально киснет, переживает. Вот сейчас самое время найти таких, сесть рядом, выпить горячего кофе и детально обсудить минувший бой. Кто среагировал на отлично,

кто мог перезарядиться чуть побыстрее, кому не стоило лезть в ту воронку… Грамотный офицер будет больше слушать – давая бойцу выговориться, выплеснуть все скопившееся в душе дерьмо. А уже потом, на основе полученных сведений, провести с личным составом тренировку – а она может быть любой. Сборка-разборка оружия на скорость – не покидая теплой палатки – тоже тренировка, причем она вернет мысли в нужное русло. А если позволишь мясу валяться в палатках и слезно жалеть себя – мясо стухнет! Главное – зажечь под сковородой потухший огонь и снова начать жарку!

– Я понял…

– Ну-ну. – проворчал я уже не знаю в какой раз и медленно пошел дальше, неуверенно ставя израненные ноги на скользкую землю. – Слезливая бабская жалость прикончит тебя однажды, Баск. Именно такие, как ты, погибают, когда пытаются помочь раненому врагу и получают пулю в глаз.

– Учту… помочь спуститься, командир?

– Пошел нахер.

– Есть!

Успешно преодолев оставшиеся метры, я откинул одно из полотнищ и оказался под залитым светом и теплом тентом. Рядом с костерком стол из перевернутых ящиков. Из них же сооружено несколько лавок, расположившихся вокруг огня. На вонзенных в землю палках насажены промытые сохнущие кирасы и шлемы, в сторонке выстроены частично разобранные винтовки. С веревок свисают постиранные личные вещи. Опираясь спиной о ящик, Рокс, прикрыв вытянутые ноги одеялом, на чистой ветоши перебирает патроны, придирчиво оглядывая каждый и отправляя в тот или иной ящик. На соседней лавке приткнулся свернувшийся плотным клубком драконид, безмятежно посапывая. У ног Рокса сидел зверолюд Стив, натирая патроны сухой тряпкой и неспешно снаряжая магазины. С другой стороны костра еще две лавки – заняты дрыхнущими стариками Терпимыми. Перебрали алкоголя и провалили дипломатическую миссию? Похоже, что так. Хотя это может быть и такого рода сонливостью, что наваливается, когда…

– Перенервничали они. – вздохнул Рокс, увидев, куда я смотрю. – Старичье дряблое да нервное. Хотя и их понять можно – весь прежний уклад мира рушится на глазах… Как ты, командир?

– Ты как?

– Ногу ты мне знатно вывернул. Но это мелочи. Жить и работать буду. Когда выступаем, лид?

– Когда выступаем? Скоро. Но тебе в другую сторону, Рокс, – проворчал я, медленно опускаясь на свободную лавку.

– Это куда же?

– На базу. В эвакуацию.

– Командир! Да я…

– Не спорь. Поставленная перед нами задача успешно выполнена. Статус тебе повысили?

– Повысили. – кивнул механик. – Но…

– Задача выполнена. – повторил я. – Мы понесли нехеровые такие потери. Транспорт уничтожен. Эта вот багги перекошенная – сколько еще километров она пробежит?

– Немного. Хотя если вдумчиво покопаться в ее потрохах… ну и запчастей чуть получить от подобревшей системы… Я смогу подлатать машину. И платформе колеса вправим.

– На это уйдет время.

– Без этого никак. – согласился Рокс.

Глянув на дрыхнущего драконида, я вернул взгляд на Рокса:

– Даже если починишь – на кой черт нам сейчас платформа и багги? Мир Монстров проснулся. Нам везде предоставят дармовую энергию для подзарядки экзов. Судя по информации от Баска, что выпросил ее у системы – остатки сил Непримиримых утянулись за границу. Значит, и нам туда же. А я сомневаюсь, что там будут подходящие для кое-как работающей машины дороги. Там приволье для экзов и шагоходов. Для насекомых и зверей. А не для старого механика с вывернутой ногой, держащегося за руль убитой багги…

– И поэтому ты просишь, чтобы я тебя бросил и…

– Я не прошу, Рокс. Я отдаю приказы. И мой приказ прост – вместе с ранеными и вместе со всей нашей техникой ты возвращаешься на базу. Там подлечиваешься, набираешь новый штат механиков и начинаешь восстановление всего транспорта. Это же касается поврежденных экзов. Что там с Гиппо?

– Нужен серьезный восстановительный ремонт. Причем в мастерских, а не посреди поля.

– Сэбл?

– Потеряла почти все звено – один остался, да и тот без ног и обожжен. Сама тоже получила ожоги, потеряла руку, глаз.

– На базу. – кивнул я и принял от бесшумно подошедшего Стива тарелку с наваристой кашей. – Страусятина?

– Она самая. – ощерился зверолюд. – Сурверская каша… мать ее… Бункерснаб! Аж слезы на глаза… слезы ненависти и злобы!

– В жопу пафос, псина. И сделай мне кофе покрепче. Сахара не жалей.

– Уже делаю…

– Рэка, Хвана – на базу. – продолжил я, в первую очередь для самого себя подводя нерадостные итоги и все урезая и урезая

список тех, кто останется тут.

– Их это не обрадует.

– Мне насрать на их радости. Хван точно не боец и вот-вот окуклится. Рэк… ему лапу пришили?

– Пришили. Чего-чего, а рук и ног тут хватает – бери с любого свежего трупа.

– Раз так – Рэк может и останется. – кивнул я. – Большую часть раненых – в эвакуацию. Останутся немногие.

– Легкораненые вполне могут держать оружие, лид.

– Вполне. Ага. А продвигаться по горам и дебрям в быстром темпе день напролет они смогут? – поморщился я. – Рокс… игры в оборону и нападение закончились толком не начавшись. Сейчас начинаются веселые сучьи догонялки. Придется изрядно побегать. Догонять, а может, и убегать… Как долго раненые выдержат этот темп? Полдня? Может. день? Максимум сутки? Затем свалятся и нам придется тащить их на себе. Нет. Не вариант.

– А какой тогда вариант? Один пойдешь? И всех завалишь?

– Это было бы идеально. – вздохнул я и покосился на израненные ноги. – Но пока вряд ли такое потяну в одиночку. Поэтому я отберу максимум десяток твердо стоящих на ногах бойцов.

– А срака не лопнет? – лениво поинтересовался Рокс, возвращаясь к сортировке патронов. – Там все же серьезные силы вас встретят.

– Игры в атаку и нападение закончились, Рокс, – повторил я с кривой усмешкой. – Уже началась агония. Честно говоря, мы можем даже особо и не рвать жопы – так или иначе, но для Даурры все кончится плохо. Либо мы, либо дикое зверье, либо Брассарра, либо стреляющая на поражение одна из системных полусфер, а может, вошедший в раж Кевин со сворой зомбаков – но кто-нибудь ее да прикончит вместе со всеми остатками ее красных телохранителей. Непримиримым конец. А я, учитывая все факторы, предпочту посидеть где-нибудь на горном склоне, наблюдая, как подыхает долбанная Даурра. А когда она сдохнет – мы выпросим у системы билеты домой.

– Как у тебя все складно на словах получается… если на рожон лезть не станете – может, и выгорит дело.

Кивнув, я отправил в рот ложку каши, прожевал и продолжил задумчиво:

– В такой ситуации чем меньше отряд – тем лучше. Легче скрытно передвигаться. Проще командовать. Думаю, хватит пяти-шести бойцов с минимум необходимого. С этим определюсь чуть позже. А вы… готовьтесь к эвакуации.

– А этот? – Рокс глянул на драконида.

– Пристрели. – дернул я плечом.

– За что? Он никогда не участвовал в походах за мясом. Воевал здесь – против монстров.

– Предлагаешь мне расплакаться и обнять крылатого гаденыша? Да воткните ему в жопу штырь, привяжите к нему веревку и подарите Терпимым – пусть запускают веселого воздушного змея.

– Принять в сквад, забрать с собой. Пусть над базой летает… змей воздушный. Можно и со штырем в жопе. Такая зверушка пригодится в хозяйстве. И в разведке.

– Забирай.

– Понял. А с этим что? – теперь Рокс смотрел на сидящего на корточках зверолюда, ждущего, когда закипит вода во втором котелке. Ухо зверолюда дернулось, но он промолчал, продолжая прислушиваться.

– Пристрели. – повторил я и сразу добавил: – Или забирай к себе в обоз. Будет греть тебе пятки в постели и в ухо нежно рычать по ночам.

– Ну нахер! А в обозе пригодится. Да он и сам не против.

– Я не против. – кивнул Стив. – Но потом…

– Потом? – глянул я на него.

– Мишка. Мой мишка где-то там… Даурра забрала его – тут можно даже не гадать. У ней один шанс выжить, Оди. Ты сам знаешь какой.

– Побег из Мира Монстров?

– Да.

– Мир закрыт.

– Система не всесильна. Вот поверь мне, просто поверь – даже она не всесильна. И не всевидяща. Драконид этот, перед тем как заснуть, сказал, что главное – иметь действующий компьютерный терминал без системного присутствия. Плюс иметь при себе путеводных зверушек, несколько проводов, пару простеньких программок – и все! Этого хватит, чтобы проложить себе тропинку из этого мира.

– И ты хочешь успеть забрать любимого мишку у огромной змеи?

– Хочу!

– Это ведь игрушка. Механизм. Хреновина, с забитой электроникой плюшевой жопой.

– Он мой друг! Оди… позволь пойти с тобой. Туда – за чертову границу, куда я стремился так много лет и все боялся… и вот время пришло. Звезды сошлись… – оскалился зверолюд. – Я не предам! Буду воевать! Я пес – я вынослив! Кошки сдохнут на третьем часу бега, а я могу бежать сутки напролет и не отстану от

экзов. Я…

– Хорошо. – прервал я его. – Ты идешь со мной! Уймись! И где мой кофе?

– Щас будет, командир!

– И давай уже твою историю. Только без лишних деталей. Самое главное. Заинтересуй меня.

– Как? Как заинтересовать?

– К чему ты там стремился все эти годы, псина? – глянул я на льющего кипяток в кружку зверолюда. – Что там за этой чертовой границей?

– Башня! Вот куда я хотел попасть… К Башне!

– Ну вот и заинтересовал. – признался я, устраиваясь поудобней. – Давай, пес Стив… рассказывай…

Выдержав паузу в несколько минут – за это время сделав всем кофе и навалив себя огромную миску с кашей – зверолюд поудобней уселся, поправил край одеяла у Рокса и наконец заговорил:

– Я сурвер. Обманутый гребаной системой сурвер. А может, меня поимели Высшие. Или все вместе. Но кто-то намутил дерьма! Кто-то виновен! И этот кто-то – точно не я!

– Откуда такая уверенность? – спросил я, отставляя опустевшую миску и берясь за кофе. – Ты должен был слышать ту веселую байку про сурверов.

– Байка про то, что сурверы при сотворении этого искусственного мира как-то жестоко обманули систему, за что и были наказаны тем, что их территория оказалась в обнесенной стенами лечебнице Тихие Буки, она же Зомбилэнд? Так сурверы обманщики оказались вечными жителями мясорубки, что перемалывает претов, героев и зомбаков?

– Ага. Та самая байка.

– И за это их на поверхности держат на привязи как цепных псов. – добавил Рокс. – Без обид, Стив.

– Обид дохера! Но не на вас – на систему! – зло оскалился зверолюд. – С какого, сука, перепугу такое наказание для всех сурверов поголовно?!

– Ну а как ты хотел? – дернул плечом механик, едва не выронив винтовочный патрон. – Дружно обманули – дружно сели на вечную привязь.

– То есть – под одну гребенку всех сурверов?

– Ну вроде как так и случилось.

– В точку! Так и случилось – всем сурверам одна и та же судьба!

– Несправедливо?

– Охренеть как несправедливо! Командир! Вы все здесь

собравшиеся – уже ведь немало воспоминаний из своей прошлой жизни собрали? Благодаря наркоте.

– Кое-что. – ответил я.

Рокс молча кивнул.

– Вот! – поднял палец Стив. – И я немало! И понял, насколько сильно меня поимели, причем ни за что! Да, я сурвером жил. Долго жил. Вот только попал я туда, считай, пацаном – лет семнадцать-восемнадцать было. Ну может, двадцать, хотя сомневаюсь. И не надо мне сейчас рассказывать про то, как вы в свои четырнадцать уже матерыми убийцами и любовниками были!

– Ты был когда-то молод. И что с того?

– А то, что я тогда еще, уже выдавая сквадам задания на доставку и прочие мелкие поручения, завязывая с ними деловые отношения, выстраивая взаимовыгодную цепочку и присматриваясь к соседям-сурверам, узнал про связанные с сурверами слухи, сплетни, злые байки и прочее дерьмо. И какое-то время прямо винил себя! Ну как же – мы виноваты перед системой! Мы когда-то подвели ее и за это заслужили вечное наказание! Ага… а потом я задумался вдруг – стоп, ребята! Кого это я подвел? Когда? У меня толком еще шерсть подмышками и на яйцах не растет! Я бреюсь раз в месяц! Я зеленый юнец, получивший за какой-то мифический проступок вечное, мать его, наказание! Понимаете?! Когда бы я успел напортачить так сильно? Тем более по своим тогдашним повадкам я был кем угодно, но только не обманщиком, не убийцей и не насильником! Я щедро платил – и мне было стыдно порой торговаться, покупая что-то у командиров сквадов! Да я от стыда, сука, чуть не помер, когда первый раз робко покупал, женскую любовь!

– С поясом смертника над стручком и голой жопой на крыше бункера? – осведомился Рокс.

– Ну да… и что?!

– Ну… у всех разные ролевые игры, мохнатый. Что тут такого?

– Да не об этом речь! Суть в том, что не похож я был на матерого преступника! Ни по повадкам, ни по возрасту! И так думал не я один – между бункерами налажена радиосвязь, мы вечно торчали в эфире, перемывая друг другу кости, гадая о прошлом, строя предположения о будущем, проверяя не сдохли ли уже самые старые. А еще мы робко мечтали об амнистии. Или об окончании своих, считай, тюремных сроков. Вдруг в один прекрасный день нам объявят, что мы можем покинуть бункеры и идти куда глаза глядят и ноги ведут…

– Еще расплачься давай.

– Да я не о том! В жопу сентиментальность! У нас не до нее было. Короче… я молодой, в чреслах бурлит, в башке кипит, сердце ходуном – а из места обитания у меня крохотный бункер. Ну еще медвежонок. Он, конечно, не разумен. Но иногда, отвечая на какой-нибудь вопрос, он как вякнет что-нибудь… В общем, с ним есть о чем поболтать. Но даже это надоело! И я подсел сначала на бухло и жратву. Потолстеть особо не успел – пояс смертника на жирную жопу не налезет, на огромном пузе не замкнется – и наружу хрен ты попадешь. Поняв, что даже, сука, отожраться не могу, я начал меньше жрать и больше бухать. Ну а затем наркота… сперва крайне редко, затем почаще… а потом я плотно подсел на «слезы». Как результат – воспоминания о прошлом. И вот тогда-то все и произошло – я понял, что и не жил-то толком!

– Поясни.

– Мои воспоминания – детские! Подростковые! Вот я в яслях хвастаюсь какой я сильный, поднимая ветку. Вот я в школьном классе стою у доски и отвечаю учителю-дрону о том, почему случился ядерный апокалипсис и почему здесь только дети – потому что взрослым не нашлось места в бункере, где могут жить только сорок детей. Затем новое воспоминание – у доски отвечает другой ученик. Девчонка с короткой стрижкой, девчонка в синем комбинезоне. Она отличница. И без запинки объясняет, что, когда кто-то из нас достигнет восемнадцати лет, он снарядится и отправится наружу – в радиоактивный мир полный мутировавших постапокалиптичных тварей, туда, где обожженную землю облизывает желтая кислотная вода умерших океанов, а черные облака стелются над головой. Но не страшно – у нас будет карта, и благодаря ей мы найдем путь к месту, где находится некий командный бункер, в котором мы сможем узнать следующие координаты, а также благословенную важнейшую истину, что наполнит наши сердца невероятной радостью и надеждой.

– Что за истина-то?! – подавшись вперед, жадно спросил Рокс.

– Нет никакой, сука, истины! – зло рявкнул Стив. – Никакой! Мы росли в том бункере. Нас становилось все меньше – поочередно мы уходили. И как красиво уходили! Черный комбез, стрижка налысо, бронежилет, шлем, электронный девайс на запястье – с картой. Автомат за спиной, дробовик в руках, две световые гранаты на поясе, в специальной сумке две осколочные. Еще сделали укол средства от радиации. И в путь! Я шагнул в тамбур. Помахал тем, кто помладше. Двери закрылись. Вторая дверь открылась. Я шагнул туда и… оказался в следующем крохотном тамбуре! Дверь за мной закрылась – и все… я проторчал в тамбуре еще минут двадцать, веря, что это процедура

такая – надо выждать и дверь откроется. Но я просто вырубился. Следующих воспоминаний нет. Вернее сказать – они есть, но уже обычные, от этой жизни.

– После того, как тебя обманом вырубили в том тамбуре, ты очнулся уже в бункере посреди Зомбилэнда. Началась сурверская жизнь?

– Да! Я обычный ребенок, выращенный сраными роботами! И ведь мы их любили этих сраных роботов! Я ребенок, выращенный в бункере с… не знаю… может, с самого рождения. А может, мне было года два или три. Я не жалуюсь. Я пытаюсь объяснить – никакого преступления ни перед этим миром, ни перед людьми, ни перед системой лично я не совершал! Не знаю, как насчет тех, кто попал в Зомбилэнд уже взрослыми – они если и знают, то отмалчиваются – а вот я чист! Нет, сука, ни пятнышка на моей карме! Так за что же мне жизнь исковеркали? За что меня на цепь посадили?! За что меня обрекли?!

– М-да… – проворчал Рокс. – Неожиданно… я-то верил, что все бывшие сурверы виновны в страшных грехах.

– Знаете, что меня аж до трясучки доводит? До зубовного скрежета и дикой ярости?

– Просвети. – поощрил я.

– Ладно, взрослых наказали… Но… Детей жалко! Детей! Меня и других малышей попросту лишили солнца, простора, природы. Все свое детство я провел среди стальных стен, причем все это время я боялся! Кто-то из обычных детей боится монстра, живущего в шкафу, кто-то верит, что под кроватью живет бабайка… а мы верили, что за стенами бункера уничтоженный смертельно опасный мир, выжженный радиацией! И мы боялись, что эти стены не выдержат! Боялись и, гладя ладошками сучьи стены, просили их продержаться еще немного! За что с нами так? За что?! Какое имели право сотворить такое с детьми?! Да есть ли вообще у кого-то право на такое? А?

Я промолчал. Рокс выругался. Давно проснувшийся, но не подающий вида драконид тяжело вздохнул. А скрипящий клыками Стив еще чуток пофыркал, а затем, немного успокоившись, продолжил:

– Когда я понял, что все ложь, что меня вырастили в тюрьме детской, чтобы перевести на пожизненный срок в тюрьму взрослую – предварительно еще и побрили налысо, суки! – я резко завязал с наркотой. Тяжело пришлось. Но я справился. А как пришел в себя – начал копать. Не в буквальном смысле, конечно. Я начал собирать информацию. Всю подряд. Мне любая годилась. Лишь бы понять хоть что-то об этом уродливом мире. Так я сначала побольше узнал о Высших, затем досконально о

героях, о их рангах, а затем меня поглотила тема про Первого Высшего и про Башню. Я узнал о том, что этом мире существуют Башни.

– Башни? Не одна?

– О нет. И да. Башен много – но она одна. Они разные – но едины. Скорей всего, это что-то вроде особого компьютерного терминала, попасть к которому крайне тяжело. Приходится выполнить особые условия. К примеру, чтобы попасть к Башне в Землях Завета, надо быть Высшим, надо обладать правом голоса, надо, чтобы ты выдвинул минимум пять полезных для мира предложений, и чтобы все эти пять поправок были приняты на голосовании, а затем успешно внедрены. Плюс ты должен пробыть Высшим минимум пятьдесят лет. А еще надо обладать решительностью. Надо обладать готовностью потерять все – заходя в любую башню, переступая через ее порог, ты производишь… как это называется? Прыжок Веры? Акт Отказа? По-разному называют. Но как не назови – это страшно! А по существу – переступая порог, ты отказываешься.

– Погоди. Отказываешься? От чего? – я уже не скрывал своего жгучего интереса. – От чего отказываешься?

– От всего! – коротко ответил зверолюд. – От своего текущего статуса, от всего имущества, банковских накоплений, от гражданских прав, от собственных воспоминаний и даже от права на собственную жизнь. Это настоящий Прыжок Веры. И поэтому на него не решается никто. Или почти никто. Сам посуди – вот ты достиг всего, бойцы говорят, что ты достиг статуса героя высшего ранга, прямо щас тебе открыта дорога в рай – в Земли Завета. А там… сладкие попки гурий, приторное безделье, а в перспективе еще и вечная жизнь! Если же ты переступишь порог Башни – ты потеряешь все безвозвратно. И исчезнешь. Навсегда. Никто не знает, что происходит с теми, кто переступает порог Башни ради беседы с Первым Высшим. Я думаю, что им стирают память, может быть, меняют лицо пластической хирургией и… возвращают в мир под другими именем.

– Или номером. – обронил я.

– Что?

– Неважно. Продолжай. Зачем переступать порог?

– Вот! Самый главный вопрос, да? Зачем совершать такой дурацкий поступок? А ответ очевиден – ради мира! Ради этого искусственного мирка! Ну… может, ради любимой женщины – слышал я и такую историю, где какой-то герой вошел в Башню и попросил отменить приговор для его любимой женщины. Правда, я не знаю, чем все закончилось. Но сути это не меняет – учитывая, что ты сам теряешь все, включая воспоминания – даже

погордиться собой потом не сможешь! – ты в любом случае просишь ради кого-то, ради чего-то, но не ради себя. Ты предстаешь пред самим Первым Высшим. Понимаешь? И он выслушает тебя – ведь ты доказал, что достоин быть здесь. Ты точно достоин – ведь ради этой просьбы ты отказываешься от всего, чем обладаешь! Каков бы ни был ответ Первого – ты в любом случае даже порадоваться не сможешь. Ты даже не узнаешь, что твоя просьба была исполнена. Ну… может, он согласится, кивнет, сообщит, что то, о чем ты просил, будет исполнено… а затем тебе сотрут память, и когда ты очнешься добросом в богом забытой деревушке… ты ничего не будешь знать о своем прошлом. Ничего! Вот что такое Акт Отказа! Прыжок Веры… это самоубийство, Оди. В буквальном смысле самоубийство…

– Занятная история…

– Правдивая история. Она подтверждена множеством источников. Я собирал информацию как пылесос, жадно втягивая каждую крупинку. Я занимался этим годами! Годами! И одновременно прорабатывал план побега из сучьего Зомбилэнда.

– План побега ради свободы?

– И ради нее тоже, конечно. Но… я хотел достичь Башни! Любой, до которой смогу дотянуться! А оказавшись в ней… я хотел попросить Первого Высшего даровать помилование хотя бы ни в чем неповинным детям сурверов! Дети за родителей не в ответе! Наоборот – может быть! А вот дети за родителей ответственность нести не должны! Это несправедливо, сука! Несправедливо до слез! До боли!

Шумно задышав, фыркая, утробно рыкая, Стив помолчал, утер нос лапой и, забрав у меня кружку, продолжил:

– Дальше не особо интересно. И как-то… стыдно. Я сумел сбежать. Правда, не совсем удачно – был ранен, потерял мишку, не сумел забрать спрятанный в земле ящик с отборным товаром и личными вещами – вроде дневников и прочего. Но я убежал. Благодаря заранее собранной инфе я нашел тех, кто может заменить чип в башке. Страшное место! Глубоко-глубоко внизу… а чертов доктор наводит дикий ужас одним своим видом… Не знал, что бывают настолько мерзкие призмы. Но дело он свое знал. Не только заменил мне чип, но еще напоил какой-то кислющей хренью, что неплохо защищает мозги от излишне ретивых стирашек. Действует, правда, эта отрава вроде как не больше полугода. Но того стоит, хотя и лишила меня последних сбережений. Резко обеднев, я поднялся наверх уже другим человеком – обычным добросом. И начал свой путь возвышения, решив стать либо героем, либо мудрым политиком, либо еще кем-

нибудь – тем, кто будет достоин Башни, тем, пред кем откроются ЕЕ двери. Мало ведь достичь стен Башни – надо быть еще достойным переступить ее порог. Но… тут такое дело… я был неплохим сурвером Зомбилэнда. А вот на свободе я оказался… одним из множества непримечательных хреносовов… Прямо говоря, такому как ты, Оди, я не чета. Не ровня. Не дотянуться мне до тебя. А значит, не дотянуться и до Башни. И мудрый политик из меня, кстати, тоже никакой. Пусть я готов отказаться от всего ради неповинных детей, но я всего лишь сраная посредственность. Ага… а еще стал преступником. Снова начал баловаться наркотой, пробуя различные рецепты и каждый раз после отходняка клянясь себе, что это последний раз. Еще стал зверолюдом – еще в самом начале своей новой жизни. Но это уже неважно. Как и неважны долгие годы моих бесцельных скитаний вдоль Тропы. Вот и вся моя история, герой Оди. Как и ты ожидал – история так себе. Можно даже сказать, что это история неудачника и… труса… ведь в моих лапах был мишка, и я всегда мог сколотить небольшой отряд и отправиться в Мир Монстров попытать удачи – в здешнюю башню ведь можно попасть без особых условий. Главное, достичь ее.

– И все? – прищурился я. – В Мире Монстров главное – достичь Башни? И можно зайти внутрь?

– Вроде как да. Но раньше ведь сюда вообще просто так нельзя было попасть. Вход только для героев высшего ранга! Плюс надо иметь путеводных зверей. Ну и самое главное – надо иметь решимость совершить Акт Отказа. Вот кто из обычных людей рискнет? Пусть у тебя особо ничем не примечательная обыденная жизнь… но все равно в ней есть свои радости. И отказаться от нее ради кого-то… а ведь Первый Высший может и отказать. Ты не желание джинну называешь. Ты просишь. Просто просишь. И если ты просишь о чем-то несбыточном – ты получишь отказ. И получается, что ты потеряешь все просто так… Но шансы на исполнение есть! Вот Мир Монстров, например, почему закрылся? Говорят, что какой-то невероятно крутой герой зашел однажды в здешнюю Башню и что-то такое сказал… после чего Мир Монстров был закрыт мгновенно! Вот охренели те герои, что в этот момент находились тут… Ладно. Я уже, наверное, задолбал своими рассказами. И спасибо, что разрешил пойти с тобой, Оди. Я не подведу! Мне бы мишку забрать. Ну… если представится шанс – я нырну в Башню. Предупреждаю сразу – я нырну в сучью Башню! И не надо спасать мою жизнь.

– Всем срать на твою жизнь, бывший сурвер, – ответил я и задумчиво потер небритый подбородок. – Ладно… ладно…

– Еще вопросы?

– Ага. Ты сказал, что в том детском бункере вас было много.

– Да. Все верно.

– Кто-нибудь из них – тех детишек и подростков, с кем ты рос, – появился потом как сурвер в Зомбилэнде?

– Нет. – уверенно ответил Стив. – Я думал об этом. Похоже, в этом мире еще есть немало мест, где обитают вечные заключенные сурверы.

– Ясно. Еще что-нибудь? Про детский бункер.

– Обычная сытая жизнь. Лживые уроки. И никакого возбуждения.

– Это ты о чем?

– О сексе. Я в том бункере прожил до восемнадцати лет, Оди. И за все годы у меня ни разу не встал. И ни одна из девушек, что жили там, ни разу не выразили никому желания заняться сексом. У нас вообще этой темы не было.

– Химикаты в еде и воде…

– Или уколы. Да. Химическая кастрация. Хотя раз мы развились относительно нормально – я про мальчиков – там что-то более тонкое. Но факт остается фактом – никакого секса и никакого возбуждения. Первый раз у меня встало на третий день после того, как я попал в бункер Зомбилэнда. И вот тогда я взялся за свой…

– Ты рассказал достаточно. – усмехнулся я, забирая у него новую кружку кофе и поднимаясь. – Отдыхай.

– А ты куда собрался? – глянул на меня Рокс.

– Время проверить посылку. – широко улыбнулся я.

* * *

Посылка. Сраная посылка.

Она была заботливо помещена под отдельный тент – без всякой нужды. Контейнер из нержавеющей стали не боялся дождя. Со всех сторон его окружали штабеля ящиков – Рокс и здесь проявил заботливость, сделав так, чтобы никто не мог увидеть содержимое посылки, кроме меня.

Что ж…

Баюкая в саднящих ладонях горячую кружку, я опустился на выступающий из стены ящиков край и замер, прижавшись гудящей спиной к чуть подрагивающей от ветра стенке.

Посылка… гребаная обещанная посылка.

Ночная Гадюка.

И мои личные вещи.

Прямо сейчас бы отшвырнуть кружку, прижать палец к

электронному сенсору, жадно залезть внутрь посылки… но что-то меня останавливало от этого шага. Нет, я не боялся взрыва бомбы или кислотного спрея в лицо. Не боялся и вирусов. Да и нет в посылке ничего, кроме обещанного – боевого экзоскелета и тех самых чертовых личных вещей. Но порой обычные вещи могут быть похуже бомбы.

Я боялся?

Нет.

И да.

Что я пойму, открыв посылку? Что увижу, кроме боевой умной брони?

Обычно спящее воображение разошлось, рисуя перед мысленным взором стопки пожелтелых фотографий, пухлый личный дневник или же информационные накопители с той же функцией. А может, там найдется инъектор, что одним уколом вернет мне все утраченные воспоминания? Что еще? Пара флэшек с важнейшей инфой – пусть не личные воспоминания, но хоть какие-то сведения, что могут пролить свет на мое прошлое.

Стоп.

Вот оно.

Вот что меня настораживает.

Личные вещи. Умная боевая броня.

Давно уже ясно, что я далеко не обычный гоблин, что в прошлой жизни усердно вкалывал на рядовой работе, нихрена не накопил, но зато очень хотел жить и потому сумел напроситься в «новый мир» в качестве добровольно низшего. Да, мол, я согласен, сотрите мне к хренам память, все равно особо ценного в моей гнилой тыковке и не было. Главное – сохраните мне жизнь.

Нет. Я не из таких. Об этом напрямую говорят все более и более яркие флеши, что освещают черноту моей выжженной памяти.

Я был тем, кто напрямую причастен к созданию этого мира.

Я был тем, кто пролил сотни литров гоблинской крови, чтобы осуществить этот проект странного замкнутого мирка.

И я был далеко не рядовой сошкой. Нет. Я был рангом повыше.

О чем это говорит?

Да о том, что такой ублюдочный и жесткий хмырь, как я, не имеющий уважения к чужой жизни, зато обладающий набором таких крепких жизненных правил, что пережили даже стирание памяти… такой, как я, просто не мог согласиться на то, чтобы превратиться в добровольно низшего. Не от презрения к стальным коридорам и заживо гниющим там зомбакам и червям. Нет. Не поэтому. Не настолько я горд. И я совсем не брезглив. И, честно

говоря, именно там я ощущал себя живущим на полную катушку. Выполнил легкие и простые задания, шлепнул ради бонусов десяток плуксов – и в трактир! Там тебе подадут на большой тарелке крупно нарезанную жопу плукса, польют сверху кислым соусом из энергетиков и наркоты, поставят рядом графин с компотом и бутылку самогона. Живи, гоблин! Живи и кайфуй! Чем не славная жизнь? Убил, выпил, закусил. Убил, выпил, закусил. Надоело? Заваливайся в личную капсулу и дрыхни себе спокойно. Уже не радует и это? Иди и отыщи себе для забавы новую Клоаку или Зловонку. В том нижнем мирке всегда отыщется занятие для того, кто ищет от жизни драйва.

Стоп…

Опять мое разыгравшееся воображение понесло не туда.

Почему?

Почему мои мысли упорно сползают к прошлым денькам с тех самых пор, как я встал рядом с наградной посылкой?

Почему?.. да потому что я почему-то боюсь…

– Боюсь. – выдохнул я изумленно, еще внимательней прислушиваясь к своим ощущениям. – Сука… я боюсь!

Вот почему все мои мысли о нижнем мире – потому что я хочу прямо сейчас туда вернуться. Я хочу взять раненую жопу в обожженные руки и со всей доступной скоростью рвануть в родную вонючую Кляксу!

Почему? Ведь мы победили, мы частично уничтожили, а частично рассеяли и обратили в бегство Непримиримых. Нет никакой прямой угрозы. Нет никаких сроков. Я могу взять большой тайм-аут, подумать над тем, как притащить все же сюда пополнение, могу отменить для легкораненых эвакуацию и подлечить их здесь, быстро вернув в строй.

Передо мной открывается немало вариантов.

Но меня трясет…

Почему?

Почему мне страшно?

Посылка. Вот почему. Приложив перевязанную ладонь к холодному металлу, я замер.

Почему мне так страшно?

И снова мысли вернулись к статусу.

Я бы никогда не согласился стать добровольно низшим. Почему? Потому что они сброд. Быдло. Среди них встречаются те, чья душа почище чем у любого аристократа. Среди них есть те, кто умней любого маститого академика. Есть и те, чье сердце патриотичней, чем у любого генерала. Но все равно – они ни на что и никогда не влияют. Они – добровольно низшие – недовольно ворча, огрызаясь, делая вид, что они очень крутые,

покорно живут внутри разрешенных им рамок. А я не такой.

Так почему же я там оказался?

А потому, что меня туда забросили против воли.

Логично?

Логично. И плевать на слово «добровольно» – заставить можно любого согласиться на что угодно. У каждого найдется особая болевая точка – надави и готово.

Меня зашвырнули в ряды гоблинов-низушков силком. Стерли память. Забрали все, что мне принадлежало. Отрубили конечности. Но при этом все мое имущество не разбазарили, не раздарили, не уничтожили. Сохранили – включая руки и ноги. Включая мой боевой экзоскелет!

Разве это не странно?

С каких это пор неугодному и опасному противнику позволяют шаг за шагом получить относительную свободу, затем вернуть родные конечности, следом забрать боевой экзоскелет… Это ведь бред? Ответ очевиден – да, это бред! Но вот он факт – стоит передо мной.

Внутри бомба?

Нет. Уверен, что внутри контейнера отыщется именно то, что и обещано – вполне исправный и наверняка еще и заботливо подзаряженный боевой экзоскелет Ночная Гадюка. Давай, гоблин Оди – натягивай на себя стальную шкуру.

В этой странной и опасной игре я готовлюсь сделать еще один шаг. Но каждая игра когда-нибудь да подходит к финалу.

И мой финал я знаю. Пусть я не гений, но ведь я и не дурак. Раз за разом ко мне приходят подсказки со всех сторон. Раз за разом называют и называют это слово. И каждый раз я невольно вздрагиваю, когда слышу это гребаное слово.

Башня.

Башня…

Вот я достиг почти всего, что мне принадлежало раньше. Вот я поднялся по здешней социальной лестнице практически до самого верха. Уже прямо сейчас я могу свободно войти в Земли Завета, могу встретиться с безвольным стадом ничего не решающих Высших, могу влиться в их ряды – а я найду этот способ при желании.

Итак – я почти на вершине этого мира, мои карманы трещат от переизбытка золотых крон, арсеналы переполнены патронами и различными стволами, под моей задницей отличнейшая островная база, есть даже собственный корабль. Я сделал вполне достаточно. Можно остановиться? Продолжить набор пополнения, влезть в ряды Высших, набрать там влияние, шлепнуть десяток особо наглых героев, мешающих моим планам, а затем

попытаться приступить к главному – и исправлению глобальных проблем этого гребаного мира!

К примеру, продавить приказ о том, чтобы зомбаков больше не грузили в холодильники – пусть убивают на месте!

Закрыть нахрен Зомбилэнд, перед этим устроив массовый забой зомбаков, выпустив их разом из холодильников.

Объявить большую часть мира запретной для гоблинов. Пусть там обитают лишь звери.

Запретить практику обращения в призмов. В жопу эту хрень! Натворил дел? Выстрел в затылок! Один единственный! Чтобы не тратить боеприпасы на всякую мразь. Хотя лучше топором по шее. Никаких тюрем, где насильникам и психопатам-убийцам будут остаток их жизней подавать бесплатные обеды и выдавать чистое постельное белье. Выстрел в башку – и проблема решена.

Собрав реальную силу, набрав влияние, я смогу спуститься под землю и выжечь всю эту гномью мразь вместе с их ублюдочными ритуалами.

Я многое что могу сделать, если прямо сейчас начну планировать свой отход обратно на базу. И хрен мне кто помешает – найду способ отказаться от задания и вернуться в безопасность. Найду!

Но…

Башня…

Башня…

Почему мне вернули, считай, все, кроме памяти? Эти неведомые мне ублюдки настолько самоуверенны? Или же я, обычное ничтожество, пушечное мясо, просто возомнил себя кем-то особенным, хотя никогда таковым не являлся?

А?

Башня… там все ответы…

Башня…

– Дерьмо. – прошептал я, скользя пальцами по леденящему металлу.

Мне почудилось, что внутри контейнера кто-то холодно усмехнулся.

– Дерьмо… – повторил я, не отрывая глаз от черного квадратика сенсора.

Подняв лапу, я прижал палец и замер. Зеленая вспышка, легкий мелодичный звон… и с шипением створки контейнера разошлись, открывая мне свое содержимое.

Чуть приподняв подбородок, я задумчиво взглянул в узкое черное забрало. Замерев в вертикальном ложементе, боевой экзоскелет смотрел на меня с отчетливо ощущаемым презрением. Руки из стали и композитных материалов прижаты к бокам, в

откинутым с левой стороны корпуса лючке приглашающе мигает желтый огонек – прикоснись, и начнется недолгая процедура опознания. Мигай зеленый – экз открыт для знакомств любому. Мигай красный – экз намертво заблокирован.

Но первым делом я взялся не за экз. Нет. Присев, я вытащил из дополнительного отделения – их тут немало – небольшой стальной контейнер с поразительной надписью «личные вещи».

Ага… особо не заморачивались, да? Нет бы назвать «наследие Оди» … хотя вряд ли раньше меня звали именно так.

Прижав палец к сенсору, дождался разрешающего писка и откинул крышку. Заглянув внутрь, посидел с полминуты, вороша содержимое, снова замер удивленно и, не выдержав, задрав голову, рассмеялся в голос.

– Вот дерьмо…

Внутри контейнера было всего. И ничего. Черный свитер, черные штаны, белье и черные ботинки. Револьвер с тремя стрелянными гильзами и двумя патронами в каморах. А на самом дне ящика лежало четыре закупоренные консервные банки от уже знакомой компании Бункерснаб – говяжья тушенка две штуки, компот сливовый одна штука и печень трески одна штука. Под банками сложенный пополам пожелтелый листок с удивительно искусно, мрачно и красиво одновременно изображенной высокой и чуть накренившейся темной Башней. Дверь в основании Башни представляла собой белый прямоугольник со стоящим в нем мужским темным силуэтом.

Больше ничего в ящике не было.

– Вашу же мать, ублюдки, – прошептал я, выпрямляясь. – И на что же это вы мне, суки, тут намекаете? А?! Что это вы мне тут, суки, пытаетесь такое донести?! ВОТ ДЕРЬМО!

– Лид! Все в порядке?!

– Да… да, Рокс… все в порядке. – выдохнул я. – Все в порядке… Да нет… мало ли, откуда эти банки. И сколько им лет. Эта фирма могла работать задолго до появления этого гребаного мирка…

– Лид… точно все в порядке? Ого… вот это я понимаю охрененная машина. – закашлялся чуть высунувшийся из-под теплого тента Рокс, наткнувшись взглядом на замершую в контейнере Гадюку – Аж смертью дохнуло… Как ты там, Оди?

– Как проверить, сколько лет тушенке, если не указан срок годности?

Не удивившись такому вопросу, механик показал мне нож, а другую руку требовательно протянул:

– Вскроем да поймем. Хотя бы приблизительно. Открыть?

– Давай.

– Какую банку?

– Все.

– Я помогу! – подскочил Стив, потирая лапы. – Я спец! Реально спец по всем этим чертовым консервам! Есть там свои детали. Погоди, Рокс. Не вскрывая.

Заграбастав банки, пару раз прервавшись, чтобы облизать восхищенным взглядом экзоскелет, зверолюд внимательно оглядел все этикетки, понюхал, лизнул металл, поколупал ногтем и уверенно заявил:

– Можно даже не вскрывать. Уверен, что там точно не свежак – даже по консервным меркам – но жрать еще, наверное, можно. Бункерснаб такую химию туда пихает, что, считай, это не консервы, а бальзамированные останки коровы. Хотя все же лучше не рисковать. Объяснить не могу – говорю же, тут тонкостей дохрена, начиная от размера этикетки, цвета чернил и даже эмблем и циферок… – но я бы сказал, что банки отправились сурверам в доставке лет так сорок или тридцать пять назад.

– Не раньше?

– Ну нет. Видел я раритеты – они совсем другие. Говорю же – сорок, может, тридцать лет. Потом снова чуть по-другому стало – с виду банки такие же почти, неискушенный даже не просечет, а вот я на раз разницу определяю.

– Ладно. – кивнул я. – Ладно… ладно… Я ваш сучий насмешливый намек понял. Прямо вот понял… ладно…

– Лид… ты точно в порядке?

– Не, – покачал я головой, отступая от тента и подставляя лицо холодному дождю, льющему со стального облезлого неба. – Я нихрена не в порядке… но все норм, Рокс, все норм. Нальешь грамм сто самогона?

– С компотом?

– Ага.

– А может, грамм двести самогончику?

– Не. Сто грамм – в самый раз.

– Да что случилось-то, командир? – Стив удивленно морщил нос, крутя в лапах банку с компотом – Че не так? И с каких пор консервы Бункерснаба поставляют с такими вот… мать его, нереальными экзоскелетами… кто это?

– Ночная Гадюка. – ответил я, продолжая стоять с задранным к небу лицом. – Лимитированная серия. Всего создано восемь штук на одном из летающих заводов. Из тех, что летали на высоте пятнадцати километров, а все отходы производства выстреливали в солнце. Злые фабрики, стреляющие по светилу. На одной из таких были собраны эти боевые экзоскелеты по специальному

заказу. Моему заказу. Я их и забрал – каждую Гадюку до единой.

– Ого… откуда ты это знаешь, лид? Вспомнил?

– Наверное, вспомнил.

– И больше таких не делали?

– Конструктор мирно умер от пули в седой затылок. Остальные упали вместе с заводом посреди пустыни и тоже сдохли. Ни записей, ни регистрации, ни технических сведений о слабостях и возможностях экзоскелета…

– Лид… я с тобой ссориться никогда не буду. Чтобы не умереть мирно от выстрела в седой затылок…

– Вскрывай банки, Стив.

– Ага.

Из-под тента снова показалась рука Рокса со стаканом:

– Сто грамм, Оди. А вот и крекер на закуску.

Приняв и то, и другое, я выпил, закусил, вернул посуду, взамен получив сухое одеяло, накинув его на плечи и вытерев краями мокрое лицо и волосы.

Ладно… ладно…

– Рокс, распорядись, чтобы сюда притащили все мои шмотки. Сюда же еще один стол. Тенты наши надо объединить, чтобы не лило. Отыщите мне какой-нибудь дождевик.

– Все сделаем, командир.

– Компот. – доложил Стив, протягивая мне вскрытую банку. – Пить можно. Ягодки плавают. Кисло! А если выловить ягоды, а в компот добавить чуть самогона и пару таблеток шизы «радостный бриз» – у нас такие есть – а затем булькнуть в стакан шипучую таблетку энергетика «Марморана Экс» … у нас все есть. Сделать коктейль, лид?

– Сделай нам всем. И продолжай вскрывать банки. – ответил я, вытаскивая из отделений фирменного стального ящика мелкие контейнеры.

Это мой ящик. Мой. Не знаю, когда пришли воспоминания – наверняка я пережил пару флешбэков во время отключки – но кое-что в моей голове освежилось. Это мой ящик. Я их заказывал. Я разрабатывал их дизайн, показывая, где и как разместить отделения и какого размера они должны быть. Каждое отделение предназначено для хранения строго определенных вещей. Батареи, боеприпасы различных типов, резервное оружие, крохотные гранаты десятка типов, смазочные материалы, запасные броневые щитки, коими легко заменить поврежденные. С тех пор как я сменил шкуру, перебравшись в Гадюку, эти ящики всегда были со мной. Это мой ящик. Сделанный на том самом заводе, что рухнул в пустыне, а следом породил небольшой атомный взрыв, пославший во все стороны убийственные

радиоактивные выбросы. Эти выбросы заставили гордые племена подыхающих от дистрофии и болезней упрямых ушлепков наконец-то сдаться и направиться к ближайшей сверкающей металлом стеле, куда регулярно прибывал транспорт для сбора желающих стать частью нового мира – само собой, с потерей всех прав, включая права на детей и даже на собственные конечности. Эти гордые ушлепки все стали добровольно низшими. А я, получив восемь Гадюк, уничтожил начавший нам мешать автономный завод, заставил племена сдаться и забыть про самостоятельное выживание, жалобно попросившись в новый мир, и тем самым выполнил два задания сразу. Об одном жалел – времени было маловато, и обреченный завод не успел создать еще с десяток Гадюк…

– Тушенка и тушенка, лид. Обычная тушенка. Бутер сделать?

– Нет.

– А вот коктейль «Атомная услада». Мой личный рецепт. Включить еще Синатру, закинуть ноги на стальную стойку с экраном, показывающим бродящих над головой зомби, и неспешно потягивать коктейль, ласково поглаживая любимую винтовку. Придает жизни смысл!

– Вскрывай последнюю банку.

– И кто такой Синатра? – зевнул Рокс, успевший подозвать двух гоблинов, начавших устанавливать дополнительные стойки, сооружая тент побольше. – Убежище капитальное делаем, лид?

– Не. – качнул я головой и сделал большой глоток коктейля. – Либо с утра, если дождь уже кончится, либо чуть позже – мы выступаем. Раненых готовим к эвакуации прямо щас. Нехрен ждать. С системой я поболтаю минут через пять. Где мой дождевик?

– Несут.

– В банке с печенью… лежит печень. – вздохнул зверолюд, откладывая нож. – Жирная и вкусная. Можно я ее сожру?

– Сожри все.

– Люблю такие приказы…

Прихлебывая странный коктейль, я начал раскрывать ящики один за другим, заново знакомясь с их содержимым и по-прежнему одержимо пытаясь отыскать хоть какие-то подсказки. Но ничего не находил. На вставшим рядом с контейнером столе появились дополнительные тарелки и стаканы, встали бутылки, упавший с крыши тент отсек порывы холодного ветра, вспыхнули тусклым светом желтые фонари. Стало тепло и уютно. Я не был против – израненное тело выло в голос, требуя если не полноценного долгого восстановительного периода, то хотя бы кратной пародии на него. Надо сожрать еще каши.

Закончив с малыми контейнерами, я бережно закрыл их. Посидел рядом с экзоскелетом задумчиво и, позволив руке двинуться самой собой, нащупал ничем не примечательную стенку одного из отделений, надавил, и пластина отошла в сторону, из открывшегося отверстия выскочила рукоять пистолета. Заучено выхватив оружие, задумчиво оглядел его. Двадцатизарядный, композитный, легкий, точный. Удобно, если кто-то подошел со спины в то время, как ты занимаешься поврежденным экзоскелетом. Но это еще не все. Засунув руку в отверстие, нащупал три металлические кнопки и быстро нажал комбинацию, которой не было в моем сознании – но пальцы помнили и оттарабанили умелую дробь без сбоя. Только нажав последний раз, я вспомнил, что в случае, если ошибся, отошедшая пластина вернется на место, сдавливая запястье и приковывая придурка к контейнеру. Потом у тебя появится шанс ввести код еще раз. Снова ошибешься – и получишь укол крайне опасного токсина, что вырубит тебя на сутки. Не получишь противоядие – сдохнешь.

Параноик ли я?

Да. Я такой.

С мягким щелчком во внутренней стене контейнера открылась толстая дверца. Я жадно сунулся внутрь и… замер, когда увидел там единственный предмет – фотографию. Бережно взяв квадратик бумаги, вгляделся. Что-то вроде лаборатории со сложным оборудованием на заднем фоне. Яркое освещение. Большие стеклянные окна. А на переднем фоне я увидел ее – улыбающуюся девушку с лучистыми глазами. Девушка в белом халате, держащая в руках небольшую табличку с надписью: «Трудом искупляя прошлое, заслужим светлое будущее!» По нижней кайме фото сухое пояснение мелким шрифтом: «Фото – участник конкурса «Лицо и дух лаборатории Квинты-7». Еще ниже, в правом углу таблички, там, где ее край был смят, виднелось еще что-то перевернутое вверх ногами. Повернув фото, я вгляделся и с трудом разобрался отпечатанный на листе одноцветный синий логотип «Пий IX».

– Мне бы еще один коктейль, Стив.

– Сливового компота больше нет. Персиковый подой…

– Давай.

– Делаю!

– Все в порядке, Оди? – в который уж раз спросил Рокс, жадно поглядывая на фотографию.

– Не знаю. – ответил я, протягивая ему фото. – Не знаю.

– Кто она? Красивая. Яркая.

– Не помню. Но она… я точно ее знаю. Точно. Я видел ее в

своих флэшах. И у меня сердце чаще заколотилось, когда я увидел ее. Она чем-то важна для меня.

– Может, жена?

– Такие, как я, не женятся, Рокс.

– Это точно. Но девушка красивая. Улыбчивая. Не зря ее на конкурс выдвинули. Может, и победила.

– Вот еще коктейль, лид.

– Ага. – кивнул я и, усевшись на ящик, замер, переваривая новую информацию.

Зверолюд прилип взглядом к фото. Я не мешал. Всегда есть шанс, что кто-то еще может узнать ее лицо.

Не зря я так бережно и так далеко спрятал ее фото в крохотный тайник. Но вряд ли только ради ее лица.

– Рокс…

– Да?

– Что такое «Пий IX»?

– Звучит как имя. В Зомбилэнде был один Пий. Ему обгрызли все лицо и пальцы на руках, а потом прирезали в палатке на окраине Уголька.

– Имя… Ладно. Верни фото.

– Конечно. Ее показать бы остальным – вдруг что вспомнят.

– Мыслю так же. – кивнул я. – Покажу всем бойцам. Покажу всем Терпимым. Покажу даже подыхающим Непримиримым. Я покажу это фото всем.

– Мудро.

– Дождевик! – вякнула вбежавшая под тент девка с залитым медицинским клеем исполосованным лицом и шеей. – Льет как из жопы гиппо! Мокро!

– Мне еще каши. – велел я, вставая и накидывая поверх одеяла дождевик. – И побольше мяса туда.

– А овощей?

– Посыпьте перцем. – буркнул я, выходя под дождь. – Вот же дерьмо…

Глава девятая

Город Возмездие встретил нас грязью и едкой гарью.

Перед бегством Непримиримые, действуя по всем канонам, сожгли город, понимая, что сюда им уже вряд ли вернуться. Да и что они теряли? Если удастся выжить, а затем вернуться – город будут отстраивать Терпимые. Так что жги смело, да?

Горящие постройки залило дождем, что довершил дело. Город превратился в залитую водой и замешанной на пепле грязью помойку, куда соваться не хотелось категорически. Я и не стал. Постоял на гребне холма и пошел прочь, шагая через сгоревшее поле. Раскисшие стебли и вылезшие из размокшей почвы обожженные корнеплоды чавкали под ногами.

Ночная Гадюка, что села на меня столь же идеально, как сшитый по меркам костюм, вела себя… А как вел себя экзоскелет? Как описать поведение собственной кожи? Сегодня моя кожа у локтя чуть суховата… а вот на коленях и щиколотках прямо идеальна. Как-то так? Ночная Гадюка вела себя как обычно, с насмешливой легкостью выполняя любой мой приказ. Вот только особо сложных приказов я не отдавал. Я просто шагал вперед, таща на себе два центнера груза. Я шагал по тропам, ведя за собой единственного спутника. Мы двигались от одного наблюдательного гриба системы к другому, ведя себя как жадные до грибной мякоти слизни. Энергия. Она нужна постоянно. Поэтому наш маршрут было предельно легко предсказать даже полному дилетанту. Но я не переживал на этот счет абсолютно. Чего бояться живому на залитом водой кладбище? Разве что есть опасность свалиться в могилу и свернуть себе шею.

Мы проходили холм за холм, пересекали заполненные ревущей водой овраги, равнодушно давя первые робкие зеленые ростки, что показались из грязи. Живительная вода обрушилась на этот мир, став нам лишней проблемой.

За мной шел только Каппа. Шел молча. Он замолк с тех самых пор, как увидел старую пожелтелую фотографию, извлеченную мной из тайника. Когда я спросил, видел ли он эту девушку раньше, мечник отрицательно покачал головой. С тех пор он нарушил молчание лишь один раз – попросив пяток таблеток слез, пообещав, что принимать будет по четвертинке. Сам я с наркотой завязал. Благодаря системной очистке вен и органов таблеток не хотелось совершенно – разве что мозг жаждал, но с этой тягой я легко справился.

Нет.

Никакой наркоты. Никакого алкоголя. Все это имелось при

мне. Но не трогалось и даже не вспоминалось. Я просто шагал и шагал по скользким тропам, а за мной столь же молча двигался молчаливый спутник.

Два стальных рыцаря в мертвом мире. Но это еще не все. Стив… он крался сзади. Почему? Да потому что пес одичал и привык передвигаться в одиночку. К тому же для того, кто не в экзе так безопасней – держать дистанцию от тех, по кому придется первый удар. Изредка зверолюд показывался и давал знать, что еще жив.

Остальных я отправил на базу. Всех, кроме Баска и пары подранков. Их я оставил в поселении Терпимых – по собственной просьбе Баска, когда тот понял, что я, после пары часов размышления, твердо решил вообще всех отправить к чертям и двинуться дальше один.

Да. Так я решил. Что-то внутри меня велело так поступить. Что-то внутри меня не позволило мне так бездарно просрать жизни верных мне бойцов. А они бы погибли… или еще что похуже. Не знаю, что именно бы с ними случилось. Но я почему-то был в этом полностью уверен – в плохом конце.

Впереди смерть. И мы бодро шагаем ей навстречу.

Я. Отказавшийся уходить Каппа. И отказавшийся жить без плюшевого медведя спятивший зверолюд Стив.

Незримую границу между территориями «дикими» и «обжитыми» мы миновали в ровном темпе, углубившись в месиво скал и голых оплывших холмов. Тут тропы кончались, но поднявшиеся грибы системы были заметны издалека. Услужливая система сама подсказывала куда идти, указывая лазерными лучами направление. Это не погоня. Это ленивое преследование обреченных жертв. А они жертвы. Они умрут. Это я знаю точно. Я прикончу их любой ценой. Всех прикончу. А затем потребую себе награду. Или заберу ее силой.

Башня.

Башня…

Через два часа быстрой ходьбы мы заметили поваленную системную колонну. Она еще искрила. А все вокруг было усыпано красными листьями. Укрупненная картинка дала понять, что я вижу не листья, а мертвых Красных. Странно… они лежат такой плотной группой. А оружие валяется в десятке метрах прямо в грязи. Да еще и разряженное. Тонут в лужах магазины и обоймы. Там же мокнут рюкзаки. Там же лежит под дождем примотанный к рюкзаку плюшевый медведь в обнимку с коалой.

Когда воющий от переизбытка чувств Стив прижался грудью к плюшевому медведю, я сжал его плечо стальной перчаткой и произнес:

– Уходи.

– Лид… я же слово дал… я… я щас в себя приду от счастья и…

– Уходи, пес. Назад к Баску. Понял меня? Если пойдешь за нами – убью.

– Лид…

– Понял?

– Понял.

– Твой путь завершен, пес Стив. Ты свободен.

– А башня?

Подняв забрало экза, я чуть наклонился, заглянул в мокрое лицо разумного зверя и с кривой усмешкой сказал:

– Сколько лет ты на свободе? А до Башни так и не добрался?

– Ну…

– Ты не готов пожертвовать своей жизнью, пес. Даже ради сурверских детишек. Даже ради них. Ты зверь, что хочет и дальше бродить по Чистой Тропе, пить чай у чужих костров, слушать чужие истории, вдыхать запах дыма, моря и сырого леса. Ты бродяга. А не герой. Уходи, пес. Если я увижу тебя еще раз – прострелю башку.

– Я ухожу… – опустил голову Стив. – Я ухожу…

– Забирай из оружия и рюкзаков, что хочешь. – бросил я напоследок, шагая прочь.

Бесшумно опустилось забрало. Мы продолжили путь. Я не обернулся, не глянул напоследок на мокрую жалкую фигурку лесного пса. Система без какой-либо просьбы с моей стороны сама пояснила о произошедшем здесь. Хотя я и так понял по расположению трупов и оружия что здесь случилось.

Змеи промчались мимо. Получили немного игл и пуль от системы, но их это не остановило. Колонна рухнула, но полусфера осталась активной. А красные решили сдаться. Сначала они бросили свою страшную змею-хозяйку, затем побросали оружие, стащили шлемы и упали на колени перед полусферой подпустившей их системы. Здесь они покаялись в грехах, все как один признав, что совершили немало злодеяний и… система их всех расстреляла. Полевой суд. Даже без эшафотов. Даже без допросов. Почему? Потому что некие внутренние правила не позволяют системе вызывать сюда эшафоты и допросные – в эти дикие территории Мира Монстров. Нужна помощь героев. Я бы мог помочь, тем более что уже подходил сюда. Но… поваленная полусфера издыхала – вот-вот произойдет отключение. Система не могла рисковать – ведь гоблины так легко меняют свои решения. Сейчас они сдаются. А еще через час вдруг решают удрать… Логическое машинное

решение. И сразу приговор. Десятки красных трупов на холме… Впервые одобряю действия системы – я бы поступил точно так же.

Из пояснений системы я узнал еще кое-что. Кевин, вместе с большим отрядом вооруженных и покорных его воле зомбаков, ушел куда-то в сторону, не став преследовать главных монстров этого мира. Ну да – вполне разумно. Кевин хочет собраться с мыслями. Ему надо оценить ситуацию. Действовать он начнет позже. Но мне это уже неинтересно.

Ступив на змеиный след, что напоминал русло реки, я повернулся к Каппе:

– Ты волен уйти, мечник. Я вряд ли вернусь назад.

Каппа молчал, стоя неподвижно под струями бьющего по шлему глефы дождя.

– Тебе решать. – буркнул я и пошел по следу.

Судя по всему… шагать осталось всего чуток.

И снова предчувствие меня не обмануло.

Две огромные змеи, переплетясь, вытянули свои мертвые израненные тела в глубоком овраге, что превратился в их общую могилу. Стекающая со стен жидкая грязь медленно погребала их. Такие огромные тела так просто не закопать, но даже искусственная природа справится с этим делом.

Бронированные костяные «кокпиты» раскрыты. Брассарра и Даурра… между ними расстояние в сантиметры. Сестры воссоединились. Теперь уже навеки. Сотни мертвых гусениц медленно тонут в грязи.

– Убей меня. – попросила грязь. – Это ведь ты… Оди…

Присев рядом с вбитой в стену оврага пифией Кассандрой, я осторожно вытер ее лицо, стирая корку грязи. Глянул на текущую из-под кирасы кровь, смешанную с дождевой водой. Дернувшись, Кассандра исторгла из себя кровавую рвоту. В грязь упали фаланги откусанных пальцев, следом шлепнулось ухо, пара кусков толком непрожеванного мяса. Кассандра жрала человечину. Жадно глотала. Даже не жевала.

– Убей меня. – попросила пифия. – Я монстр. Каннибал… я… я хочу убивать и жрать людей, Оди. Это сильнее меня.

– Где твои бабочки, пифия? – спросил я, вглядываясь в ее лицо.

– Они ушли… – ее левая рука с натугой высвободилась из грязевого плена. – Дай мне нож. Полосну себя сама.

Вытащив из бедренного кармана разгрузки аптечку, я прижал ее к шее Кассандры. Та замычала, попыталась отстраниться, но аптечка уже присосалась намертво. Вторую аптечку я вложил в ее левую руку. Вытащил из грязи ее правую руку и вложил в ладонь один из своих револьверов. После чего выпрямился и сказал:

– Давай уж сама, ладно? Выбор за тобой, пифия. Первая аптечка тебя оттянет от края. Даст отсрочку подумать. Вот ты и подумай. А затем прими решение. В правой руке – смерть. В левой – жизнь. Решать тебе.

– Оди…

Я не ответил. Не ответил и Каппа, двигаясь за мной безмолвной верной тенью. Он даже шагал в унисон, ставя ноги туда, откуда только что убрал их я. Тихо шумел дождь, а серая грязь спешила в овраг – добавить толику почвы к мертвым змеиным телам.

Еще сразу две легенды умерло.

И всем плевать.

Следующая полусфера встретилась через десять километров. Задержавшись, я сдал задание, указав местоположение мертвых тел. О Кассандре не сказал ни слова. Решать ей. Никто не придет ее спасать.

Монстр…

Я монстр…

Так она сказала.

Ха! Все мы монстры! Все мы гоблины!

Система приняла задание, засчитав выполненным. Надо же… в этот раз мне не пришлось ничего делать. К награде я остался равнодушным. А когда перед глазами появились новые строчки, я мотнул головой и внятно произнес:

– Башня!

Эти слова будто сами собой сорвались с языка. Отдались эхом в гудящей голове.

– Башня!

С коротким ревом системы полусфера заговорила, трубным звенящим голосом произнеся:

– У вас полное на это право, герой Эрыкван! Вы достойны!

– Ну надо же. – пробормотал я, кривясь. – Ну надо же…

– Указан путь героям славным!

Зажегшийся прожектор ударил вдаль, высветив следующую полусферу. К ней мы и пошли, оставшись равнодушными к трубным голосам и торжествующей сирене.

Едва добравшись до освещенного гриба, получили следующий световой указатель. Еще несколько километров. Эта полусфера была окружена телами мертвых зверей. Гигантские медведи и черепахи, лоси, волки… такое впечатление, что все они атаковали стальную колонну и погибли на холме, полив его своей кровью. Под рваными шкурами не только мясо – видны переплетения проводов, искореженные броневые пластины, кое-где пробегает искра. Звери-защитники атаковали пробудившуюся

систему.

Странно… или же она сама их подозвала, вызвав агрессию, а затем убив?

Мне плевать.

Мне сейчас на все плевать.

Потому что впереди поднималась высокая как шпиль скала, к ее вершине бежала тропа, что упиралась в основание чуть накренившейся Башни…

Обнаружив, что стою в начале тропы, я сделал первый шаг по ней, не сводя глаз с высящейся над головой Башни.

* * *

Добравшись до вершины, я не остановился. Я даже не бросил взгляда назад – на залитый водой пасмурный Мир Монстров, на далекие закопченные руины, на глубокий овраг с погребенными тварями. Я не обернулся, чтобы взглянуть на узкую опасную тропу, ведущую к вершине скалы – эта тропа лишь одна из множества мной преодоленных.

Я не сказал ни слова Каппе, не отстающему от меня ни на шаг. Я глядел только на мрачные массивные блоки, поросшие черным лишайником, на медную темную табличку над арочным входом, что гласила «За порогом – небытие». У высокого порога скопилась серая ломкая листва вперемешку с желтыми стеблями умершей травы. Здесь не было дождя – над башней клубились серые облака, но вниз не падало ни единой капли.

Я позволил себе один единственный вдох, а затем шумный медленный выход. И сразу же шагнул вперед, не давая себе больше поблажек. Все мы трусы в душе. Хоть немного – но трусы. И чем дольше ждешь, прежде чем шагнуть навстречу обещанной смерти или небытия – тем выше внутренний слабак и трус поднимает голову, льстиво называя себя при этом разумной осторожностью.

Свет вспыхнул, едва я переступил порог. Свет мягкий, настолько мягкий, что на него не сработали светофильтры Гадюки, не посчитав это нужным. Он высветил внутренние стены башни и стало ясно, что я оказался в колодце со стальным дном. Вошедший следом Каппа не встретил сопротивления Башни – она проглотила его с той же готовностью, что и меня. А следом закрыла двери, задвинув толстенные металлические створки, что могли бы украсить собой любой банковский сейф.

Оглядевшись, оценив стены и торчащие из них «украшения», я хрипло рассмеялся:

– Какая убойная крысоловка…

Каппа промолчал. Но за него ответил мягкий и задумчивый голос, исходящий от стен башни:

– Крысоловка? Ну нет. Ты не крыса. Ты более опасный зверь. Вот только непонятно какой… Привет, герой Оди. Привет и тебе, герой Каппа.

Свет вспыхнул ярче, мелькнули лазерные лучи и на стальном полу пустотелой Башни появилась одинокая фигура высокого, широкоплечего небритого старика с усталым взглядом умных глаз. Я замер, впившись взглядом в лицо. Я знаю его… я знаю его! Он…

– Пытаешься узнать? – усмехнулся старик. – Можешь называть меня Первым. Это прозвище стало частью моей души. Сними свой чертов экзоскелет, герой Оди. Хотя мне непривычно называть тебя этим именем… Но при этом мне привычно видеть тебя в этой башне.

– Я уже бывал здесь.

– О да. И ты. И твой спутник. Вы оба бывали здесь. Но первый раз – вместе. Ты хотя бы знаешь, кто он такой? А ты, – взгляд старика сместился к глефе Каппы, – ты знаешь, кто такой герой Оди, которому ты присягнул на верность?

– Знаю… – с трудом выдавил из себя Каппа и, опустившись на колено, «вскрылся», поднялся во весь рост и глянул мрачно на меня. – Я знаю… я вспомнил… Он…

– Опозорившийся телохранитель. – хмыкнул Первый, властным жестом прерывая азиата. – Влюбленный в свою госпожу телохранитель. Ее друг детства. Ее верная тень. Вот только она предпочла другого. Да, Каппа? Она полюбила не тебя – верного и надежного спутника. Ты не смирился, но не сказал ни слова, продолжая верно служить. А потом случилось то, что случилось…

Я молчал, медленно переводя взгляд с голограммы на Каппу и обратно.

– Но… она ведь не умерла, Каппа, – широко улыбнулся Первый. – Твоя госпожа жива. И она ищет тебя.

– Ищет меня… – выдохнул азиат, подавшись вперед. – Жива…

– Несмотря на пролетевшее немалое время она по-прежнему молода и красива. Да и вы особо не состарились. Что тоже неудивительно – сколько жизней вы прожили? Ладно ты, Каппа. Две с половиной жизни – не так уж много. Ты не уникален. Но вот ты, Оди… мрачный безжалостный убийца… ты продолжаешь меня удивлять спустя годы и годы, годы и годы. Я наблюдаю за тобой… постоянно наблюдаю… и еще не было дня, когда ты бы меня не удивил. Ты ведь слышал байку про пластилин в стальных трубах? – лицо старика дернулось, он медленно опустился и под

ним возникло кожаное кресло с высокой спинкой. – Ты должен был слышать.

Я молчал, медленно оглядывая внутренности башни.

– Так вот… ты, Оди… ты не пластилин. Ты, скорее, жесткий унитазный ершик, что способен прочистить любую трубу. Причем каждый раз ты действуешь по одному и тому же сценарию. Раз за разом ты приходишь сюда – к Башне, где бы она не находилась. Кем ты только не бывал… но каждый раз ты выживаешь и приходишь сюда. Каждый раз мы разговариваем. И каждый раз ты, тупой упертый ушлепок, отказываешься принять очевидное! Отказываешься принять мою правоту! А я прав! Прав! Всегда был прав! И раньше ты был согласен с этим! Раньше ты молча делал свое дело! Делал качественно! Быстро! Четко! Что сломалось в твоей голове?! С каких пор ты стал таким мягкотелым? Когда ты потерял цель?!

– Моя госпожа. – тихо произнес Каппа.

– ЗАТКНИСЬ! – выкрикнул старик, вцепившись в подлокотники – Мелочь! Это просто мелочь! Она просто девушка! Таких тысячи! Я сейчас говорю про судьбу мира! А ты продолжаешь нудить про свою детскую любовь? Про свое несостоявшееся личное счастье?! Ты эгоист! Сраный упертый эгоист! И что самое смешное – ты почему-то веришь, что она тебя любит. Она никогда тебя не любила! Никогда не относилась как к мужчине! Как к брату – да! Как к лучшему другу – да! А как к мужчине, с которым бы хотела делить постель и просыпаться вместе каждое утро – нет! Нет! Я уже говорил тебе однажды – твоя мечта несбыточна! Твое высказанное эгоистичное желание Башне – невыполнимо! Я уже говорил тебе это однажды! И повторю – никто не доставит тебя к ней или ее к тебе! Этого не будет! Она так далеко от тебя, что ты и представить не можешь! Даже Башня не может тебе в этом помочь! Мечник! В последний раз ты, поняв, что не сможешь достичь своей цели, просто попросил показать тебе ее на экране. Пять минут ты наблюдал за тем, как она подрезала цветы на балконе… и за это ты согласился на обнуление статуса, потерю всего имущества, потерю памяти. Пять минут ты глухо рыдал, она подрезала цветочки, а я скучал, наблюдая за всем этим дерьмом. Дерьмом! Вы, люди… вы только и можете что думать про себя. Но не про мир! Ладно! Слушай меня внимательно, глупый влюбленный мечник… я сделаю тебе особое предложение! Но сделаю его только в том случае, если на этот раз Оди наконец-то соизволит пойти мне навстречу. Ты нужен мне, Оди. Ты снова очень нужен мне. Мир снова на грани. Мир снова на краю. Самое время вмешаться. И лучше тебя мне никого не найти.

– Что за дерьмо здесь происходит… – медленно произнес я и опустился на колено, чтобы «вскрыться».

Выбравшись из стальной кожи, я еще раз бросил взгляд на направленное на нас со стен башни оружие, что способно пустить ко дну боевой корабль, а не только изрешетить пару боевых экзоскелетов.

– Что происходит? Мы победили. – усмехнулся снова успокоившийся Первый, откидываясь на спинку кресла. – Мы спасли мир! Мы спасли планету! Ты не вспомнил?

– Нет.

– И не удивительно – слишком часто ментальные щетки проходились по твоим извилинам и серым клеточкам. Твои мозги капитально вычищены. Раньше тебе удавалось почти полностью восстановить свою память. Однажды ты пытался избежать Башни и проломить стену мира… с трудом удалось тебя остановить. И тогда ты опять явился сюда и опять начал орать, что мы так не договаривались. Это было хотя бы интересно. А теперь ты даже не помнишь… Ты нихрена не помнишь!

– Не помню что?

– Мы долго работали над спасением мира. Работали плечом к плечу. Работали быстро и безжалостно. Планета умирала. Содрогалась под нашими ногами, задыхалась в чаду, захлебывалась в кислотных приливах, что каждый день выбрасывали на берега океанов сотни тонн мертвой рыбы. Мы работали быстро! И нам удалось!

– Мы спаслись… в этом мире. – я обвел рукой стены башни, за которыми расстилались просторы огромного искусственного мира.

Тихо рассмеявшись, старик покачал головой:

– Ты все же не вспомнил главное, да? Ты не вспомнил главную цель?

– Не уловил.

– Именно. Ты не улавливаешь разницу, потому что не вспомнил главного – цель спасти человечество никогда не стояла перед нами. Ты не помнишь, как сам сравнивал людей с раковым заболеванием. А ведь сравнение очень меткое. Человечество и есть настоящее раковое заболевание, что либо убивает, либо перерождает все вокруг и быстро, очень быстро растет, потребляя все и больше и больше. Нет, Оди. В жопу людей. В жопу человечество. Мы спасали мир! И спасли!

– Не уловил. – повторил я.

– Я расскажу тебе. – кивнул Первый. – И знаешь – это будет впервые с тех пор, как тебе первый раз стерли память. Я впервые тебе расскажу о нашей задумке. О том, что мы сотворили… о

нашей победе. Нашей! Не моей – нашей! И вот сейчас все снова катится к херам… а почему? Потому что ты отступился! Ты решил – хватит, время пришло, настало время вернуть ее этим засранцам.

– Вернуть кого? Кому?

– Планету! Людям! Смотри! – Первый взмахнул рукой, и все вокруг нас изменилось.

Стены башни исчезли. Мы повисли в воздухе на высоте в несколько сот метров. Я невольно задохнулся, прикрыл глаза руками, когда увидел невообразимый простор прозрачнейшего воздуха.

– Смотри! – повторил старик, и мы понеслись по воздуху.

Величественные горы со снежными шапками. Гремящие водопады, что пополняют русла рек с зелеными берегами. Дремучие леса, что тянутся и тянутся на тысячи километров. Гигантские озера с прозрачнейшей водой. Синие моря и океаны. Мы неслись и неслись с невообразимой скоростью над абсолютно здоровым миром, полным зверей, птиц, рыбы. Этот мир прекрасен…

– Вот она… очищенная и вылеченная красавица планета Земля… наш мир. Наша колыбель! Стоило нам осуществить третью фазу – и мир начал лечить сам.

– Третья фаза?

– Вижу, ты заинтересовался. Это хорошо. Третья фаза? Она проста и действенно – врубить холодильники и напихать туда расчлененные тела. Утрамбовать все это дерьмо хорошенько. Закрыть двери. И забыть об этом дерьме на долгие века. Смотри!

Окружающая нас картинка чуть сместилась, и мы повисли над… Этот колоссальный каменный купол, поросший лесом не назвать горой. Это нечто куда более крупное – пусть не выше, но в сотни раз шире любой горы. Сотни километров в поперечнике. И явно мы видели лишь вершину айсберга, что уходил в земную толщу незнамо на какую глубину. Этот исполинский купол, чьи очертания можно было полностью увидеть только с огромной высоты, расположился посреди древнего леса, изрезанного десятками рек.

– Что это? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Это? Это опухоль. – улыбнулся старик. – Ты сейчас внутри этой опухоли. Мы назвали ее Франциск II. Ты сейчас примерил на себя тогу бога и с высоты облачного олимпа, сверху вниз смотришь на гигантскую опухоль, полную гнойной мерзкой жизни. И ты один из тех, кто там обитает. Ты знаешь этот мир вдоль и поперек – сколько раз ты пробуждался здесь, сколько раз ты проживал новую жизнь, чтобы в конце концов явиться сюда и

заявить мне – время пришло! Но это не так! Хотя, в последние разы ты уже даже не вспоминал главной сути. Ты являлся сюда и… даже не понимал, что именно ты хочешь потребовать. А в первый раз ты сходу заявил свое главное желание – открывай шлюзы, пробуждай спящих, выпускай их в излеченный мир! Пришло время!

– А-а-а-а… – сипло выдохнул опустивший на пол Каппа. – А-а-а…

– Мечник осознал размах. – усмехнулся Первый. – Да, глупый влюбленный мечник. Твоя любовь, ваши жизни – все прах! Все – мелочь! Мы спасали мир! Но не ради людей! А от людей! Ты, Оди! Именно ты, сравнил людей с раковым заболеванием, что пускает повсюду метастазы! Ты в одной из наших бесед задумчиво сказал, что как бы было неплохо лет так на двести убрать отравляющих родной мир людей куда-нибудь на нижнюю полку холодильника. За эти два века планета хоть немного бы пришла в себя. А затем, когда мир реально будет излечен – мы бы выпустили всех наружу. И меня осенило… вот оно! Загнать все человечество в искусственные опухоли – и пусть гниют там! Пусть там пожирают и убивают друг друга! Пусть там делают что хотят – главное, отрубить им возможность воспроизводства. Пусть за эти века живущие в опухолях люди радикально уменьшат свою численность. Дай им ножи и пушки, дай им шанс убивать себе подобных – и они воспользуются этим шансом! И не на два века… в те дни я решил, что потребуется минимум четыреста лет, чтобы дать планете капитально обновить себя. А сейчас я думаю… а зачем их выпускать? Зачем? Чтобы они снова все загадили?! Чтобы они снова начали вырубать вековые леса ради изготовления красивых стульев? Чтобы снова убивать пушистых зверей ради шуб?! ДА?! Так мой ответ – НЕТ! Этого не будет! Не для того мы спасали мир! Не для людей! Стоит позволить одной опухоли лопнуть… и все повторится снова. Ты не хуже меня знаешь, Оди, на что способны глупые люди, не хотящие думать о будущем. Но ты почему-то потребовал исполнения обещания. Ты потребовал освободить людей… а я отказался. Дальше было грустно. Из-за тебя я потерял многих друзей. Но в конце концов случилось неизбежное – тебе стерли память и отправил сюда – во Франциск II. Кстати, ты знаешь откуда эти названия? Названия наших искусственных миров, разбросанных по всей планете?

– Нет…

– Это имена Пап Римских. Удобно! Каждый холодильник с красивым звучным именем. И знаешь – эти имена так полюбились тупоумным смертным. И знаешь – это ведь тоже ты придумал! Ты сказал, что в годы скорби и страха люди потянутся к именам,

обещающим спасение. И сработало! Тупоумные еще выбирали, в какой мир они отправятся на время Великого Сумрака – как мы назвали выдуманное нами событие, подтвержденное ложными научными данными и подписями величайших ученых того времени. Людишки жопы рвали, чтобы оказаться в спасительном мире Стефан, или Иннокентий, или Лев… они верили, что это дает какие-то там особенности и повышенные шансы на выживание. Мы загнали человечество в опухоли! Мы нанесли удар по терзающей планету раковой болезни! Мы выжгли непокорные метастазы! Остальную вонючую массу погрузили в искусственные миры и заперли двери! И начали спокойно ждать, с радостью наблюдая, как планета потихоньку себя лечит. Но едва реки посветлели, а леса подросли… герой Оди вдруг решил, что пришла пора… Может, всему виной то, что ты так и остался одинок? Может, и зря я тайком еще тогда выжег из твоей памяти воспоминания о ней… Когда у человека нет счастья личного, он начинает думать о счастье чужом. Не знаю… Что скажешь, Оди?

– Я слушаю.

– Надо же… на этот раз ты немного другой. Стал… мягче? Может, особенность этого мира наконец повлияла на тебя? Ты ведь уже заметил? Да? В прошлый раз это не проходило мимо тебя.

– Что именно?

– В этом мирке правят женщины. – старик широко развел руками, а в воздухе одна за другой начали появляться женские фотографии. – Так сделано специально. Людишек надо изучать. Изучать пристально. Каждую мелочь. Надо помещать их как крыс в особые лабораторные условия и затем наблюдать за происходящем. В этом мире полно властных женщин. В этом мире в жратву щедро подмешивают одно сложнейшее химическое соединение, что делает мужиков чуть более вялыми, безразличными, избегающими ответственности. Многое зависит от характера, некоторые продолжают куда-то стремиться, но, достигнув цели, превращаются в вялых бездельников. И пользуясь этим, женщины быстро выходят на высокие должности. Или же, оставаясь тенью за плечом правителя, ворочают делами с поистине королевским размахом. В этот свой заход ты прошелся по другому краю мира Франциск II. Иначе увидел бы немало интересного… хотя все это ты видел в прошлый раз.

– Ты сам-то считаешь себя человеком?

– Ну я точно не гоблин. Да и ты никогда не равнял себя с серой массой. Ты всегда был одиночкой. Волком-убийцей с трезвым взглядом на жизнь и презрением к тем, кто бесцельно профукивал ее. Но годы меняют даже тебя, добавляя тебе бабской

слезливости и жалости!

– А другие миры… там по-другому?

– Глобальные условия? Конечно. В каждом мире все чуток иначе. Каждый такой мир – испытательный полигон. Я ищу. Ищу старательно.

– Что именно?

– Я ищу идеальные условия. Если однажды я открою эти папские мирки и выпущу жадных тварей на волю – я хочу иметь под рукой хорошо действующие средства, что смогут навеки притушить человеческую ненасытность. Жить надо с природой в ладу. Жить надо просто. И однажды я найду способ вложить эту истину в голову каждого.

– Мне ведь отсюда не уйти, да? – произнес я.

– Ну конечно нет, Оди. Этот раунд завершен. Но… я все же перечислю тебе варианты. А ты уже решишь. Ладно? И помни, перед тем как пытаться сбежать или разрушить Башню, – не получится! И помни – каждый раз, когда я прохожусь по твоей упрямой башке стирающей память колючей губкой… ты теряешь часть себя! Теряешь навеки! Еще пара таких заходов… и ты превратишься в слюнявый мусор без былой хватки. Тебя просто убьют. Бездарно убьют и сожрут в этом родном тебе уже мирке! Я не зря напомнил тебе об этих стальных опухолях. Не зря впервые напомнил тебе и показал исцеленную планету. Я все же надеюсь… надеюсь! А тем временем этому миру снова угрожают…

– О каких вариантах речь?

– Ого… это уже сама по себе новость – герой Оди впервые не орет, не стреляет, а просто слушает. Может, стоило раньше поведать тебе о глобальном настоящем? Хм…

– Варианты?

– Они просты. Первый и хорошо тебе известный – я вырубаю тебя разрядом, стираю память, ненадолго помещаю в холодильник. А затем опять вышвыриваю тебя в мир – на этот раз ты, возможно, родишься добросом. А может, бродосом… хотя это уже было. Да чего только не было… Ну разве что призмом ты не бывал – и не будешь до тех пор, пока я верю в твою ценность. Не знаю, какой путь ты выберешь после рождения, но он точно будет кровавым, и в конце концов ты снова окажешься в Башне. Цикл опять будет завершен. Может, ты попытаешься пробиться наружу… но я сделаю все, чтобы тебя остановить. А ты сделаешь все, чтобы победить, … и кто знает – может, однажды все завершится как-то иначе. Кто знает… ты до сих пор удивляешь меня.

– Дальше.

– Второй вариант… я дам тебе шанс доказать свою преданность. Я выпущу тебя туда – передо мной снова возникла крутящаяся в космосе голубая планета – Видишь ли… люди твари живучие. И не все они в свое время согласились уйти в убежища, что должны были защитить их от выдуманного Великого Сумрака. Многие из этих ушлепков даже бункеры создали! Само собой, мы с тобой позднее позаботились об этих гениях, усыпив, стерев память и перетащив их в папские опухоли. Мы усердно вырезали гнойник за гнойником. Но вырезали не всех. И вот сейчас начали пропадать звери-защитники, что патрулируют одну из областей вокруг Франциска II. Уничтожаются полусферы наблюдения. Кто это? Какую цель они преследуют? Сколько их? Насколько опасны? И ведь все это, считай, неподалеку, да? Так может возьмешься за персональное задание старого друга? Можем даже поторговаться чуток. Ты знаешь – я всегда держу свои обещания. А мне опять нужен пусть не ручной, но умелый дикий волк, что быстро отыщет проблемное место. Я отдам тебе Каппу. Я не стану стирать вам память. Я отдам вам еще… скажем, троих бойцов на твой выбор. Не забуду про экзоскелеты и оружие. Взамен ты проведешь для меня разведывательный рейд. Выяснишь, в чем проблема. Доложишь. И этим самым сделаешь первый шаг мне навстречу. Докажешь, что ты не просто кровожадный тупой наркот, а человек! Человек мыслящий! Думающий о планете!

Я молчал…

– Опять? – вздохнул старик и поднялся с кресла. – Опять глупое упрямство берет свое? Послушай, Оди… мрак снова сгущается! Звери-защитники пропадают не только вокруг Франциска. Это уже по всей планете. В заброшенных и поглощенных природой мегаполисах опять какое-то движение. Падают и исчезают дроны. Перестают выходить на связь посланные мной малые отряды. Где-то вспыхивают пожары. Раковое заболевание пробудилось и дало о себе знать… как бы усердно мясорубки не крутились – не так-то просто перемолоть оставшиеся миллиарды утрамбованных людей, ждущих пробуждения! А теперь подумай ты, доброхот! Что будет, если миллиарды людей выплеснутся на девственно дикую планету?! Думаешь, они выживут?! Они привыкли обитать в уютных городах! Они привыкли к супермаркетам! К тому, что жратву доставляют прямо на порог! К тому, что все проблемы решает полиция! Хватит уже думать только о себе, Оди! Вспомни о планете! Докажи мне, что ты по-прежнему можешь принимать верные решения.

Я молчал…

– Время вышло, герой Оди. Тебе выбирать, в начало какого

пути ты отправишься, убийца. А Башня исполнит твое желание… Прими решение. Здесь и сейчас!

Усмехнувшись, я встретился взглядом с Первым Высшим и произнес…

Задрожавшая Башня трубно заревела, заглушая мой голой, но старик меня услышал…

Конец.